

Вестник
АЛЪЯНС-АРХЕО

50

Вестник
АЛЬЯНС-АРХЕО

50

Москва
Санкт-Петербург
2026

Научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео» осуществляет выпуск электронного издания, на страницах которого размещаются материалы, отражающие результаты исторических и историко-методических исследований, а также представляются публикации нарративных, документальных и изобразительных памятников.

Редактор *С. Н. Кистерев*

Альянс-Архео

© Зарегистрированный в России товарный знак,
свидетельство № 743093

*Вестник «Альянс-Архео» издается научно-исследовательским
и издательским объединением «Альянс-Архео»
и распространяется исключительно в электронном виде*

*Журнал индексируется в научной библиотеке КиберЛенинка
и поддерживает современный стандарт научной коммуникации —
открытый доступ к науке и открытые лицензии*

CYBERLENINKA

Л. В. Мошкова

**ГРАМОТНОСТЬ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ
ПЕРЕСЛАВСКОГО УЕЗДА
В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI в.**

Памяти Георгия Владимировича Семенченко

Историография вопроса, которому посвящена настоящая статья, крайне скудна, и основные работы уже были перечислены в недавно вышедшей публикации.¹ Основной вывод, который автор сделал, пытаясь найти корреляцию между землевладельцами, перечисленными в Русской писцовой книге 1567–1569 гг. и упоминаемыми в сохранившихся актах по этому уезду за 1549–1588 гг., оказался неутешительным: в обоих источниках есть значительные лакуны, которые препятствуют получению достаточно точных данных. Поэтому для проверки сделанных подсчетов было решено взять грамоты по Переславскому уезду за третью четверть XVI в., поскольку актовый материал, относящийся к этой территории, представлен неплохо.

При знакомстве с выбранными актами по Переславскому уезду стало ясно, что их номинал отличается от номинала проанализированных в предыдущей статье грамот по Русскому уезду (56 единиц хранения).² Так, среди переславских актов нет ни одной духовной, в то время как в русских они представлены четырьмя документами (7,14 % от общего числа грамот). Среди 76 переславских грамот есть пять (6,65 %) закладных кабал, которые в русских грамотах не встречались.³ Сопоставимо только соотношение данных и купчих: среди гра-

¹ См.: *Мошкова Л. В.* Грамотность землевладельцев Русского уезда (1549–1588 гг.) // К 70-летию Людмилы Алексеевны Тимошиной. Сборник статей. М.; СПб., 2025. С. 132–133.

² См.: Там же. С. 134.

³ Конечно, это можно попытаться объяснить «неравномерностью» сохранности актов по разным уездам, а также тем, что отложились они в архивах разных монастырей:

мот по Рузскому уезду оно составляет соответственно 67,8% (38 актов) и 16,1% (9 актов), по Переславскому — 65,79% (50 актов) и 17,1% (13 актов).⁴

Источниковую базу статьи составили 76 частных актов из ф. 281 РГАДА (Грамоты Коллегии экономии).⁵ По разным причинам во время работы из рассмотрения были исключены восемь единиц хранения.

Отступная запись («отпись») кн. Михаила Васильевича Глинского властям Троице-Сергиева монастыря 1555/56 г. (№ 8898) является фальсификатом,⁶ а подлинник хранится в коллекции Н. Г. Головина в архиве Санкт-Петербургского Института истории (ф. 41, № 70).

для Рузского уезда преимущественно в Иосифо-Волоколамском, для Переславского — в Троице-Сергиевом и Троицком Махрицком.

⁴ Наиболее поздняя по датировке купчая по Рузскому уезду оформлена в 1588/89 г., предыдущая — в 1563/64 г. Самая поздняя купчая среди переславских актов датируется 1565/66 г. И если мы посмотрим на соотношение данная — купчая за отрезок времени перед составлением последней купчей, то картина получается следующей: в Переславском уезде 20 данных и 13 купчих, в Рузском — 24 данных и 9 купчих. Примерно такое же соотношение и на других территориях. В бежецких актах за 1549/50–1564/65 гг. сохранилось 17 данных и 2 купчих, за 1565/66–1575/76 гг. — 45 данных и ни одной купчей (см.: Описание грамот Коллегии экономии. Т. 1. М., 2016. С. 216–230). В Дмитровском уезде первый указанный временный отрезок дает нам 16 данных и 3 купчих, второй — 33 данных и 3 купчих (см.: Там же. С. 666–676). При этом в некоторых уездах данные грамоты за 1565–1576 гг. являются основным видом сохранившихся документов, что легко определяется по их номерам. Так, в Дмитровском уезде это единицы хранения № 3815, 3822, 3824–3836, 3838–3840, 3842–3856; в Костромском — № 5067–5069, 5071–5074, 5076–5078, 5081–5085, 5087–5095, 5097–5101 (см.: Описание грамот Коллегии экономии. Т. 1. С. 670–676; Т. 2. М., 2018. С. 21–26). Об этом всплеске пожертвований писал еще С. Б. Веселовский, отмечавший, что «под влиянием опричных выселений, опал и казней, рост отчуждений принимает катастрофический характер» (*Веселовский С. Б. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в.* // ИЗ. Вып. 10. М., 1941. С. 104). Исследователь перечислил ряд причин, по которым резко увеличилось число земельных вкладов в монастыри: «Побуждения обрядово-религиозные ... сплетались чрезвычайно и прихотливо с чисто практическими соображениями» (Там же. С. 103), среди которых наиболее частым было сохранение права пожизненного владения, при котором земля становилась собственностью монастыря, прикрывавшим ее своим иммунитетом, а вкладчик спокойно доживал свой век под защитой обители (см.: Там же).

⁵ № 8874, 8876–8881, 8884, 8887–8891, 8895, 8896, 8900–8903, 8906, 8909–8916, 8919–8921, 8923, 8933–8935, 8938–8942, 8944, 8946–8949, 8952, 8954–8958, 8960, 8961, 8963–8966, 8968–8986. Здесь и далее номера единиц хранения из ф. 281 приводятся без указания номера и названия фонда.

⁶ Бумага достаточно плотная, на просвет темноватая, ширина понтозо не определяется. На лицевой стороне акта сказано, что кн. Михаил «печать свою приложил». Однако, если вырезы бумаги есть, то следов печати (масляного круга) нет. Есть грязноватое пятно, но расположено оно не там, где должно было бы находиться. А. В. Антонов считает документ подлинным (см.: Описание грамот Коллегии экономии. Т. 2. № 8898).

Данная Захарии Иванова сына Рычкова 1558 г. (№ 8907), которую А. В. Антонов считает подлинной,⁷ представляет собой список, сделанный, вероятно, к 1719 г. для явки в Поместный приказ.⁸

Меновая окольничего и оружничего Льва Андреевича Салтыкова Морозова у Василия, Ивана и Степана Васильевых детей Мелкишева 1556 г. (№ 8908) была исключена по следующей причине. Земли менялись «государю своему царю и великому князю» Ивану Васильевичу, послухов к сделке не привлекали, акт был скреплен печатью окольничего и заверен подписью дьяка Ивана Клобукова, а братья Мелкишевы факт обмена своими подписями не подтверждали («не по чину» им это было). Поэтому неизвестно, были ли три участника обмена грамотными.

Бесполезными для темы исследования оказались разъезжие грамоты, выданные официальными лицами,⁹ поскольку эти акты заверены печатями, а послухи отсутствуют.

Купчая Ивана, Неждана и Тимофея Григорьевых детей Баскакова у своего брата Андрея Клементьева сына Баскакова 1553/54 г. не исключена из подсчетов, хотя сомнения в ее подлинности остаются.¹⁰ Водяной знак — нижняя часть «сферы», и сходных филиграней в альбомах Ш. Брике и Н. П. Лихачева нет. По ширине понтюзо она близка к знакам, датируемым в справочнике Ш. Брике 1570–1590-ми годами, хотя в книге Н. П. Лихачева самая ранняя «сфера» (отличающаяся по рисунку и размеру) относится к 1554 г.¹¹ Образцов почерка написавшего акт и заверивших его послухов на других просмотренных грамотах не найдено, но вызывает недоверие подозрительное сходство графики обоих рукоприкладств, хотя оставившие их люди не являются родственниками.

Данная с отводом Семена Васильева сына Баскакова и Сухоря Григорьева сына Воронцова игумену Троице-Сергиева монастыря Иоасафу 1557/58 г., представленная двумя единицами хранения (№ 8903, 8904),

⁷ См.: Описание грамот Коллегии экономии. Т. 2. № 8907.

⁸ Филигрань — плохо различимый «герб Амстердама», по рисунку сходный со знаками начала XVIII в., а почерк ни в коем случае не может быть датирован 1558 г. Поэтому явочная запись от 19 октября 1719 г. определяет верхнюю границу изготовления списка.

⁹ № 8885, 8893, 8917, 8924, 8937.

¹⁰ Дополнительным поводом для сомнения является запись, сделанная в 7088 г. Григорием Федоровым сыном Ефимиева на обороте о том, что «Иван Григорьев сын Баскакова выдал есми купчую: купил есми з братьею у брата своего у Ондреа у Баскакова вотчинку сельцо Смолево ... сыну Гриденкову».

¹¹ Извлечена из сотной выписи 1554 г. (см.: *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. II. Предметный и хронологический указатели. СПб., 1899. С. 366).

в любом случае при подсчетах должна была учитываться как один документ. Но А. В. Антонов ошибочно считает эти акты противными.¹² Бумага грамот отличается (хотя это не самый надежный показатель), но главное, что почерки ни на лицевых сторонах, ни на оборотах не совпадают.¹³ Нельзя отрицать, что текст на лицевой стороне № 8904 написан той же рукой, которой сделаны рукоприкладства на обороте. Возможно, № 8904 — список, который Сухорь сделал для себя: его подписи на оборотах обеих грамот практически идентичны.

Рассмотрение вопроса о грамотности необходимо начать с уточнения, которое должно прояснить главное: что обозначает этот термин и что действительно рассматривается. Известно, что обучение чтению и письму не было двуединым процессом: сначала учили читать и только затем писать.¹⁴ При этом последнему навыку обучали не всех, и кто-то осваивал только чтение. Следовательно, человек мог читать книги, но писать не умел.¹⁵ Можно ли назвать его неграмотным? Вероятно, нет.¹⁶ Но поскольку никаких свидетельств такой «пассивной» грамотности нет, приходится опираться на то, что есть — подписи и рукоприкладства, которые говорят об умении писать и, следовательно, читать. Поэтому далее в тексте грамотным называется человек, который «подтвердил» свое умение писать и, следовательно, читать.

Перед тем, как переходить к рассмотрению вопроса, которому посвящена статья, хотелось бы остановиться на методике проделанной работы. Большое количество грамот, выбранных для анализа, изначально предполагало, что список землевладельцев и прочих упоминаемых в них лиц будет достаточно объемным. Поэтому решено было сводить необходимые сведения в базу данных.¹⁷ При формировании базы в нее не включались: 1) представители монастырских властей, перечисленные во вкладных грамотах; 2) монашествующие, выступавшие покупателями или вкладчиками.¹⁸

¹² См.: Описание грамот Коллегии экономии. Т. 2. № 8903, 8904.

¹³ Попытка найти почерки Семена Васильева сына Баскакова, написавшего № 8903, и подписавшего документ второго вкладчика Сухоря Григорьева сына Воронцова, а также двух оставивших рукоприкладства послухов среди других просмотренных актов не увенчалась успехом: эти имена упоминаются только в одной грамоте.

¹⁴ См., например: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. С древнейших времен до конца XVII в. М., 1898. С. 182–183.

¹⁵ Обучение письму имело две цели: научить писать и приобрести навык чтения не книжного письма (см.: Там же. С. 45, 182).

¹⁶ Хотя и навык чтения без регулярных упражнений должен деградировать.

¹⁷ Каждая карточка включала семь полей: номер акта, имя, статус (вкладчик, продавец, послух и т. д.), текст подписи или рукоприкладства, тип почерка, оценка (уровень владения навыком письма) и примечание.

¹⁸ Грамот, выданных представителями черного духовенства, немного: данная троицкого старца Серапиона Семенова сына Константиновича Беззубцева (№ 8876)

После обработки всех 76 актов база насчитывала свыше 530 записей (или карточек). Затем из нее были изъяты и сохранены в отдельный файл представители черного и белого духовенства, упоминавшиеся в тексте и/или расписавшиеся на обороте; а также безвозвратно удалены лица, социальное положение которых автору статьи было неясно¹⁹ или не соответствовало теме статьи.²⁰

Конечно, в первую очередь пострадали люди, оформлявшие акты, то есть грамотные.²¹ Имя и патроним не дали возможности «приписать» их к какому-нибудь роду, фигурирующему в базе.²² В некоторых случаях писец указал имя, патроним и фамильное прозвище, но и в этом случае в базе оставались лишь те, чьи «фамилии» совпадали с представителями землевладельцев Переславского уезда, упоминавшимися в других актах.²³

В результате проведенного сокращения в базе осталось 460 записей, которые после объединения «превратились» в 380 человек,²⁴ сведен-

и три купчих игуменов Троицкого Махрицкого монастыря: Ионы (№ 8879, 8880) и Варлаама (№ 8900).

¹⁹ Например, написавший данную Жихорь Микулин сын, «человек» вкладчика Андрея Васильева сына Колзакова (№ 8955) или выступавший заимодавцем Слоут — «человек» кн. Михаила Васильевича Глинского (№ 8902). Автор понимает, что в процессе аннулирования «лишних» записей могли быть допущены ошибки, но уповает на то, что они не превысили порог допустимых погрешностей.

²⁰ Так, в полюбовной разъезжей ряда связанных родством лиц (№ 8920) в качестве послухов (!) были названы два крестьянина: Нечай Семенов сын Матренина и Третьяк Фефилов сын Белоусова. В других виденных мной полюбовных разъезжих крестьяне упоминались, но в ином качестве: они «были на разъезде», т. е. участвовали в процессе установления границы, но в числе послухов не фигурировали.

²¹ См.: Мошкова Л. В. Грамотность землевладельцев Рузского уезда. С. 137–138.

²² Среди них «Горяшка» Истомина, написавший в 1574/75 г. данную (№ 8981).

²³ Твердое следование этому правилу заставило оставить в базе оформившего одну грамоту (№ 8965) воздвиженского земского дьячка Меншика Петрова сына Харитонова, поскольку известен Григорий Исаков сын Харитонова, выступивший однажды послухом (№ 8933) и написавший два акта (№ 8941, 8952). Сходным образом остался в базе написавший грамоту (№ 8876) подьячий Максим Симонов сын Микифорова: представители Микифоровых/Никифоровых известны по другим актам (№ 8912, 8975). Надо отметить, что все упомянутые люди пишут прекрасно. Поэтому, возможно, перед нами свидетельство постепенного перехода служилого человека в иную социальную категорию.

²⁴ Сформированный список был сопоставлен с именованным указателем к изданию: Стрельников С. В., Павлов А. П. Межевые книги Троице-Сергиева монастыря середины XVI в. // Российская генеалогия. Научный альманах. Вып. 15. М., 2024. С. 346–365. Совпадение имени, патронима и фамильного прозвища отмечено в 67 случаях. Наряду с этим отмечены еще 44 «фамилии», которые представлены и в указателе, и в составленном автором списке, но имена и патронимы отличаются. Для раскрытия темы, которой посвящена статья, это сравнение не было необходимым и делалось «симметрично» прошлой статье, в которой составленный по актам перечень землевладельцев Рузского уезда сравнивался с материалом писцовой книги (см.: Мошкова Л. В. Грамотность землевладельцев Рузского уезда. С. 138–139).

ных в одну таблицу.²⁵ Подавляющее большинство лиц упоминается только один раз (316 человек или 83,16%). В двух документах (иногда в разных качествах²⁶) фигурирует 56 человек (14,7%), 5 человек упоминаются в трех грамотах и по одному человеку в четырех, пяти и восьми актах.

Теперь рассмотрим основные категории лиц, которые встречаются в актах.

Продавцы.²⁷ В анализируемых актах упоминаются 25 продавцов, 17 из них оставили подписи или оформили акт собственноручно. Четыре купчих написали своей рукой три человека: Андрей Клементьев сын Баскакова (№ 8891), Богдан Пешков сын Баскакова (№ 8878, 8881) и Иван Якимов сын Уполовникова (№ 8942). Следовательно, среди продавцов не менее 68% грамотных. Но если исключить из подсчетов Матрену Борисову дочь Ступишина (№ 8888, 8890) и Ульяну, вдову Юрия-Истомы Степанова сына Чертовского (№ 8880), то процент грамотных продавцов мужчин повысится до 73,9%.

Надо отметить, что стандартный, достаточно длинный, формуляр заверительной подписи (например: «Яз, Поярок, вотчину свою продал и руку приложил» в № 8942 или «По сей купчей яз, Иван Козлов, вотчину продал и руку приложил» в № 8944) в двух купчих одного человека по краткости приближается к рукоприкладству послуха: «К сей купчей Курдяи и руку приложил» (№ 8878); «К сей записи Курдяи руку приложил» (№ 8881). Вероятно, это объясняется тем, что Епифан-Курдяй Пешков сын Баскакова испытывал трудности в написании слишком длинного текста: письмом он владел откровенно плохо.

Федор Иванов сын Чулкова с братьями Никитой Большим, Никитой Меньшим, Иваном и Дмитрием фигурируют в таблице как продавцы, но до нас дошла только их запись-обязательство о выводе людей и передаче монастырю проданного села (№ 8874), поэтому подписи четырех братьев (Федор не расписался) стандартны и подтверждают не саму продажу, а факт получения денег, например: «Меня, Дмитрея, денги дошли, и руку приложил».

²⁵ Все дальнейшие подсчеты сделаны на основе этой таблицы.

²⁶ Например, вкладчик и послух, продавец и послух.

²⁷ Полагаю, не лишним будет напомнить, что покупатели не были обязаны и не подтверждали сделку своей подписью: факт отчуждения земли удостоверял продавец. В составленной таблице упоминаются семь покупателей, четверо из которых принадлежали роду Баскаковых (№ 8878, 8881, 8891), при этом Кузма Васильев сын фигурирует в двух актах. Но только один из продавцов оставил нам свидетельство своей грамотности: Алексей Мартемьянов сын Устинова, выступавший как покупатель в № 8877, расписался на меновой: «Яз, Алексеи, вотчину свою ... променил и денги придал, и руку приложил» (№ 8938).

Люди, не умевшие писать, или не имевшие физической возможности расписаться,²⁸ могли подтвердить свое согласие на продажу принадлежащей им земли разными способами. И первый среди них — просить ближайшего грамотного родственника поставить подпись «в место» человека, не оставившего своего автографа.

Среди продавцов так поступил только Федор Денисьев сын Лихотина, вместо которого расписался его сын Казарин, не упомянутый в тексте (№ 8947). Но кроме одного продавца,²⁹ всем остальным не было особой нужды делегировать право подписи кому-либо. Часто грамоты оформлялись несколькими совладельцами,³⁰ и один из них или оставил подпись, или написал грамоту своей рукой. Например, из пяти братьев Чулковых не расписался только старший Федор (№ 8874). Андрей Борисов сын Ступишина продавал землю вместе с сестрой и оставил свою подпись (№ 8888, 8890). Андрей Якимов сын Уполовникова мог не расписаться потому, что был третьим продавцом в акте, который своей рукой написал его брат Иван Якимов сын «на отца своего и на себя, и на брата своего», а подписал отец Яким-Поярок (в тексте указаны как второй и первый продавцы соответственно).³¹ Тимофей-Хабар Александров сын Макарова и его сын Иван при составлении продажной грамоты пригласили пять своих родственников стать послухами (четверо из них расписались), а оформил акт Роман Александров сын Макарова (№ 8900).

Следует отметить, что случаев делегирования продавцом права подписи духовному лицу в рассмотренных купчих нет.

Вкладчики. В составленной таблице упоминаются 72 вкладчика, которые передали свои владения монастырям. Пять человек написали акт собственноручно (№ 8903, 8909, 8919, 8923, 8982), поэтому их подпись была не нужна,³² а 32 землевладельца свои подписи оставили.³³ Никита Андреев сына Таратина не заверил свою данную (№ 8982),

²⁸ Например, из-за своего отсутствия в этот момент.

²⁹ Таким исключением является не расписавшийся Алексей-Никифор Федоров сын Плишкина (№ 8910), у которого в послухах нет ближайших родственников.

³⁰ 25 продавцов приходится на 14 купчих.

³¹ Известны случаи, когда в тексте писец Богдан Пешков сын Баскакова указал, что писал «на себя и на брата», но брат — Елифан Курдяй — все равно подписался на обороте (№ 8878, 8881).

³² Филипп Иванов сын Дмитриев Кроткого, написавший вкладную своей рукой, в конце специально оговорил, что пишет ее «на себя и свои дети» (№ 8919). Так же поступил Дмитрий Андреев сын Таратина, указавший, что писал «и в братии своих место» (№ 8982), но это совсем не помешало одному из его братьев подписаться.

³³ Оформляя данную архимандриту Троицкого Данилова монастыря Авраамиию на дворовое место (№ 8973), Василий Федорович Воронцов ограничился только своей подписью: в тексте не упомянуты даже послухи.

но на обороте вкладной грамоты, выданной Андреем Федоровичем Нагим (№ 8940), есть рукоприкладство Никиты: «Микита послух руку приложил».³⁴ Следовательно, всего зафиксировано 38 грамотных вкладчиков, что составляет 52,78% от их общего числа. Однако, среди лиц, передавших землю монастырям, присутствуют 14 женщин, ни одна из которых своей подписи не оставила. Поэтому грамотность вкладчиков мужчин можно определить как 65,52% — цифру более низкую по сравнению с указанным выше процентом грамотных продавцов, но вполне сопоставимую.

Подпись вкладчика (по аналогии с подписью продавца), казалось бы, должна подтверждать два факта: передачу земли и заверение документа, например: «К сеи данои яз, Левонтеи, вочину дал и руку приложил» (№ 8969); «К сеи данои Василе вочиную свою дал и руку приложил» (№ 8964); «К сеи данои яз, Иван, деревню дал и руку приложил» (№ 8966). Иногда подписи могли расширяться, поскольку в них сообщались дополнительные сведения: «По сеи данои яз, Федор Некрас Семенов сын Федорова, деревни свои закладныи в Чюдов монастырь архимандриту з братьею дал и руку свою приложил» (№ 8912); «К сеи данои грамоте яз, Афанасеи, по духовной грамоте отца своево Никиты деревню дал и руку приложил» (№ 8958).

Однако в 18 подписях (больше, чем в половине) вкладчик удостоверяет только подлинность документа, а слова «вочину дал» отсутствуют. Например: «К сеи данои Иван Волынской руку приложил» (№ 8935), «К сеи данои Басарга руку приложил» (№ 8957), «К сии данои яз, Артемон, а прозвище Алаи, руку приложил» (№ 8980). И это «сокращение» формуляра не может быть объяснено тем, что вкладчики плохо владели письмом: половина из них в силах была написать текст, сильно превосходящий по объему.³⁵ Вероятно, это свидетельствует о происходящих изменениях в формуляре подписи и о сближении ее с рукоприкладством.

Люди, не умевшие писать, подтверждали свое согласие на отчуждение земли в пользу монастыря несколькими способами. Как говорилось выше, из 72 вкладчиков оставили свои автографы 38 человек. Никому не делегировали право подписи 16 землевладельцев, но часть из них в послухи пригласила родственников: одного (№ 8979, 8915)³⁶ или трех (№ 8884).³⁷ Если вкладчиков было больше одного, то расписаться мог один, указав, что делает это и за себя, и за другого. На-

³⁴ Из этого следует, что отсутствие подписи не всегда свидетельствует о неграмотности данного человека.

³⁵ Хотя семь человек, действительно, писали с большим трудом.

³⁶ В № 8979 два вкладчика, в № 8915 — четыре.

³⁷ В № 8884 одна вкладчица.

пример: «К сеи данои Давыд Никитин сын Замытцкого вотчину свою дал ... по отца своего приказу и руку приложил и в брата своего место в Ываново...» (№ 8971); «в брата своего место Юрьево» руку приложили двое: Григорий и Матвей дети Григория Дмитриевича Ловчикова (№ 8976). Всего таких случаев четыре (№ 8948, 8971, 8976, 8978). Гораздо чаще право подписи делегировалось грамотному родственнику, который в тексте акта не упоминался (№ 8954, 8960, 8965, 8974, 8981; подписи в этих грамотах сделаны вместо семи человек). Так, Шарап Федоров сын Чемодурова подписался вместо дочери Фетиньи, вдовы Ивана Нечаева сына Клобукова, и внучки Марии (№ 8960); вместо Павлина и Игнатия Васильевых детей Чернцова расписался сын одного из вкладчиков — Иван Павлинов сын (№ 8974), а вместо Арины, жены Василия Мякишева, два ее сына: Иван и «Меньшой Васильев сын, брат его» (№ 8965).

Представители духовенства, преимущественно отцы духовные, могли включаться в процесс оформления данных грамот разными способами.³⁸ Во-первых, они могли «сидеть у данной» (то есть их упоминали в акте) и затем поставить свою подпись (№ 8955, 8901).³⁹ Во-вторых, могли не фигурировать в тексте, но поставить подпись первыми, как обычно делал вкладчик (№ 8941, 8975, 8977, 8985). Например: «К сеи данои отец ея духовной, княгини Анны, игумен Герасим Савина монастыря митрополичья руку приложил» (№ 8941). В-третьих, отца духовного могли записать как послуха, хотя в подписи он обычно себя так не называл (№ 8876, 8972, 8980). И только один священник, который не был духовным отцом, но был приглашен свидетелем, написал так: «Послух поп николской Иван руку приложил» (№ 8972).⁴⁰

В одном случае подписи священников единственное, что удостоверяет подлинность документа. В данной Андрея Васильева сына Колзакова Троицкому Данилову монастырю послухи не упоминаются, указаны два «сидевших» у акта священника (№ 8955).

Надо отметить два случая, когда участие духовного лица в оформлении грамоты было уникально или отчасти избыточно. Афанасий Никитин сын Мотовилова оставил такую подпись на обороте данной:

³⁸ См.: Мошкова Л. В. Грамотность землевладельцев Русского уезда. С. 135–136.

³⁹ Интересно отметить, что при составлении данной Аграфены Морозовой «сидели» сразу два отца духовных: вкладчицы — богоявленский игумен Феодосий, и ее мужа — Иосиф, старец Чудова монастыря (№ 8901).

⁴⁰ Священник Иван расписался после подписи духовного отца вкладчицы Марии Заболоцкой священника той же церкви Дмитрия, и только две их подписи заверяют акт. Никто из четырех остальных послухов (среди них два представителя рода Заболоцких) подписи не оставил (вероятно, из-за неумения писать).

«К сеи данои грамоте яз, Афанасеи, по духовной грамоте отца своего Никиты деревню дал и руку приложил» (№ 8958). Но примечательно то, что писал грамоту монах Чудова монастыря Петр Микитин, в миру — «Перфирей», который служил у Николы Чудотворца на Ямках и был духовным отцом Никиты.⁴¹

Кн. Иван Александрович Оболенский подписал свою данную игумену Троице-Сергиева монастыря Иоасафу, но только вторым. Первым же расписался его духовный отец, который «сидел» у данной, но упоминался только после перечисления шести послухов: «У сеи дано [!] яз, отец духовной, черной священник Инокентеи покровской сидел и по приказу сына своего духовново ... к сеи данои руку приложил» (№ 8895). Считаю эту подпись отчасти избыточной потому, что кроме подписи вкладчика на обороте присутствуют рукоприкладства трех из шести послухов.

Отдельно надо сказать об оформлении и заверении единственной полюбленной разъезжей 1560/61 г. (№ 8920). Она разделяла владения Анастасии Давыдовой дочери Новокрещенова с детьми Андреем и Юрием⁴² Федоровыми детьми Чемодурова; Марии Давыдовой дочери Новокрещенова с детьми Матвеем, Субботой и Оменом Третьяковыми детьми Ногина; Мавры Давыдовой дочери Новокрещенова с мужем Григорием Сысоевым⁴³ сыном Лихорева и сыном Гаврилой с землями Троице-Сергиева монастыря, от имени которого выступал старец Герман Добрынин. В конце документа указаны пять человек, которые «были на разъезде» и четверо послухов (двое из них крестьяне). На обороте подписи двух участников разъезда и четыре тех, кто на нем «был», а также два рукоприкладства.⁴⁴ Приведу подписи двух землеладельцев: «К сеи розъездеи Григорие Сысоев сын Лихорева в жени своей место и в своячиц своих, в Настаси и в Маври, и в дете их место руку приложил»; «К сеи розъездеи Юрьи Федоров сын руку приложил [далее другими чернилами] и в матери свои место, и в брата свево в Ондреево».

Вероятно, процедура разъезда была сложной не только из-за числа участвовавших в нем лиц, и поэтому гарантами пригласили стать сразу четверых (!) представителей местного духовенства (перечислю

⁴¹ Пожалуй, единственный известный мне случай, когда оформлял чужую грамоту монах (а не священник).

⁴² Это имя А. В. Антонов передает как «Сергей» (см.: Описание грамот Коллегии экономии. Т. 2. № 8920), хотя правильное чтение можно проконтролировать по рукоприкладству.

⁴³ Это имя А. В. Антонов читает как «Исаевым» (см.: Там же), но рукоприкладство заставляет в этом усомниться.

⁴⁴ По вполне понятной причине крестьяне рукоприкладств не оставили.

в порядке следования в акте): 1. Василия Федорова сына, никольского священника; 2. Михаила Никифорова сына, никитского дьякона; 3. Никифора Иванова сына, никитского священника; 4. Василия Семенова сына, никольского священника из села Мячково. Думаю, все они не только расписались, но перед этим промерили между своими ногами.

Послухи — самая многочисленная категория лиц, участвовавших в оформлении актов.⁴⁵ После объединения имен, встречающихся больше одного раза, общее число послухов составило 245 человек. Их количество в одном акте колеблется от 0 (№ 8955, 8958, 8973)⁴⁶ до 10 (№ 8887).⁴⁷ Грамот, где послушествовали 7–9 человек немного, в подавляющем большинстве актов (около 70%) послухами были 3–5 человек.

Наиболее часто среди них встречается имя Василия Григорьева сына Зубова, оставившего семь рукоприкладств.⁴⁸ После него идет Далмат Иванов сын Аньсимова,⁴⁹ который «руку приложил» к трем грамотам, хотя как послух упоминается в пяти актах.⁵⁰ Четыре раза был послухом тоже только один землевладелец — Злоба Иванов сын Макарова, оставивший три рукоприкладства.⁵¹ По три раза послушествовали три человека: Полуект Федоров сын Долматова,⁵² Никифор Шестаков сын Редрикова,⁵³ Петр Захарьин сын Рогатина.⁵⁴ Но Петр Захарьин сын оставил только одно рукоприкладство, остальные — по два.

Дважды в рукоприкладствах встречаются имена людей, которых нет в перечне послухов. Так, на обороте данной грамоты Марии Бог-

⁴⁵ По умолчанию землевладельцем считается указанный в списке послухов человек, если к его имени не добавлено какое-либо определение, например: «земский», «подьячий» и т. д.

⁴⁶ Полагаю, подписи вкладчика, передававшего землю по духовной отца, и написанной духовным отцом покойного грамоте, вполне хватило для заверения документа (№ 8958). У другой данной (№ 8955) «сидели» два священника, которые и заверили акт (см. выше). О № 8973 см. выше примеч. 33.

⁴⁷ Такое количество послухов зафиксировано только в закладной кабале Григория Никитина сына Баскакова с детьми Игнатием-Пинаем, Тимофеем и Юрием слуге кн. Михаила Васильевича Глинского дьяку Назарию Васильеву сыну.

⁴⁸ № 8879, 8880, 8921, 8923, 8940, 8960, 8982. В № 8964 он выступал как вкладчик. О его почерке см. ниже.

⁴⁹ Поскольку его фамильное прозвище в актах пишется вариативно («Алькимов», «Алсимов» и «Онсимов»), правильным было решено считать то, которое Далмат написал своей рукой: «Аньсимов» (№ 8983).

⁵⁰ С автографом Далмата акты № 8980, 8983, 8970, без него — № 8895, 8977.

⁵¹ № 8880, 8887, 8900 (без рукоприкладства), 8921.

⁵² № 8895, 8961, 8976.

⁵³ № 8942, 8961, 8970.

⁵⁴ № 8965, 8977, 8979.

дановой жены Семеновича Замыцкого (№ 8983) есть рукоприкладство: «Послух Иван Ондреев сын Болотникова руку приложил», хотя никакой Иван Андреев в тексте не фигурирует, а пять указанных послухов оставили свои автографы. В данной с отводом (№ 8903) просто из ниоткуда взялся не упоминаемый в тексте «Митька Петров сын Шемякина», который «руку приложил», но послухом себя не назвал (рукоприкладства трех перечисленных в тексте послухов присутствуют). Еще один непонятный случай с послухами на докладной купчей (№ 8952). В списке их четверо, рукоприкладств тоже четыре. Имена трех послухов совпадают, а одного нет: в тексте фигурирует Юрий Степанов сын Корсакова, в рукоприкладстве — «послух Иван». При обработке грамоты было сделано предположение, что человек мог иметь два христианских имени: пример этого есть (см. ниже).

В одной купчей в перечне послухов сделано добавление: «А на то послуши: Теплои Ананьин сын Наполсково да сын ево Федор, а Теплои грамоте не умеет» (№ 8877), то есть заранее оговорили, что рукоприкладства Теплого не будет (Федор автограф свой оставил, но только за себя лично).

Надо подчеркнуть, что пример делегирования послухом права подписи другому, грамотному человеку в исследуемых актах только один. На обороте купчей Ивана Григорьева сына Бухарина Арманова у Алексея-Никифора Федорова сына Плишкина (№ 8910) старец Илья расписался «в зятя своего место Иваново». Но кто был его зятем? В акте упоминаются три Ивана: покупатель Иван Григорьев сын Бухарина, послухи Иван Андреев сын Ярославов и Иван Иванов сын Реутова. Подпись покупателя была не нужна, а Иван Реутов оставил рукоприкладство. Поэтому остается только Иван Ярославов, который в списке послухов указан первым, и старец Илья расписался также первым. В настоящий момент это редкий пример, когда за послуха прикладывает руку человек, не упоминаемый в тексте грамоты.

Подводя итог анализу рукоприкладств послухов, надо констатировать, что из 245 послухов, фигурирующих в актах Переславского уезда третьей четверти XVI в., хотя бы одно рукоприкладство оставили 196 человек, и, следовательно, грамотных среди них было не менее 80%. Это самый высокий процент среди трех рассмотренных категорий землевладельцев. Поэтому высказанное в литературе мнение, что в послухи приглашали в первую очередь людей грамотных, не лишено основания.⁵⁵

⁵⁵ См.: *Яцимирский А. И.* Образованность в Московской Руси // Русская история в очерках и статьях. Т. 3. Киев, 1912. С. 513.

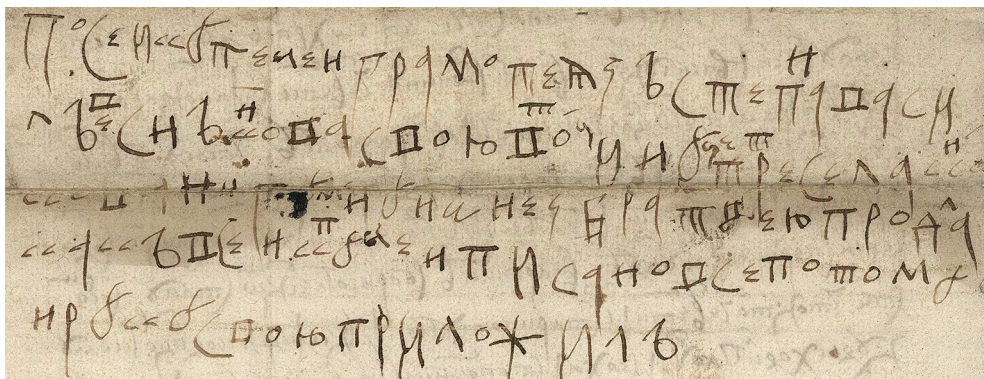
Общий процент владеющих письмом среди трех выделенных категорий и тех, кто отдельно не рассматривался,⁵⁶ составляет 70,26 % (из 380 человек оставили подписи/рукоприкладаства 267 землевладельцев).⁵⁷

Однако количественные подсчеты числа грамотных, по моему мнению, будут неполными, если не проанализировать почерки, которыми сделаны подписи и рукоприкладаства. Для их оценки в предыдущей статье была принята градация от «двойки» до «пятерки».⁵⁸ Для того, чтобы не заставлять читателя обращаться к этой работе, кратко охарактеризую установленные критерии, сопроводив их иллюстрациями.⁵⁹

«Двойка» — человек письму не учился и потому «конвертировал» умение читать в умение писать. Наиболее распространенный тип почерка — неумелый полуустав, который по графике ближе к книжным почеркам. Вот, например, подпись Епифана-Курдя Пешкова сына Баскакова (№ 8881).

Степану Васильеву сыну Конкова потребовалось очень много места для не слишком большого текста (№ 8879; реальная ширина данного фрагмента 20,2 см).

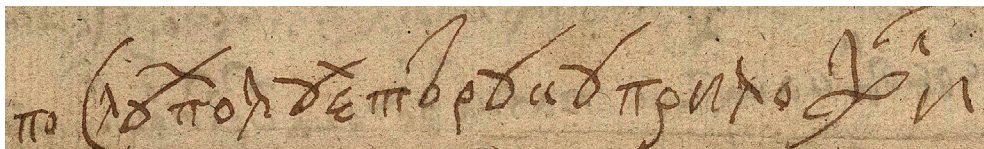
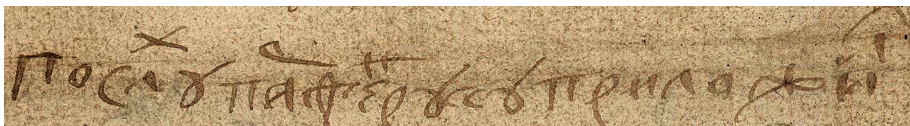
⁵⁶ Среди них участники обмена, разъезда, заемщики и заимодавцы и др.

⁵⁷ Эта цифра вполне сопоставима в ранее полученными результатами: грамотность землевладельцев Рузского уезда определялась в интервале от 64,3% до 73,9% (см.: Мошкова Л. В. Грамотность землевладельцев Рузского уезда. С. 143).

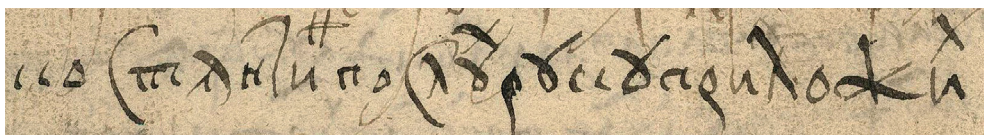
⁵⁸ См.: Там же. С. 141–142.

⁵⁹ В процессе их подготовки приходилось сильно увеличивать контрастность изображения: автографы часто были выполнены блеклыми чернилами или частично выцвели.

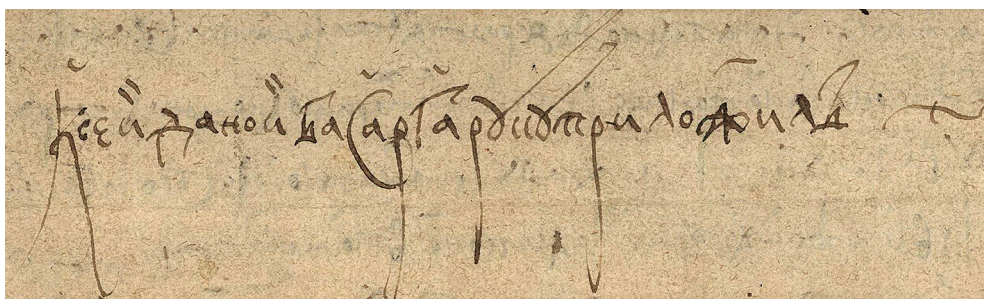
«Тройка» ставилась тому, кто, вероятно, учился письму, но в повседневной жизни навыком пользовался достаточно редко и поэтому писал с напряжением. Эту оценку в числе прочих получили Парфен Федоров сын Баскакова (№ 8891) и Полуект Федоров сын Долматова (№ 8976; изображение уменьшено).⁶⁰

«Четверку» получал тот, кто писал достаточно бегло, без особых затруднений и ошибок, поэтому можно сказать, что навык письма был для человека востребованным в повседневной жизни и не успевал деградировать. К ним можно отнести, например, Константина Федорова сына Кроткого (№ 8921).

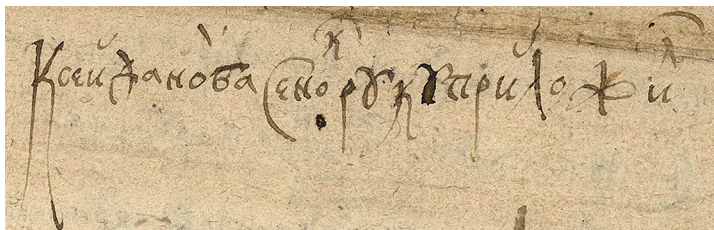

«Пятерка» говорит о том, что процесс письма не вызывал у человека ни малейшего затруднения: он делал это легко и быстро. В качестве иллюстрации приведу почерки двух вкладчиков — Басарги и Басенка Федоровых детей Левонтьева (№ 8957; изображение уменьшено).⁶¹

⁶⁰ Возможно, день подписания данной был просто неудачным для Полуекта, но другое свое рукоприкладство (№ 8961) он выполнил лучше.

⁶¹ Странно, что при таком уровне владения письмом братья пригласили стороннего человека для оформления данной грамоты: любой из них сделал бы это не хуже написавшего текст Стефана Иванова сына Бакланова.

Совершенно очевидно, что продавцы, решившиеся взяться за перо для оформления акта, писали хорошо.⁶² Двое из них получили оценку «4», а один «5». В целом из 17 грамотных продавцов высший балл заработали три человека, «четверку» — 6 человек, а «тройку» и «двойку» — по 4 человека. Итак, можно утверждать, что около половины грамотных продавцов (52,9%) писали уверенно и бегло.

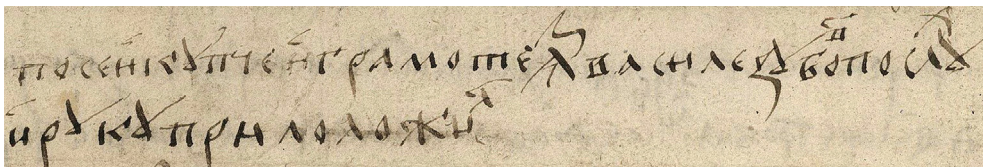
С пятью вкладчиками, самостоятельно оформившими документ, картина примерно та же: «5» и «4» получили по два человека (то есть подавляющее большинство), но один — Филипп Иванов сын Дмитриев Кроткого (№ 8919) — сумел отличиться. Он явно переоценил свои силы, поскольку хорошо видны усилия, затраченные им на оформление.⁶³ Его оценка — «3+» (плюс поставлен только за старание и большой текст).

Оценки 38 грамотных вкладчиков (мужчин) распределяются таким образом: на «пять» было оценено письмо 7 вкладчиков, на «четыре» — 9, на «три» — 10 и на «два» — 12. То есть в этом случае мы видим иное соотношение: уверенно владели письмом только 42,1% вкладчиков, то есть меньше половины. Рискну высказать следующее предположение: вкладчики в своей массе были старше продавцов, тогда как последние принадлежали к более молодой и активной возрастной категории.

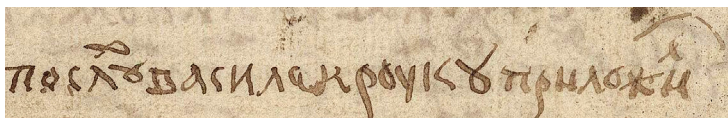
Рассматривать уровень владения письмом послухов представляется излишним: результаты этой самой многочисленной категории землевладельцев будут близки к общим цифрам. Здесь хотелось бы остановиться на почерке только одного, самого часто встречающегося послуха — Василия Григорьева сына Зубова (см. выше). Первые купчие, в которых он послушествовал, относятся к 1550/51 г. (№ 8879; уменьшенный снимок приводится из № 8880). Показательно, что пишет Василий полууставом, восходящим к книжному, но рука его тверда,

⁶² Как отмечалось ранее, критерий «красота почерка» при оценке не применялся: главными были беглость и уверенность письма (см.: Мошкова Л. В. Грамотность землевладельцев Рузского уезда. С. 142).

⁶³ Строки кривые, в тексте помарки, а буквы больше похожи на процарапанные, чем на написанные.

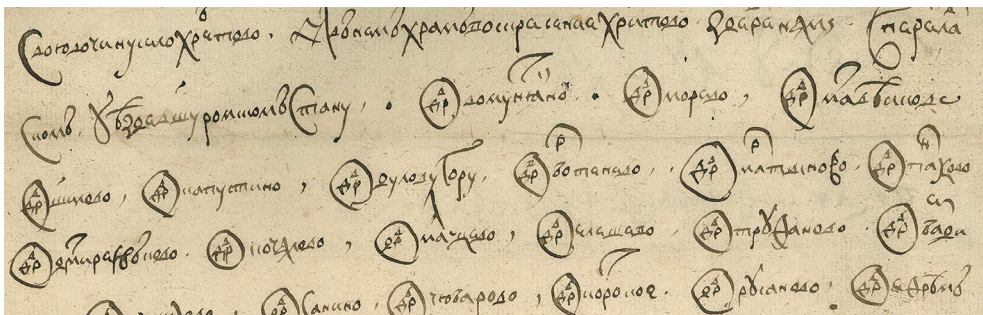

и буквы он выводит уверенно.⁶⁴ Почерк не беглый, но разработанный и даже красивый, что свидетельствует о том, что писать Василия учил церковно- или священнослужитель, а не грамотный родственник. Последний документ, в котором можно найти его рукоприкладство, датируется 1574/75 г. (№ 8982). И хорошо видно, как изменился его почерк за четверть века. Полагаю, здесь уже заметно влияние возраста: рука теряет твердость, а письмо — уверенность.

Всего из 267 землевладельцев, чье умение писать подтверждается оставленными ими подписями и рукоприкладствами, оценку «пять» заслужили 98 человек, «четверку» — 77, «тройку» — 51, а «двойку» — 41. То есть более половины землевладельцев (65,54%) навыком письма владели хорошо и, вероятно, регулярно им пользовались.

В 1571 г. Никита Аксентьев сын Парфеньева сделал богатейший вклад в Троице-Сергиев монастырь: в тексте упоминаются село Хрептово с церковью Воскресения Христова и 21 (!) деревня. Оформлял данную родственник вкладчика — «Алеша Афонасьев сын Парфениева». Но примечательно то, что в тексте акта слово «деревня» Алексей передает сокращенно, как обычно делалось в писцовых книгах. В настоящий момент это единственный известный мне пример, го-

⁶⁴ Но оформление своей данной в 1569/70 г. все же доверил своему родственнику — Василию Александрову сыну Зубова, который писал беглым, но не слишком красивым почерком (№ 8964).

ворящий о знакомстве с нормой оформления поземельных описаний (№ 8968; уменьшено).⁶⁵

Нельзя не сказать и о роли семьи в распространении грамотности и уровне владения пером. Так, из 24 представителей разветвленного рода Баскаковых оставили подписи или рукоприкладства только 11 человек. Три раза Баскаковы выступали покупателями и потому расписываться были не должны, но девять представителей этого рода были заемщиками по двум кабалам (№ 8887, 8889), и ни один из них не оставил своей подписи (полагаю, по неграмотности) и не делегировал это право другому человеку. Вместо них первую закладную скрепили своими рукоприкладствами 10 послухов, не состоявших в близком родстве с заемщиками; вторую — три послуха, два из которых принадлежали роду Баскаковых.⁶⁶

Оценки, полученные Баскаковыми, демонстрируют самый широкий спектр: четыре «двойки», две «тройки», четыре «хорошо» и только Семен Иванов сын заслужил «пятерку» (№ 8874).

Из шести представителей рода Басовых (в их числе одна женщина) рукоприкладство оставил только один — Гневаш Третьяков сын (№ 8884), но его оценка довольно низка — «3-». Все Бутурлины (3 человека) письмом владели, но не на высоком уровне: они получили две «двойки» и «четверку». Из рода Зубовых (11 человек) оставили автографы 8, и их оценки также лежат в диапазоне от «2» до «5», хотя и та, и другая поставлена только один раз, а наиболее распространены «удовлетворительно» (4 раза) и «хорошо» (2 раза). Два представителя рода Иевлевых, каждый из которых дважды выступал послухом (№ 8965, 8966, 8972), и три представителя Шереметевых (№ 8888, 8906, 8876), выступавшие покупателями, вкладчиками и послухами, рукоприкладств и подписей не оставили.

На этом фоне выделяются четыре представителя рода Левонтьевых: только одному из них поставлена «четверка», а остальные писали отлично (см. выше две иллюстрации (№ 8957) на с. 16–17).⁶⁷

Представители титулованной части служилого сословия в просмотренных грамотах представлены пятью князьями: двумя из рода Оболенских (Дмитрий Иванович Немого и Иван Александрович), двумя Ромодановскими (Петр и Иван Борисовичи) и Андреем Ивановичем

⁶⁵ Удивительно, но в тексте указан только один послух — брат вкладчика Афанасий Яковлев сын Парфеньева (отец писца), на обороте подпись вкладчика и рукоприкладство.

⁶⁶ В трех остальных закладных кабалах присутствуют подписи всех заемщиков (№ 8896, 8914, 8949).

⁶⁷ Михаил Григорьев сын Левонтьева оформил в 1570/71 г. данную Давыда и Ивана Никитиных детей Замыцкого (№ 8971).

Стародубским.⁶⁸ Из них не оставил рукоприкладства только Петр Борисович Ромодановский, выступавший послухом (№ 8916). Оценки распределяются следующим образом: отличником не был никто, двое получили заслуженные «четверки»,⁶⁹ один был троечником⁷⁰ и один двоечником.⁷¹

Почерки землевладельцев можно сравнить с образцами письма представителей духовного сословия, которых в просмотренных актах насчитывается 20 человек.⁷² Как и следовало ожидать, все они оставили подписи или, реже, рукоприкладства. Из них 11 человек относятся к белому духовенству (55%),⁷³ остальные — к черному. Но почерки 15 человек (независимо от уровня владения письмом) восходят к полууставу, которым писали книги, использовавшиеся в процессе обучения чтению (например, Псалтыри и Часословы). То есть подавляющее число духовных лиц (75%) «конвертировало» умение читать в умение писать, а деловым письмом не владело. Но гораздо более показательны оценки, полученные ими. Двоечниками были только четверо, «удовлетворительно» получили шесть человек, а хорошистов и отличников было поровну — по пять человек. Следовательно, для половины лиц духовного звания умение писать не было необходимым в повседневной жизни, хотя другая половина им достаточно активно пользовалась.

Проведенные автором статьи подсчеты показывают, что примерно 70% землевладельцев владели письмом, и при этом для значительной части этот навык был востребованным: им регулярно пользовались 46% от общего числа землевладельцев (или 65,5% от всех оставивших подписи или рукоприкладства). Но остался главный вопрос, который автор себе постоянно задавал, и на который у него пока нет ответа: для чего в реальной жизни землевладельца был нужен этот навык?⁷⁴

⁶⁸ В актах Рузского уезда их было больше — девять (см.: *Мошкова Л. В.* Грамотность землевладельцев Рузского уезда. С. 143).

⁶⁹ Иван Борисович Ромодановский (№ 8914, 8916) и Андрей Иванович Стародубский (№ 8895).

⁷⁰ Иван Александрович Оболенский (№ 8895).

⁷¹ Дмитрий Иванович Немого Оболенского (№ 8914, 8916).

⁷² В предыдущей статье рассматривался вопрос о грамотности 17 представителей только белого духовенства (см.: *Мошкова Л. В.* Грамотность землевладельцев Рузского уезда. С. 143–144), в то время как общее число лиц духовного звания, упоминаемых в актах Рузского уезда, было выше.

⁷³ Отнесение духовного отца Соломонида Степановой жены Скрипицына к белому духовенству условно: в тексте он не упоминается, на месте его подписи акт разорван, и даже имя не читается: «...Соломонид ... отец духовной ... приложил» (№ 8977).

⁷⁴ Например, вести регулярные хозяйственные записи, делать заметки, писать письма.

С. Н. Кистерев

**МОСКОВСКИЕ ГОСТИ КОНЦА XVI —
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА:
КОТОВЫ, ПОРЫВКИНЫ, СВЕРЧКОВЫ**

Историография всякой темы развивается таким образом, что впервые обращающиеся к ней исследователи пытаются создать труды наиболее общего плана, стараясь на ограниченном фактическом материале представить собственные гипотезы, в силу самого такого подхода закономерно выглядящие малообоснованными и легко опровергаемыми в их основных положениях, как только кто-то предъявляет к ним частные вопросы, удовлетворительных ответов на которые в таких построениях не находится. Это не означает, что такого рода общие труды не имеют никакого значения, напротив, они важны именно тем, что возбуждают интерес к определенным проблемам, заставляя последователей продолжить исследования, результаты коих часто вынуждают вносить существенные коррективы в сложившиеся представления или даже отказываться от них самым радикальным образом. В последнем случае работа начинается заново, и основным ее направлением становится привлечение большего или меньшего объема фактического материала.

Все сказанное относится и к процессу изучения истории русского торгово-предпринимательского класса на протяжении полутора-двух столетий, предшествующих эпохе преобразований при Петре I. После выхода фундаментальных трудов Н. Б. Голиковой и работы ее последователей¹ стало очевидным, что дальнейшее продвижение крайне затруднительно без расширения корпуса привлекаемых документальных

¹ Голикова Н. Б. 1) Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998; 2) Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI — первой четверти XVIII в. Из научного наследия. М.; СПб., 2012; История предпринимательства в России. Кн. 1. М., 2000.

и нарративных материалов и возможно более углубленного исследования их как исторических источников. Другой стороной проблемы стала необходимость смещения внимания от неких общих вопросов на уровень изучения отдельных частных предприятий и биографий их владельцев, что в перспективе обещает построение более подробной и контрастной картины бытия самого этого класса, отдельные представители которого в условиях XVI–XVII столетий принадлежали к различным сословиям.

За последние два десятилетия в этом направлении было сделано немало, если сопоставлять достигнутое с более ранним историографическим периодом, но этого мало, если учитывать действительный объем работы, который надлежит еще сделать. Достаточно хотя бы помнить о недостатке генеалогических исследований среды русского купечества, без которых представить, например, процессы складывания, устойчивости семейных капиталов, а иной раз и перехода их в чужие руки попросту невозможно. Потребность в таких исследованиях большая, и предлагаемая вниманию читателя работа призвана хотя бы в ничтожной части восполнить объем необходимых материалов.

І. Котовы

В настоящее время историю некоторых семейств московских гостей рубежа XVI–XVII веков можно отслеживать, начиная с Земского собора 1566 г., где они были призваны выразить мнение торговых людей о войне с Польшей и Литвой. Это относится и к фамилии Котовых, сразу несколько представителей которой в первые десятилетия «бунташного века» занимали видные позиции в торгово-промышленной среде и административном аппарате Московского государства.

Сохранившийся документ, отражающий решения одного из первых земских соборов, содержит перечень «смольнян», трое из которых носили фамилию «Котовы»: Алексей, Степан и Афанасий.²

Об Алексее Котове, участнике собора 1566 г., других сведений пока не обнаружено. Несколько лучше обстоит дело с данными о Степане. В дипломатической документации находится след службы Степана Котова на посту таможенного, а вдобавок и кабацкого, головы в Архан-

² СГГД. Ч. 1. М., 1813. С. 554; Антонов А. В. Приговорная грамота 1566 года // РД. Вып. 10. М., 2004. С. 179. По неясной причине В. Б. Перхавко считал Котовых выходцами из Ярославля (Перхавко В. Первые купцы российские. М., 2004. С. 331). См. также: Кузьмин А. В. Московские дьяки под судом древнерусских книжников (Котовы, их родственники и знакомые в середине XV — начале XVI в.) // Средневековая Русь. Вып. 16. М., 2024. С. 100.

гельске. 24 июня 1589 г. в «новый Колмогорской город» воеводе князю Афанасию Ивановичу Вяземскому была послана грамота, в которой последним пунктом предписывалось: «Да послан с цесаревыми немцы Иван Белобород к морскому пристанищу для кораблей, в которых отпустить за море цесаревых немец; и будет Ивану понадобятся деньги для того отпуску, и ты б Ивану дал в заем денег из колмогорских из таможенных денег и из кабатцких до четырех сот рублей. А отпись на него возьми за Ивановою рукою, что ему, приехав отдать те деньги диаку нашему Андрею Щелкалову. А что с Иванова товару Белоборода доведется пошлины таможенные и проезжие, и ты бы Степану Котову велел, сменя, взять на него письмо, что ему, приехав, на Москве заплатить».³ В грамоте 16 июля 1589 г. на имя того же архангельского воеводы по поводу отпуску английского посла Джильса Флетчера предписано: «И ты б велел голове Степану Котову на аглинских гостех в таможенной пошлине взяти писмо за их руками, что им таможенная пошлина заплатить на Москве».⁴

Степан Иванович, видимо, дожил до рубежа веков, по меньшей мере, он как «Иванов сын Котов» присутствовал на земском соборе 1598 г. с чином гостя,⁵ а писцовая книга восточной части Белого города князя Мирона Шеховского 1620/21 г. упоминает в Мясницкой сотне место пустое гостиной сотни Степана Котова.⁶ Отсутствие в данном случае указания на присвоенный Степану Ивановичу до собора 1598 г. чин гостя может свидетельствовать о принадлежности ему этого двора с более раннего времени, тогда как писец зафиксировал статус бывшего владельца в соответствии с определением его в предъявленном документе, обосновывавшем право владения. Возможно, что без подобающего чина Степана Котова называли опрашивавшиеся писцами соседи умершего к тому времени хозяина.

³ ПДС. Т. 1. СПб., 1851. С. 1219.

⁴ Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера // *Временник МОИДР*. Кн. 8. М., 1850. С. 95. Упоминание здесь Степана Котова как таможенного головы является обычно одним из оснований возводить возникновение этого института к 80-м годам XVI в. (*Флоря Б. Н.* Сбор торговых пошлин и посадское население в Русском государстве (конец XV — начало XVII вв.) // *ИЗ*. Т. 118. М., 1990. С. 342; *История предпринимательства в России*. Кн. 1. С. 54). На самом деле таможенные головы существовали еще в середине этого столетия. См.: *Кистерев С. Н.* Возникновение института таможенных голов // *ВАА*. Вып. 8. М.; СПб., 2015. С. 5–10).

⁵ ААЭ. Т. 2. М., 1836. С. 53. № 7. Н. Б. Голикова отмечала его как гостя в период 1598 г. — начала XVII в. (*Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 56). Однако источник этих сведений, помимо присутствия на соборе, неизвестен.

⁶ РГАДА. Ф. 396. Оружейная палата. Оп. 2. Кн. 1161. Л. 203.

Единственной наследницей Степана Ивановича была, по-видимому, его оставшаяся незамужней дочь Авдотья. 16 июня 1621 г. девка Авдотья Степанова дочь Котова получила грамоту на владение каменной лавкой.⁷ Именованная Авдотья Степановна «девкой» определяет не возраст, а положение в семье отца как оставшейся незамужней дочери.

К моменту призыва на собор в 1566 г. срок жизни Афанасия Котова вряд ли мог исчислять менее, чем четвертью века, то есть его появление на свет стоит относить ко времени не позднее начала 1540-х годов. Тем самым, в 1601/02 г., когда Афанасий с сыновьями был причислен к гостинной сотне,⁸ ему было, вероятно, более шестидесяти лет. В это время он уже не значился смолянином, а при приеме в сотню был записан как взятый «из Огородников».⁹

Определить степень несомненного родства трех упомянутых в 1566 г. смольнян Котовых затруднительно. Правда, то обстоятельство, что в процитированных документах 1589 г. Степан фигурирует в роли таможенного головы далекого от столицы северного города, а это не дает оснований подозревать его крайне преклонный возраст, можно заключить, что, по меньшей мере, Степан и Афанасий принадлежали к одному поколению рода, и не исключено, были родными братьями. Если последнее допущение соответствует истине, то, поскольку известно отчество Степана — Иванович, можно было бы думать, что оно же было отчеством и Афанасия.

В семье Афанасия Котова известно четверо сыновей — Родион, Андрей, Федот и Давид. Именно Родион был старшим из четырех сыновей Афанасия, в пользу чего говорит то обстоятельство, что он первым среди братьев назван среди привлеченных купцов к консультациям в период переговоров с английским послом в 1617 г.¹⁰

⁷ Лисейцев Д. М. Новые сведения о московских купцах Котовых // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Четвертой международной научной конференции (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г.). Н. Новгород, 2018. С. 99. Об Авдотье Степановне упоминается и в работе Н. Б. Голиковой (Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 56), но без указания на источник сведений.

⁸ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 239.

⁹ Соловьева Т. Б., Володихин Д. М. Состав привилегированного купечества России в первой половине 17 века (по материалам росписей гостей, гостинной и суконной сотен). М., 1996. С. 14.

¹⁰ Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М., 2006. С. 153.

Д. В. Лисейцев подчеркнул, что мнение Р. А. Котова в тот момент «имело особую ценность», поскольку он успел побывать таможенным головой в Архангельске, главном пункте, через который осуществлялись контакты с Европой (Лисейцев Д. М. Новые сведения о московских купцах Котовых. С. 98).

И в 1620 г. в аналогичной ситуации его имя названо первым, ранее Федота.¹¹

По сведениям Н. Б. Голиковой, Родион уже в 1609 г. обладал чинном гостя.¹² Известна относящаяся к 1611–1612 годам «роспись государевы продажныя рухледи, что имали с Купецкого двора в долг бояре и дворяне, и дьяки, и приказные, и гости, и торговые и всякие люди; а кто имянем какие рухледи, в цену или без цены, о кою пору взял, и тому роспись. ... А продано тое рухляди генваря с 21 числа марта по 18 число всяким людем на 8741 рубль 14 алтын с денгою; а продавали гости Дементей Булгаков да Григорей Твердигов, Иван Юдин, Родивон Котов с товарыщи и с торговыми людьми ценою».¹³ Именно в этот период «торговым людем Родивону Котову с товарыщи за денги, что у них имано в займы в Новгородскую четъ за сукна, которые иманы на Казенной двор, дано платьем и иною рухледью на 168 рублев на 10 алтын на 5 денег».¹⁴

Старший из братьев Котовых иногда привлекался на службу в сфере таможенного управления. Еще в 1619/20 г. Родион Афанасьевич был таможенным головой в Нижнем Новгороде, собрав пошлин на 17178 рублей 3 алтына 4,5 деньги, не добрав против предшествовавшего года 1804 рубля 2 алтына 2,5 деньги и в качестве объяснения сославшись на самоуправство своего предшественника гостя Ильи Юрьева, взимавшего пошлины с еще не проданной соли, торговля которой пришлась именно на время управления сборами самим Родионом, а так же на погодные условия, препятствовавшие проезду торговых людей.¹⁵

В другой раз Родион Котов был более успешен на том же поприще, о чем свидетельствует хотя бы получение награды «за таможенной прибор» в 1626 году, когда ему пожаловали 40 соболей «при нем, государе, у стола»,¹⁶ что являлось признаком особой чести.¹⁷

¹¹ РГАДА. Ф. 35. Сношения России с Англией. Кн. 7. Л. 250.

¹² Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России... Т. 1. С. 87.

¹³ РИБ. Т. 2. СПб., 1875. С. 241. № 95.4.

¹⁴ Там же. С. 243–244. № 95.4.

¹⁵ Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983. С. 44–45. Д. М. Лисейцев допустил неточность, приняв за величину сбора Котова сумму в 18882 рубля 6 алтын 1 деньги («обогастил бюджет почти на 19 тыс. руб.»), наменную для него как минимальную (Там же. С. 43; Лисейцев Д. М. Новые сведения о московских купцах Котовых. С. 98).

¹⁶ Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 4. М., 1901. С. 164.

¹⁷ Голикова Н. Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества... С. 232.

В свое время Н. Б. Голикова отметила, что в 1626 г. Родион был таможенным головой и получил в награду сорок соборей ценой в 60 рублей, но не указала место его службы.¹⁸ Она же, сославшись на документ из фонда Сибирского приказа, упомянула случай, когда Родиону вместо сорока соборей в 60 рублей было выдано два сорока по 30 рублей каждый.¹⁹ На самом деле речь должна идти об одном и том же эпизоде, как это явствует из текста использованного исследовательницей документа, согласно которому 20 октября 1626 г. «по памяти за приписью дьяка Гаврила Облезова велено прислати на Казенной двор сорок соборей в шездесят рублей, а дати те соболи государева жалованья при нем, государе, гостю Родивону Котову у стола за таможенной прибор. И ис Казанского дворца на Казенной двор привозу нынешнего 135-го году два сорока соборей, цена по тритцати рублей, обема сороком цена шездесят рублей, послано».²⁰ Место же успешной службы Родиона Афанасьевича, отмеченной наградой в октябре 1626 г., определяется благодаря разысканиям другого исследователя.

Д. М. Лисейцев привел запись в расходной книге Казенного приказа за 25 января 1625 г., согласно которой «по памяти за приписью гостя Родиона Котова отпущено в Таможенный приказ три образа окладных, ... а взяты те образы для моления».²¹ «Анализ записи, — пишет исследователь, — позволяет сделать вывод о том, что Родион Котов если не возглавлял „Таможенный приказ“, то входил в его административную группу, поскольку удостоверение приказных памятей приписью — прерогатива приказных дьяков. Своей приписью Котов заверил отправленный из „Таможенного приказа“ в Казенный приказ запрос о присылке икон».²² Некая второстепенная в данном случае роль Родиона Афанасьевича выглядит таковой, если не допустить возможности, что сам приказ возглавляется именно гостем.

«Учитывая, — продолжил Д. М. Лисейцев свое рассуждение, — что Таможенный приказ зовется в документах также Большой таможенной, мы можем сделать вывод — под названием „Таможенный приказ“ скрывается московская таможенная изба, во главе которой ставили кого-то из гостей, а в штат включали порою дьяка и подьячих, то есть московская таможенная изба имела некоторые признаки учреждения приказного типа».²³ Разумеется, подьячие служили

¹⁸ Голикова Н. Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества... С. 225.

¹⁹ Там же. С. 231.

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 12. Л. 5 об.—6.

²¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 280. Л. 181, 182.

²² Лисейцев Д. М. Новые сведения о московских купцах Котовых. С. 99.

²³ Там же. С. 100.

и в провинциальных таможенных избах, почему или одно это не является признаком «учреждения приказного типа», или следует признать все таможенные и кабацкие избы учреждениями такого именно типа, но уездного уровня. Однако то обстоятельство, что, возглавляя Таможенный приказ, Родион Афанасьевич оставался гостем и не был произведен в дьяки, как некоторые его сотоварищи из гостей, временно назначавшиеся руководить какими-то учреждениями, например, Книгопечатным или Денежным двором, подтверждает, на наш взгляд, версию о Таможенном приказе как об учреждении, позднее известном под названием Большой московской таможни, которому подчинялись некоторые располагавшиеся в черте города таможенные дворы, ведавшие отдельными специфическими отраслями торговли, например, конской, или сделками с купцами, прибывавшими из отдельных стран.

Так или иначе, суждение Д. М. Лисейцева о функции Таможенного приказа именно как московской общегородской таможенной избы представляются справедливыми, а в таком случае подписанная Родионом Котовым память характеризует его положение на тот момент как московского таможенного головы, а такую должность и должен был занимать служилый торговый человек с чином гостя. И именно за службу на этом посту в 1625/26 г. последовала в октябре 1626 г. достойная награда.

Не обходили Родиона вниманием и при патриаршем дворе. 21 декабря 1623 г. на приеме у Филарета Никитича «на рундуке за столом ели гости московские Илья Юрьев, Иван да Василей Юдины, Григорей Твердигов, Родион Котов, Ондрей Юдин, Бахтеяр Булгаков, Надея Светешников, Юрьи Белошников, Смирной Судовщиков, Григорей Шурин, Иван Сверчков, Смирной Ероксалимов, крестовой дьяк Иван Семионов, подъячей Пятой Филатьев».²⁴ Роспись «по столам», возможно, отражает положение каждого из присутствовавших в местнической иерархии, демонстрируя в таком случае и место Родиона Афанасьевича среди прочих гостей.

В соответствии со своим служебным статусом Родион Афанасьевич иногда вынужден был принимать участие в делах, казалось бы, не свойственных представителю торгового сословия. В июле 1616 г. он входил в число руководителей обороны Сретенских ворот Белого города вместе с Федором Осиповичем Яновым, Савелием Милославским, дьяком Казарином Федоровым и подъячими Прокофием Яков-

²⁴ Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. Приложение. С. 96.

левым и Осипом Мошковым.²⁵ В 1618 г. в «королевичев приход» Родион Котов был назначен к Воскресенским воротам в Китай-городе с князем Богданом Касаткиным Ростовским и дьяком Павлом Матюшкиным.²⁶ Эти назначения на самом деле отражают исполнение обычных обязанностей населения по защите своего города от нападения неприятелей.

Занимаясь по долгу службы казенными делами, Родион не оставлял и собственных промыслов, иногда стараясь по возможности расширять и свое торговое дело путем приобретения, в том числе, и новых торговых помещений. Так, 27 августа 1621 г. им была получена фиксирующая право собственности на недвижимость в московских торговых рядах «жаловальная грамота ... на поллавки каменую, идучи в Старой в Кафтаной ряд, на левой стороне, пошлин 20 алт. 5 д.». ²⁷ В 1626 г. на вымле у Коломенского перекрестка в Китай-городе, рядом с лавкой Максима Твердикова, стояла и лавка гостя Родиона Котова.²⁸

Естественно, за государевыми службами и заботами о брэнном материальном Родион Афанасьевич не забывал о вечном, стараясь щедростью искупить неизбежные для купца прегрешения. 2 мая 1619 г. он дал вкладом в Троице-Сергиев монастырь 50 рублей,²⁹ и нет осно-

²⁵ Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. 1. СПб., 1853. С. 203; Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. С. 233.

²⁶ Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. 1. С. 508; Дворцовые разряды. Т. 1. С. 336, 359.

Князь Богдан Касаткин Ростовский отмечен в Осадном списке 1618 г. как служивший по выбору из Твери (Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 8. М.; Варшава, 2009. С. 88). В том же Осадном списке дьяк Павел не упоминается, но среди жильцов по полкам, кому «вотчины дати ukazано», назван Иван Павлов сын Матюшкин (Там же. С. 50).

²⁷ *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. М., 1891. С. 1104. Д. М. Лисейцев, используя записи книги Печатного приказа, определил период выдачи грамот на лавки — с 13 ноября 1620 г. по 14 января 1622 г., датируя документ Родиона 27 августа 1621 г. (*Лисейцев Д. М.* Новые сведения о московских купцах Котовых. С. 99).

В перечне принадлежавших гостям и другим людям гостиной сотни погребов «под каменными лавками» и прочих лавок, располагавшихся «От Никольского крестца к Ильинскому крестцу», упоминались и находившиеся во владении гостя Родиона Котова (*Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. С. 1126).

²⁸ *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. С. 1126.

²⁹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 191. Монахи сохраняли обязанность поминания гостя, по меньшей мере, еще в 1674 г. (*Жириченко Л. А., Николаева С. В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М., 2008. С. 252).

ваний полагать, что это было уникальным для него деянием такого рода.³⁰ Наследников, по меньшей мере, мужского рода, Родион Котов после себя не оставил.

Вторым из известных нам сыновей Афанасия Котова был Андрей, по мнению Н. Б. Голиковой, носивший чин гостя лишь в 1626–1627 годах.³¹ Однако имеются причины отодвигать пожалование Андрея этим званием к более раннему времени. Основание для такого суждения находится в пошлинных книгах Печатного приказа 1625 г., где записано: «Мая в 18 день, жаловальная грамота торгового человека Ондрея Котова, что пожаловал ево государь, велел ему быть в гостех и писать ему гостиным имянем и по городом его в отъезде самого и детей его и братью и племянников и людей ни в чем не судить. А кому до них дело, и их судить на Москве; и с черными сотнями никаких дел не делати и не тянути ни в чем, опричь гостиной сотни; и во дворех у него на Москве и по городом стояльщиков никаких и всяких иноземцов не ставити и тягла и никаких податей не имати; и летом у него во дворех избы и мыльни топити вольно и огня вынимати и мылен печатати не велено; и креста ему самому и ево детем и братье и племянником не целовати во всяких делех, а целовати в их место и искати и отвечати людем их; и питье им про себя держати на Москве и в отъезде безъявочно и безъвыимочно; и подвод у него во всех городех и по ямом и на дороге не имати; а куды ему и его детем и братье и племянником или ево людем лучитца ехати для своего промыслу, и по дорогам и по рекам и на перевозех мостовщины и проезжего мыта не имать; а безчестье указано ему гостиное, а детем ево и братье по двадцати рублей; а жити ему на льготе. Припись у грамоты диака Ивана Дедкова; пошлин два рубля с полтиною».³² В качестве гостя Андрей присутствовал днем раньше — 17 мая — на отпуске персидского посла среди других гостей: Илья Юрьев, Иван Юдин, Григорий Твердииков, Григорий Никитников, Максим Твердииков, Иван Сверчков, Андрей Юдин, Андрей Котов, Бахтеяр Булгаков, Федор Максимов, Надея Светешников, Родион Котов, Томило Тараканов, Кирилл

³⁰ В Софийском синодике 1604/05 г. записан «род старца Котова Рафаила: Елеазара, Веру, инока Рафаила» (РНБ. Соф. 1551. Л. 97 об.; *Шаблова Т. И.* Новгородские синодики XIV–XVII веков. СПб., 2017. С. 141). Учитывая обстоятельства жизни Родиона Афанасьевича, в данном случае можно усматривать простое совпадение фамилии, а может быть, и имени.

³¹ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 87.

³² *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. С. 1105.

О грамоте см.: *Кустерев С. Н.* 1) К изданию научного наследия Н. Б. Голиковой // ОФР. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 413–415; 2) Корпоративные и персональные жалованные грамоты торговым людям гостиной сотни // ОФР. Вып. 18. М.; СПб., 2015. С. 99–101.

Булгаков, Григорий Мыльников, Гаврила Облезов, Юрий Болотников.³³ Разрядная запись не противоречит изложению книги Печатного приказа, поскольку пожалование чином естественно предшествовало получению фиксирующей его грамоты. Следовательно, уже в мае 1625 г. Андрей обладал высшим для служилого купца чином.³⁴

В приходо-расходной книге Новгородской четверти 1619/20 г. отмечено, что «по нижегородскому сметному списку 126-го году на московских гостех на Михаиле Смывалове да на Ондрее Котове да на торговом человеке на Дее Прокофьеве с их соли с пятидесят тысяч пуд таможенные всякие пошлины во 127-м году довелось было взять в Нижнем Новгороде пятьсот тринадцать рублей дватцать четыре алтына з деньгою».³⁵ Данный фрагмент позволяет думать, что уже летом 1618 г., Андрей Афанасьевич с полным на то правом носил чин московского гостя. Однако этому заключению, кажется, противоречит свидетельство памяти в Казенный приказ от 20 декабря 1621 г., которой извещалось о пожаловании костромского таможенного и кабацкого головы гостиной сотни Андрея Котова и целовальников гостиной сотни Федора Зверева, суконной сотни Матвея Меркурьева и костромитина посадского человека Ивана Савастьянова за прибор 129 г. за 3716 рублей 31 алтын 4 деньги. Котову причитались серебряный ковш в две гривенки, сорок соболей в 30 рублей и 10 аршин куфтеру, Звереву и Меркурьеву — по камке и сукну, Савастьянову — сукно.³⁶ Правда, настораживает факт пожалования Андрею Афанасьевичу серебряного ковша, свойственного для награждения именно больших гостей, но не прочих разрядов гостиной сотни, неотъемлемой частью которой большие гости и являлись.³⁷

³³ Дворцовые разряды. Т. 1. С. 688–689.

³⁴ Необходимо обратить внимание на то, что в данном перечне Андрей упоминается раньше своего старшего брата Родиона, что, кажется, противоречит мнению, будто такие перечни отражали местническое положение названных лиц.

³⁵ Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 41. О возникшем в связи с этим конфликте с нижегородским таможенным головой гостем Ильей Юрьевым см.: *Кистерев С. Н.* Нижегородский конфликт московских гостей в 1619 году // ОФР. Вып. 16. М.; СПб., 2013. С. 302–315.

³⁶ *Успенский А.* Столбцы бывшего архива Оружейной палаты. Вып. 1. М., 1912. С. 195. № 607.

По данным Н. Б. Голиковой, Андрей Котов был головой в Костроме в 1620/21 г. (*Голикова Н. Б.* Привилегированное купечество в структуре русского общества... С. 172). При этом исследовательница ссылалась на документ: РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 1. Д. 607. Л. 1–2. Это и есть столбец, описанный А. Успенским.

Д. М. Лисейцев привел сумму сбора, как только кабацкой прибыли, собранной под руководством А. А. Котова, — 4741 рубль 34 копейки (*Лисейцев Д. М.* Новые сведения о московских купцах Котовых. С. 98).

³⁷ О номенклатуре гостиной сотни см.: *Кистерев С. Н.* Структура гостиной сотни во второй половине XVI — первой половине XVII века // ОФР. Вып. 16. М.; СПб., 2013.

Принадлежавший к гостинной сотне Никифор Порывкин в 1622 г. извещал в своей челобитной: «После московского разоренья был Ондрей Котов небогат, а как сел на денежной двор, и после того стала торгу у Ондreja Котова живота тысяч двадцать и болши. ... После московского разоренья у Мишки Строгалкина не была ничего. Сукна мочил и от сукна имал от портища по денге. А как сел в товарищах с Ондреем с Котовым, з дядюшкою моим, и у нево в торгу появилась живота тысяч с десеть с государева з денежного двора. И государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси о том велеть допросить, где он сталка одним годом приторговал».³⁸

Комментируя показания против Котова и Строгалкина, Н. Б. Голикова писала: «К сожалению, точных сведений о времени их службы на Московском денежном дворе Порывкин не указал. Однако вполне вероятно, что они начали отбывать там свою службу еще до прихода Телепнева, причем в сложившейся в Москве обстановке, когда многие крупные купцы покидали столицу, вместо гостя пришлось сделать головой члена гостинной сотни. Это, в частности, могло послужить и при-

С. 231–272. Впрочем, остается возможность подозревать «ошибку воспроизведения», допущенную А. Покровским, что может быть выяснено при обращении к подлиннику документа.

³⁸ Зверев С. В. Свидетельство о крупном воровстве на Московском денежном дворе в начале XVII в. // Нумизматический сборник МНО. № 4. М., 1996. С. 93. «[1622 г.] Дело по явочной челобитной Никифора Богданова Порывкина на гостей Андрея Котова, Томилу Тараканова и торговых людей, бывших целовальниками на Денежном, в присвоении ими государственной казны» (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 1. 1611 г. Д. 1. Л. 10–18; *Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI — нач. XVII вв. (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). М., 1994. С. 256). Это дело в середине 1620-х годов хранилось в архиве Посольского приказа: «Дело сыскное про Федькины животы Ондринона 130-го году; да тут ж изветная челобитная Микифора Порывкина да торговых людей Ондreja Котова в государеве деле» (Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. С. 268).

Не исключая возможности оговора со стороны Никифора его недругов, Н. Б. Голикова все же считала, что «тот факт, что боярин Ф. И. Шереметев и дьяк И. Грамотин, выслушав устные показания Н. Порывкина, предложили ему оформить «извет» письменно, свидетельствует, что его слова звучали правдоподобно и отражали типичные для тех лет злоупотребления. В условиях отсутствия надлежащего контроля за службами со стороны властей, соблазн использовать свое служебное положение для личного обогащения был весьма велик. Однако, исходя из того, что некоторые из обвиняемых вскоре стали гостями, а другие по-прежнему остались в гостинной сотне, серьезного ущерба этот донос им не причинил» (*Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 231).

Кремлевский денежный двор — место службы Андрея Котова — располагался неподалеку от Боровицкой башни за «Алевизовой» стеной (*Жомарова Е. К.* Топография денежного двора Московского Кремля // Нумизматический сборник МНО. № 3. М., 1994. С. 115–119).

чиной назначения Телепнева. Возможно также, что после отставки Телепнева поляками, назначившими казначеями В. П. Головина и гостиной сотни Федора Андропова, ... Андронов сохранил А. Котова и его штат, т. к. знал их благодаря принадлежности к одной с ним привилегированной сотне». ³⁹

Период формирования и активных действий Второго ополчения братья Андрей и Федот, видимо, старались пережить подальше от стольного града. По крайней мере, 6 марта 1613 г. были скреплены печатями две грамоты в Нижний Новгород по челобитным гостя Максима Твердикова и гостиной сотни Ждана Шипова, Андрея и Федота Котовых, содержавшие распоряжение воеводе князю Звенигородскому не высылать челобитчиков к Москве «до весны». ⁴⁰ Ждан Шипов вскоре окажется в столице и уже 9 или 10 июля того же года станет дьяком Казенного приказа. ⁴¹ Не исключено, что и прочие челобитчики в то же время сменили берег Волги на московский. Нахождение в гостиной сотне обязывало к несению государевой службы и, тем самым, к проживанию в столице.

Суммируя все эти данные, можно заключить, что пожалование Андрея Афанасьевича чином гостя относится к периоду между мартом 1613 и летом 1618 г.

Завершал свою служебную карьеру Андрей Афанасьевич, состоя в должности руководителя Казенного двора, о чем говорят записи в «подлинных» боярских списках 1626 и 1627/28 годов. Первая из них гласит: «На Казенном дворе у Болшие казны. Велено быти из гостей Ондрей Котов». ⁴² Вторая, подтверждая статус Андрея, снабжена пометой о его кончине в середине января 1628 г.: «На Казенном дворе у Болшие казны (Ондрей Котов). 136-го, генваря в 16 день умре». ⁴³

³⁹ Голикова Н. Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества... С. 126.

⁴⁰ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994. С. 20. Имя воеводы — Василий Васильевич — в публикации пропущено без оговорки, но названо в Указателе).

⁴¹ Кистерева С. Н. Гость Надея Светешников в 1612 и 1613 годах // ВАА. Вып. 13. М.; СПб., 2016. С. 51.

⁴² «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов. М., 2015. С. 61. А. А. Котов был дьяком приказа Большой казны с 1625 г. по 16 января 1628 г. (Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 46; Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 51). По С. Б. Веселовскому, с 4 января по 13 июля 1626 г. — дьяк Казенного двора, в апреле 1627 г. — дьяк у государева стола, в 1625/26–1627/28 годах — дьяк Приказа Большой казны (Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 266).

⁴³ «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов. С. 149.

Формула первой из приведенных записей «из гостей» подразумевала изменение статуса Андрея Афанасьевича, который стал дьяком, о чем говорит и разрядная запись о награждении его брата Федота Афанасьевича: 13 мая 1627 г. по указу патриарха Филарета, «по памяти за приписью дьяка Ондрея Котова, их государева жалованья у стола гостю Федоту Котову» серебряный ковш в три гривенки по 10 аршин атласу и камки куфтеру.⁴⁴

На частично сохранившемся листе записной книги Московского стола Разрядного приказа под датой 5 мая 1626 г. значится имя Андрея Котова, у которого было «взято» нечто, ввиду утраты фрагмента бумаги остающееся неизвестным.⁴⁵ Как дьяк, Андрей Афанасьевич 25 апреля 1627 г. присутствовал на торжестве по поводу рождения царевны Ирины Михайловны и упомянут при отъезде царя в Симонов монастырь 31 июля того же года.⁴⁶

Андрей Афанасьевич оставил своим наследником сына Сергея, который еще 23 июля 1619 г. участвовал в оценке тканей, поднесенных царю новопоставленным новгородским митрополитом Макарием.⁴⁷ Как сын гостя, Сергей Андреевич изначально принадлежал к гостинной сотне и в этом качестве был привлечен для осмотра предметов митрополичьего дарения. Во вкладной книге серпуховского Высоцкого монастыря находится запись: «Дал вкладу гостиной сотни москвитин Сергей Ондреев сын Котов 30 рублей. Поминать родители ево месяца июля в 4 день да генваря в 16 день».⁴⁸ Последняя дата — день смерти его отца, следовательно, первая обозначает то же событие в биографии матери. Поскольку Андрей Афанасьевич умер в первый месяц 1628 г., а уже в марте того же года началось трагически завершившееся для всей семьи Котовых следствие по поводу бегства Давида Афанасьевича, то вклад Сергея, учитывая его именование как человека гостиной сотни, следует датировать январем — началом марта 1628 г.

Запись о вкладе свидетельствует также о том, что Андрей Афанасьевич закончил свою жизнь вдовцом, а его жена скончалась не позднее 4 июля 1627 г., если не в какой-то предшествующий год, но в тот же день.

О торговой деятельности Сергея Андреевича сведений крайне мало. Так, 6 июля 1627 г. мимо Тотьмы на дощанике вологжанина Семена

⁴⁴ Дополнения к Дворцовым разрядам. Ч. 1. М., 1882. С. 472.

⁴⁵ РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 385.

⁴⁶ Там же. С. 486, 509.

⁴⁷ Успенский А. Столбцы бывшего архива Оружейной палаты. Вып. 1. С. 125. № 411.

⁴⁸ Вкладная книга Серпуховского Высоцкого монастыря. М., 1993. С. 47.

Белозера плыли москвичи Иван Иванов, Бажен Иванов, Сергей Котов, Владимир Семенов, Григорий Муромец, Мелентий Харитонов и Михаил Ерофеев.⁴⁹ Пока только о двух из них можно сказать нечто определенное. Сергей Котов, несомненно, Сергей Андреевич, а Михаил Ерофеев — тогда еще вологодский посадский человек, в недалеком будущем взятый в гостиную сотню.⁵⁰

Федот Афанасьевич был третьим по старшинству из братьев Котовых. Вернувшись после освобождения русской столицы от поляков в Москву, он в дальнейшем вынужден был время от времени покидать ее ради выполнения возлагавшихся на него обязанностей, связанных с его нахождением в составе гостинной сотни. В 1618/19 г. вместе с Борисом Невзоровым он был таможенным и кабацким головой в Холмогорах,⁵¹ и помимо связанных с этой службой забот занимался закупкой потребных для казенных нужд товаров. Так, 25 сентября 1618 г. из Новгородской четверти была послана адресованная Федоту и Борису сохранившаяся в виде отпуска грамота о присылке в Новгородскую четверть писчей бумаги.⁵²

Ф. А. Котов был хорошо известен при царском дворе не только своей компетентностью в торговых делах, но и заботой о благе государства. Вместе с братьями Родионом и Андреем он был привлечен для консультаций по поводу оглашенных английским послом Джоном Мериком предложений короля Якова I.⁵³ В том же качестве правительственного консультанта Федот Афанасьевич вместе с братом Родионом выступил и в 1620 г.⁵⁴ По сведениям Н. Б. Голиковой, Федот носил чин гостя в 1621–1635 гг.,⁵⁵ однако это неточно, поскольку уже в эпизоде переговоров с английским послом 1620 г. он присут-

⁴⁹ Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 3. СПб., 2015. С. 110.

⁵⁰ О нем подробнее см.: *Кистерев С. Н.* К биографии гостя Михаила Ерофеевича Лазарева // ОФР. Вып. 22. М.; СПб., 2023. С. 299–378.

⁵¹ Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 57.

⁵² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1619 г. Д. 2. Л. 64 В описании Н. П. Воскобойниковой Федот ошибочно назван Нефедом (*Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... Кн. 2. С. 66).

⁵³ В тексте посольской книги Федот Котов по имени не упомянут, но Родион Афанасьевич выступал там со своими братьями, в число коих, несомненно, входили Андрей и Федот. Подробно о консультациях см.: *Кистерев С. Н.* Потребности национальной экономики в представлениях русского купечества начала XVII в. // ОФР. Вып. 14. М.; СПб., 2010. С. 352–389.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 35. Кн. 7. Л. 250.

⁵⁵ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 87. С опорой на данные Н. Б. Голиковой В. Б. Перхавко относит получение Федотом Афанасьевичем чина именно к 1621 г. (*Перхавко В. Б.* Книжники из торговой среды Москвы XVI–XVII веков // Исследования по источниковедению истории России до 1917 г. Вып. 7. М., 2022. С. 310).

ствуует с этим званием. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что в упомянутых записях приходной книги Новгородской четверти 1619/20 г. Федот Котов, как и его напарник, именуется просто таможенным и кабацким головой без указания какого-либо чина. Это дает основание полагать, что в данное время человек гостинной сотни Федот Афанасьевич еще не достиг высшего отличия в служилой купеческой среде — звания гостя, которое он мог получить, в таком случае, не ранее осени 1619 г., когда окончился срок его пребывания в Холмогорах. И если уже в январе следующего года на консультациях у бояр по поводу переговоров с английским послом Джоном Мерриком Федот присутствовал как гость, то пожалование его этим чином следует относить к периоду с сентября 1619 г. по первую половину января 1620 г.

Государевы службы не требовали обязательного прекращения собственных занятий торговым промыслом, и Федот Афанасьевич не упускал возможности расширять при случае свое хозяйство. Пребывание в Холмогорах способствовало обзаведению в Двинском устье некоторой недвижимостью, связанной с его торговыми интересами, и в писцовой книге Архангельска, холмогорских и двинских посадов князя М. А. Вельяминова 1622–1624 годов описан располагавшийся на гостинном дворе Архангельска принадлежавший Федоту Афанасьевичу амбар,⁵⁶ несомненно, использовавшийся хозяином для складирования каких-то товаров, предназначенных на экспорт или купленных у иноземцев, а скорее, и тех, и других. 27 марта 1621 г. Федот получил грамоту на каменную лавку в Москве,⁵⁷ солидное торговое помещение, располагавшееся, видимо, неподалеку от его жилища.

Основным же местом жительства был квартал между Никольской и Ильинской улицами в Китай-городе, что засвидетельствовано в переписной книге улиц Кремля и Китай-города, составленной после московского пожара 1626 года: «С Никольской же улицы на Ильинскую улицу переулок Воскресенской. ... Боярина ж из Семенова двора Васильевича Головина да гостя из Федотова двора Котова прибавлено в переулок с обе стороны по четверти сажени и учинен переулок в четыре сажени. Из Воскресенского ж переулка тупик промеж дворов боярина князя Ивана Никитича Одоевского и гостя Федотова двора Котова гостинные сотни торгового человека к Алмазову двору Иванова попереч в обеих концех две сажени, и тому тупику быть по-прежнему...».⁵⁸ То есть двор Федота Котова располагался напротив, с одной

⁵⁶ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 9. Л. 33.

⁵⁷ Лисейцев Д. М. Новые сведения о московских купцах Котовых. С. 99).

⁵⁸ Переписная книга города Москвы. Составлена в 1738–1742 годах. Т. 1. М., 1881. С. 10–11.

стороны, двора боярина Головина, с другой — Алмаза Ерофея Ивановича Чистого. Видимо, этот двор и был местом постоянного и длительного, за исключением отлучек по служебным делам, проживания Федота Афанасьевича в Москве.

6 мая 1623 г. исполняя совместный указ царя и патриарха, Федот Афанасьевич в компании не названных по именам восьми товарищей отбыл из Москвы в далекое и длительное путешествие в Персию «в купчинах з государевою казною».⁵⁹ Поездка была успешной, задание государей выполнено, за что по возвращении спустя некоторое время последовали награды. В книге Казанского дворца, отмечавшей расход пушнины в 1626/27 г., записано: «Апреля в 27 день по памяти за приписью дьяка Гаврила Облезова на Казенной двор привозу нынешнего 135-го году сорок соболей цена 40 рублей, 4 сорока соболей цена по 25 рублей. И всего 5 сороков соболей цена 140 рублей. Послано. А дати те соболи государева жалованья гостю Федоту Котову да московским торговым людем, которые с ним были посланы с государевою казною в Персицкую [землю] для торгового промыслу».⁶⁰ Эта запись отражает намерение наградить лишь часть спутников Котова, опять же не называя их поименно, а только оговаривая их принадлежность к числу московских торговцев. Другие материалы пополняют недостающие сведения.

13 мая 1627 г. по указу патриарха Филарета, «по памяти за приписью дьяка Ондreja Котова, их государева жалованья у стола гостю Федоту Котову» серебряный ковш в три гривенки, по 10 аршин атласу и камки куфтеру и сорок соболей ценой в 40 рублей, «да московским торговым людем» Харламу Обросимову, Григорию Панкратьеву, Алексею Глядову, Дмитрию Глаткому по серебряному ковшу в полгривенки, по 10 аршин камки куфтеру, по сороку соболей по 25 р. каждый, «а пожаловал государь их за персицкую службу, что они, будучи в Персицкой земле, в их государеве торговом промыслу учинили многую прибыль».⁶¹ Тем самым, меха, затребованные из Казанского дворца, с добавлением серебряных ковшей и кусков материй, видимо, с Казенного двора, были получены награждаемыми в присутствии патриарха.⁶²

⁵⁹ Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958. С. 25. По неясной причине сочинение купца с описанием его путешествия А. В. Кузьмин считает статейным списком, составленным по распоряжению Посольского приказа (*Кузьмин А. В. Московские дьяки под судом древнерусских книжников. С. 100. Примеч. 161*).

⁶⁰ Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Сборник документов. Т. 1. М., 2004. С. 96–97. № 17.

⁶¹ Дополнения к Дворцовым разрядам. Ч. 1. С. 472.

⁶² В тот же день, 13 мая, по царскому указу, по памяти за приписью дьяка Андрея Котова «московским торговым людем» Григорию Волкову, Григорию Цыбину,

Спустя ровно полгода, 13 ноября 1628 г., торговые люди казанцы Семен Кондратьев и Григорий Арменин были пожалованы серебряными кубками по полторы гривенки, по 10 аршин камки и по сороку соболей в 25 р., «а пожаловал государь их за персицкую службу, что они посланы в прошлом во 131 году для торгового промыслу с Федотком Котовым». ⁶³ Столь длительная задержка с вручением наград, вероятно, была обусловлена отсутствием в Москве обоих удостоенных царской милостью.

15 июля 1627 г. на дощанике вологжанина Малафея Григорьева среди 14-ти пассажиров проплыл некий москвитин Федор Котов. ⁶⁴ Если это не допущенная археографами опечатка, то не исключена ошибка кого-то из составителей тотемской таможенной документации, и правильным было бы записать «Федот». Однако известно, что некоторые служебные обязанности (о которых ниже) не могли позволить Федоту Афанасьевичу летом этого года отлучаться из Москвы, почему, скорее всего, имеется простое совпадение фамилии гостя и представителя какого-то иного столичного семейства. В целом обозрение таможенных книг сухоно-двинского речного пути показывает, что каких-либо серьезных торговых дел на Русском Севере старшие Котовы не вели, явно предпочитая иные направления.

В 1627 г. Федот Котов, как несколько ранее его старший брат, был таможенным головой в Москве, то есть должен был возглавлять Таможенный приказ, и в итоге получил в награду серебряный ковш, сорок соболей ценой в 25 рублей и 10 аршин лазоревой камки. ⁶⁵ Вслед за этим последовало изменение рода служебной деятельности Федота Афанасьевича. В боярском списке 1627/28 г. сразу после отметки о смерти 16 января Андрея Котова следует: «Генваря в 25 день (Федот Котов да) — отставлен за вину — Иван Переносов. Марта в 17 день из гостей Василей Юдин». ⁶⁶ Нахождение Федота на Казенном дворе оказалось весьма кратким, но причина этого крылась не столько в его собственных деяниях, сколько в проступке его младшего брата Да-

Владимиру Семенову, Василию Бессонову, Максиму Булыгину, Панкрату Шубину, Ивану Арменину, свияженину Лариону Антипину, ярославцу Грязному Селиванову по серебряному ковшу в полторы гривенки, по 10 аршин камки куфтеру, по сороку соболей в 25 р., «а пожаловал государь их за персицкую службу, что оне, будучи в Персицкой земле, в государеве торговом промыслу учинили прибыль» (Дополнения к Дворцовым разрядам. Ч. 1. С. 473). Однако эти люди в состав возглавлявшейся Ф. А. Котовым миссии, вместе с главой насчитывавшей девять человек, не входили.

⁶³ Дополнения к Дворцовым разрядам. Ч. 1. С. 543–544.

⁶⁴ Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 3. С. 112.

⁶⁵ Голикова Н. Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества... С. 226.

⁶⁶ «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов. С. 149.

вида. Сама по себе запись в боярском списке позволяет заключить, что свою служебную карьеру Федот Афанасьевич завершил в чине дьяка Казенного двора, что, к сожалению, не нашло отражения в существующих справочниках о приказной бюрократии.

Наиболее раннее известное упоминание в документах имени еще одного из сыновей Афанасия Котова относится к 27 декабря 1613 г., когда в Печатном приказе была оформлена «жаловальная грамота кормленюю красною печатью по челобитью гостиные сотни торгового человека Давида Котова, а другая по челобитью Василья Климшина, не велено их по городом в отъезде судить и питье им про себя держать без выимки и креста им самим в ыскех не целовать, пошлин с обеих пять рублей». Каждый их получателей грамот заплатил при этом по два рубля с полтиной.⁶⁷ Такая грамота фиксировала обычные для людей гостиной сотни привилегии, установленные по восходящей к царствованию Ивана IV традиции общей грамотой, полученной всей корпорацией от имени царя Михаила Федоровича 1 июня 1613 г., то есть спустя всего месяц после приезда нового самодержца в свою столицу.⁶⁸ Обретение персональной грамоты для гостей и младших членов гостиной сотни не было обязательным, но, по каким-то личным мотивам, Давид Афанасьевич поспешил обзавестись ею, попутно пополнив приходную часть государственного бюджета немалой в условиях общего хозяйственного разорения суммой.

Как состоящий в гостиной сотне, Давид Котов должен был призываться на присущие корпорации службы в роли таможенного и кабацкого головы, а как принадлежавший к видной купеческой семье, в которой было сразу несколько гостей, определяться в города, имевшие значение важных торговых центров. Именно это случилось в 1620 г., когда Давид оказался в Ярославле, где, видимо, с самого начала развернул кипучую деятельность, неожиданно для себя или намеренно бросив тень на репутацию весьма уважаемых тогда в купеческих кругах лиц.

13 ноября 1620 г. ярославский таможенный голова Давид Котов писал в приказ, что «у Григорья де у Микитникова поставлен анбар на аглинском дворе и всякие свои заморские товары провозит с аглинскими товары вместе безошлинно. И в прошлом де во 128-м году Григорей Микитников в Ярославле со всех своих з заморских товаров всего платил государевы пошлины в таможду пять рублей, а Надея Светечников в том же во 128-м году платил со всех своих заморских

⁶⁷ РГАДА. Ф. 233. Печатный приказ. Оп. 1. Кн. 2. Л. 147.

⁶⁸ Текст общей грамоты см.: *Кистрев С. Н.* Структура гостиной сотни... С. 271–272.

товаров государевых пошлин в таможеню семь рублей». ⁶⁹ Проверить показания Котова было велено специально посланному из Москвы Ивану Волынскому, который в отписке 7 января 1621 г. сообщал, что «Давыд де Котов на аглинском дворе Григорьева онбару Никитникова не указал, а сказал Давид, что про тот анбар ведает товарищ ево московской же таможенной целовальник Максим Твердииков. А Максим де Твердииков сказал, что ему сказывал про то ярославец посадцкой человек Ермолка Обросимов. И Ермолка про то допрашиван, и на аглинском дворе Григорьев анбар Микитникова он, Ермолка, указал, да он же, Ермолка, сказал, что ставил тот анбар Григорей Микитников тому лет с пятнатцать, и товары свои Григорей в тот онбар склал, а ныне не складет, а как перестал, тому лет с шесть, а тово подлинно не ведает, что тот онбар прямо ль Григорьев тогды был и ныне ево ль или аглинсково двора». ⁷⁰ Торговый англичанин Юрий Родионов, живший на ярославском английском дворе, утверждал, будто Никитников поставил амбар 12 лет назад «по приказу аглинского гостя Фабина Ульянова без него, как он был в Поморье, Фабину, а не себе, и товары свои и животы Григорей Микитников в том анбаре для пожарново времени на время ставит». ⁷¹ Осмотр амбара показал отсутствие в нем каких-либо товаров вообще. ⁷²

Оговорив столь важные в среде купечества персоны, Давид должен был ожидать серьезных для себя последствий. Д. М. Лисейцев привел запись в книге Печатного приказа о получении 26 апреля 1621 г. ярославским сотским грамоты «на Давида Котова о сыску», полагая, что дело касалось виноторговли, поскольку Давид Афанасьевич в это время был кабацким головой в Ярославле. ⁷³ Не исключая и этой возможности, более вероятным кажется, что проверке подверглась вся деятельность таможенного и кабацкого головы, а учитывая, что Давид затронул интересы таких видных людей, какими были Светешников и Никитников, инициирована она была, скорее всего, из Москвы. Разбирательство по его делу длилось долго, по меньшей мере, в части управления кабаком, где, видимо, и были обнаружены реальные нарушения, — до 1623 г., ⁷⁴ но, к сожалению, исход дела за отсутствием материалов остается неясным.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 35. Кн. 7. Л. 422–422 об.

⁷⁰ Там же. Л. 423 об.–425.

⁷¹ Там же. Л. 425.

⁷² Там же. Л. 425 об.

⁷³ Лисейцев Д. М. Новые сведения о московских купцах Котовых. С. 98). К сожалению, более ранние эпизоды деятельности Давида Котова Д. М. Лисейцеву остались странным образом неизвестны, почему он писал, что лишь «в начале 1620-х гг. в документах начинает мелькать имя Давида Котова» (Там же).

⁷⁴ Там же.

Не могло положительным образом отразиться на репутации самого Давида Афанасьевича и его решение отказать в отпуске денег под прием проезжавшего через Ярославль английского посла Джона Меррика, естественно вызвавшее негативную реакцию со стороны высших властей.⁷⁵

Спустя много лет, 2 марта 1628 г., Давид Афанасьевич бежал из-под стражи в Костромской четверти. «Не исключено, — пишет Д. М. Лисейцев, — что задержали его из-за злоупотреблений, допущенных во время пребывания на посту кабацкого головы в Ярославле (этот город находился в ведении Костромской четверти). В любом случае, обвинение оказалось достаточно серьезным, если Котов, спасаясь от наказания, решил на такой из ряда вон выходящий поступок, как бегство за рубеж».⁷⁶ Вряд ли причина ареста крылась в обвинении по столь давнему делу, на исход которого нельзя было бы повлиять иными средствами. Вполне возможно, что к тому времени младший из братьев Котовых успел совершить что-то еще, что вкупе с прежними проступками создавало реальную опасность уже не благосостоянию, а самой жизни Давида. Как бы то ни было, причины бегства Давида в Литву неясны, но этому факту правительство, видимо, придавало серьезное значение.⁷⁷ В связи с его побегом было организовано следствие, в ходе которого, в первую очередь, предпринимались меры по поимке беглеца. В некоторые приграничные города, в частности Великий Новгород и Псков, были посланы грамоты с предписанием задержать и доставить в Москву преступника, но эти старания оказались тщетными, поскольку Давидом был избран другой маршрут в направлении к границе с Литвой.

1 июня следующего, 1629, года Ждан Васильевич Кондырев подал челобитную, в которой просил предоставить ему отпуск со службы в связи с необходимостью поездки в расположенное в Мещовском уезде поместье, которое «разорилось до конца, как бежал твой, государев, изменник Давыдка Котов, и в ево Давыдкове отъезде в порубежном деле велено поимать того моего поместейца людишек и крестьянишек к Москве, и на Москве их пытали, а достальные розбежались».⁷⁸ Челобитная Кондырева позволяет представить маршрут, которым Котов следовал, приближаясь к литовской границе.⁷⁹ Видимо, Давид

⁷⁵ РГАДА. Ф. 35. Кн. 7. Л. 98–100.

⁷⁶ Лисейцев Д. М. Новые сведения о московских купцах Котовых. С. 100.

⁷⁷ См.: Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 234–235.

⁷⁸ Горбатов Е. Н. Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов // ОФР. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 355–356.

⁷⁹ На это уже ранее обращалось внимание, см.: Кистерев С. Н. Обзорение 17 выпуска «Очерков феодальной России» // ВАА. Вып. 4. М.; СПб., 2014. С. 20.

проследовал через принадлежавшие Кондыреву земли, в противном случае не имело смысла привозить его людей и даже подвергать их психологическому или физическому воздействию, обозначенному в челобитной словом «пытка», которое вряд ли можно понимать в данном случае в значении простого распроса, и более вероятно действительное истязание допрашиваемых.

Побег Давида Афанасьевича имел катастрофические последствия для всей семьи Котовых, вынужденных отвечать за своего родственника на разбирательстве, проводившемся в Разрядном приказе, возглавлявшемся тогда думным дьяком Федором Лихачевым и дьяком М. Даниловым.⁸⁰

Следствие о побеге Давида Афанасьевича завершилось для его родственников самым печальным образом. Имущество членов семейства было конфисковано,⁸¹ а сами они разосланы по сибирским городам.

Родион Афанасьевич оказался в Томске, где ему, как ссыльному, ежемесячно выплачивалось содержание, что зафиксировано в документации, отражающей расходы местного бюджета. 1 сентября 1630 г. «Родивону Котову на месяц сентябрь, на тридцать ден, по два алтына на день, итого рубль дватцат шесть алтын четыре денги дано».⁸² 1 октября ему дано рубль 28 а. 4 д., 1 ноября — рубль 26 а. 4 д., 1 декабря — 1 р. 28 а. 4 д., 1 января 1631 г. — 1 р. 28 а. 4 д., 1 февраля — 1 р. 22 а. 4 д., 1 марта — 1 р. 28 а. 4 д., 1 апреля — 1 р. 26 а. 4 д., 1 мая — 1 р. 28 а. 4 д., 1 июня — 1 р. 26 а. 4 д., 1 июля — 1 р. 28 а. 4 д., 1 августа — 1 р. 28 а. 4 д.⁸³ Видимо, этих сумм должно было хватать на сносное существование.

В дальнейшем, в 1634 г., Котовым было позволено выехать из Сибири, но запрещено возвращаться в столицу.⁸⁴ Участь же виновника их опалы была незавидной. Обнаруженная Д. М. Лисейцевым челобитная серпуховского сына боярского Парфена Ларионова сына Сойманова⁸⁵ содержит сведения о гибели Давида Котова в Литве: получив

⁸⁰ *Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. С. 146. Сыскное дело «о изменнике о Давидке Котове 136-го году», судя по описи 1668 г., долгое время хранилось в архиве Разрядного приказа (Описи архива Разрядного приказа XVII в. СПб., 2001. С. 151).

⁸¹ Д. М. Лисейцевым приведены датированные 20 января 1629 г. — 7 июня 1629 г. записи в приходо-расходной книге Разрядного приказа о полученных при конфискации имущества семьи Котовых денежных суммах, всего на 2500 рублей (*Лисейцев Д. М.* Новые сведения о московских купцах Котовых. С. 102).

⁸² Томск в XVII в.: документы и материалы. Приходные и расходные книги Томского города 30-х гг. XVII в. Томск, 2005. С. 94.

⁸³ Там же. С. 94–97.

⁸⁴ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 235.

⁸⁵ Д. М. Лисейцев специально рассмотрел обстоятельства его нахождения в Литве: *Лисейцев Д. М.* Новые сведения о московских купцах Котовых. С. 101–102.

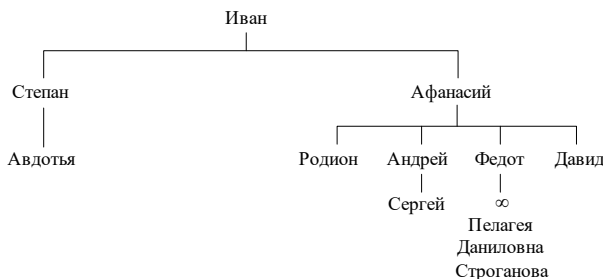

Схема 1. Семья Котовых

поместье от властей, он не поладил с крестьянами, «убили ево ж поместные мужики и вкинули в воду».⁸⁶

Где вынужден был жить Федот Афанасьевич, неизвестно, но его жена Пелагея Даниловна, урожденная Строганова, отправилась к матери в Тотьму. 21 декабря 1629 г. из Костромской четверти в Устюжскую послана память «с извещением о ссылке „изменничьей жены“ Пелагеи Федотовой жены Котова с дочерью на житье в г. Тотьму к ее матери Ольге Даниловой жене Строганова».⁸⁷

II. Родственники и свойственники Котовых

Рассмотрение скурых фактов биографий каждого из членов семейства Котовых в трех поколениях явно недостаточно для того, чтобы представить их место в московской торгово-промышленной среде в первой четверти XVII века. Действительное положение семьи во многом могло определяться родственными узами, связывавшими их с равными себе или менее высокими по статусу фамилиями.⁸⁸

⁸⁶ Лисейцев Д. М. Новые сведения о московских купцах Котовых. С. 102.

⁸⁷ Описание документов Московских приказов. Приказные дела старых лет. 1630, 1631 годы. М., 2024. С. 80.

⁸⁸ Как подчеркивал один из исследователей русского купечества, «выявление родственных отношений внутри каждой семьи, а затем между отдельными купеческими кланами позволит определить сферу экономического и общественного влияния таких объединений, способствующих созданию общероссийских торгово-экономических связей, рассмотреть вопросы складывания крупных купеческих капиталов, степени их устойчивости, форм перехода в рамках одной семьи, рода, клана и т. д.» (Тимошина Л. А. Родственные купеческие объединения на Русском Севере в XVII веке // Генеалогия на Русском Севере: история и современность. Сборник статей международной научной конференции, посвященной 5-летию Архангельской региональной общественной организации «Северное историко-родословное общество». Архангельск. 15–18 сентября 2003 года. Архангельск, 2003. С. 45).

Применительно к Великому Новгороду, то есть на более локальном уровне, сходные задачи несколько ранее обозначил другой специалист: «В исследовании

До сих пор было указано лишь на один факт родства Котовых с крупными промышленниками: женой Федота Афанасьевича была дочь Данилы Строганова. Имеются данные позволяющие существенно расширить картину связей этой семьи.

В уже упоминавшейся челобитной Никифора Порывкина 1622 г.⁸⁹ сказано, что дядей челобитчика был Андрей Котов. Такая степень родства Никифора и одного из братьев Котовых возможна, если считать, что матерью первого из них была дочь Афанасия Котова, и соответственно, сестра Андрея, Родиона, Федота и Давида. Однако дело не решается столь простым способом, если уделить должное внимание родственным связям в семье Порывкиных.

Среди гостей, подписавших в 1598 г. грамоту об избрании Бориса Годунова на царство, был Богдан Трофимович Порывкин,⁹⁰ отец Никифора, Иоанникия и Ивана. Имеется возможность назвать крестильное имя Богдана. Во вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря под 1603/04 г. содержится запись: «Москвитин Иоаникий Григориев сын Порывкин дал вкладом сорок пять рублей».⁹¹ В ноябре 1608 г. «Ионикии Григорьев сын Порывкин муромец дал вкладу 25 рублей».⁹² Поскольку Иоанникий был родным братом Ивана и Никифора Порывкиных, как и он, известных лишь с отчеством «Богданович», можно считать, что их, умерший к 1610 г.,⁹³ отец в младенчестве был крещен с именем Григорий.

Исходя из этих данных, можно представить родословие Порывкиных в трех поколениях.

Согласно все той же челобитной Никифора Порывкина, его теткой была Марья Гаврилова дочь Сверчкова: «Сказывал мне человек доброй после московского разоренья. Пот Кузмодемьянский двор, про-

крупнейших торговых фамилий Новгорода XVII в. историку прежде всего необходимо установить родственные связи внутри каждого купеческого рода, а затем между отдельными купеческими династиями. Решение этих вопросов создает базу для изучения экономической жизни Новгорода и дает возможность определить костяк торгово-промышленной верхушки посада, время ее действия, устойчивость купеческих родов Новгорода на протяжении XVII в.» (*Варенцов В. А. Генеалогия новгородских гостей XVII в. // Генеалогические исследования. М., 1994. С. 142*). Тем паче все это относится к Москве.

⁸⁹ Ранее донос Порывкина относили к 1612 г., о датировке 1622 годом см.: *Зверев С. В. Свидетельство о крупном воровстве... С. 86*.

⁹⁰ Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Сборник документов. Т. 1. М., 2004. С. 19. О нем см. также: *Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 49, 56*.

⁹¹ РНБ. Кир.-Бел. № 87/1325. Л. 294 об.

⁹² *Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1. Вып. 2. СПб., 1910. Приложения. С. ОССLXXI*.

⁹³ *Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 82*.

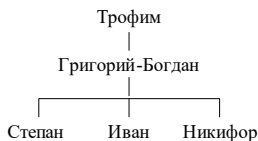

Схема 2. Семья Порывкиных

тив Дмитриевского двора Щукина, нонеча живет Булгак Милованов, а другую сторону Михайла Борисович Шеин, и пот тем храмом положена моя тетушка Марья Гаврилова дочь Сверчкова. И тот де Иван Синея Иванов сын, выкопав мою тетку, а матушкину сестру, Марью Гаврилову дочь Сверчкову, и вынел де ис под нее рублей с тысячю и болши». ⁹⁴ Следовательно, Мария Гавриловна Сверчкова была сестрой жены Григория Богдана, а судя по отчеству, в ней следует видеть незамужнюю сестру видных представителей московского купечества первой трети XVII столетия Ивана и Алексея Гавриловичей Сверчковых.

Поскольку, таким образом, первоначальная версия о некоей Котовой как матери Иоаникия, Ивана и Никифора Порывкиных должна быть отвергнута, возникает необходимость уделить внимание этим родственникам Порывкиных, чтобы в дальнейшем вернуться к вопросу о родственной связи Порывкиных и Котовых.

Между 1584 и 1589 гг. некий Борис Андреевич Сверчков дал вкладом Устав церковный РНБ. F.I.904 в какой-то Введенский монастырь. ⁹⁵ К сожалению, определить его отношение к родственникам Порывкиных пока не представляется возможным.

В 1601/02 г. в состав гостиной сотни «из Котельников», то есть из московской слободы за Яузой, были взяты «Гаврило Гаврилов сын з братьями Сверчковы. Да Федор з братьями Сверчков». ⁹⁶ Поскольку Гаврила и Федор порознь упоминаются каждый вместе со своими братьями, нужно полагать, что в сотню были зачислены сразу две ветви рода Сверчковых, представители которых, видимо, приходились друг другу двоюродными или иной степени братьями. При этом только для одного из них приведено отчество — Гаврилович, тогда как имя отца Федора остается неизвестным.

Зато по более поздним материалам известны его сыновья. Один из них явно пользовался милостями патриарха Филарета Никитича.

⁹⁴ *Зверев С. В.* Свидетельство о крупном воровстве... С. 95. Иван Иванович Синий известен как человек гостиной сотни в 1611–1626 гг., умер в 1632 г. (*Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 242).

⁹⁵ Отчет Императорской публичной библиотеки за 1909 год. Пг., 1915. С. 65–90.

⁹⁶ *Соловьева Т. Б., Володихин Д. М.* Состав привилегированного купечества России... С. 92.

21 декабря 1623 г. в крестовой палате вместе в патриаршими старцами и игуменом Высокопетровского монастыря обедал некий «староста котелной Дмитрией Сверчков». ⁹⁷ 4 февраля 1624 г. у патриарха вместе с попом Чудова монастыря, сыном боярским ростовского митрополита Иваном Савиным и не названным по имени слугой Псково-Печерского монастыря обедал тот же котелной староста Митрей Сверчков. ⁹⁸ Еще раз он обедал у патриарха в субботу 10 июля 1624 г. ⁹⁹ При этом можно заметить, что Дмитрий Федорович принадлежал не к самым бедным слоям московского общества того времени, что позволяло ему сделать денежный вклад в отдаленную от Москвы обитель. Во вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря под 1628/29 г. записано: «Москвитин торговой человек ис Котеленаго ряду Дмитрией Федоров сын Сверчков дал вкладу 20 рублей денег». ¹⁰⁰ Благосостояние Дмитрия Федоровича обеспечивалось за счет занятия ремеслом, в каком деле он выступал и в роли организатора, получавшего в этом качестве и высочайшие награды. Документальная запись свидетельствует, что 4 ноября 1626 г. «по памяти за приписью дьяка Булгака Милованова на Казенной двор привозу прошлого 134-го году сорок соболей, цена дватцать рублей, послано, а дати те соболи государева жалованья котельного дела старосте Дмитрею Сверчкову за службу, что он золотил главу Иванна Списателя Лествицы и иные всякие дела делал наперед сего и учинил государю прибыль». ¹⁰¹ В записной книге Московского стола Разрядного приказа отмечено, что 23 мая 1627 г. «приходил в Розряд великого государя, святейшаго патриарха Филарета Никитича Московсково и всеа Русии стряпчей Кир Патрекеев и говорил диаком, думному Федору Лихачову да Михайлу Данилову, что по указу великого государя, святейшего патриарха Филарета Никитича Московсково и всеа Русии Дмитрией Сверчков делает к церковному строенью меденое дело на старом на Борисовском дворе; а с ним у тово дела неглименские кузнецы», которые обычно занимались обработкой железа. ¹⁰² В 1632 г. он же, все еще как староста Котель-

⁹⁷ Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. Приложение. С. 96.

⁹⁸ Там же. С. 101.

⁹⁹ Там же. С. 117.

¹⁰⁰ РНБ. Кир.-Бел. № 78/1317. Л. 362 об. Ср.: «Во 136-м году Димитрии Феодоров сын Сверчков дал дватцать рублей» (РНБ. Кир.-Бел. № 87/1325. Л. 294). На основании этой записи Н. Б. Голикова лишь допускала родство Дмитрия Федоровича и гостя Ивана Гавриловича Сверчкова (Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 93–94).

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 12. Л. 8–8 об.

¹⁰² РИБ. Т. 9. С. 492–493. Этот эпизод приведен О. В. Новохатко как пример неудачи в деятельности объезжих голов, призванных следить и за пожарной безопасностью в городе (Новохатко О. В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. М., 2001. С. 94).

ного ряда, должен был получить деньги (7 рублей 26 алтын 4 деньги) за изготовление медной, весом в пуд и 12 гривенок, осьминой меры для таможи Тотьмы.¹⁰³ Тем самым, можно заключить, что Дмитрий Федорович долгое время возглавлял коллектив как специалист по работе с цветными металлами.

Вероятно, его брат торговый человек Котельного ряда Иван Федоров сын Сверчков 8 ноября 1630 г. поставил в Аптекарский приказ «на масло янтарное кубик медной».¹⁰⁴

Так как оба сына Федора Сверчкова в третьем десятилетии века поминаются как торговые люди Котельного ряда, следует заключить, что в какой-то момент они были исключены из состава гостиной сотни, хотя не оставляли свойственных ее членам торговых занятий.

Принятый в гостиную сотню Гаврила Гаврилович, судя по его упоминанию, был старшим из сыновей своего отца, носившего то же имя, и имел, как минимум, двух родных братьев. Еще один из представителей этого поколения рода Сверчковых с отчеством Гаврилович, Иван, отмечен как благодетель Кирилло-Белозерского монастыря, во вкладной книге которого под 1603/04 г. записано: «Гость Иоанн Гаврилов сын Сверчков з братиею своею дали вкладом сто рублей».¹⁰⁵ Здесь также фигурируют сразу три (или более) брата Гавриловичи, двумя из которых следует считать Гаврилу и Ивана.¹⁰⁶ Возможно назвать и имя третьего из сыновей старого Гаврилы.

Во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря под датой 3 мая 1630 г. записано: «дал вкладу Иван Богданов сын Порывкин 150 рублей, а тех денег он, Иван, поступился, что взято было ему по выданной кабале дяди ево Олексея Гаврилова сына Сверчкова на Максиме да на Филиппе Яковлевых Доцаниковых. И за тот вклад родителей ево Григорья, Еуфимию, Ивана написали в вечные сенадики».¹⁰⁷ Согласно этой записи, Иван Богданович пожертвовал монастырю 150 рублей, которые он должен был получить с братьев Доцаниковых по ка-

¹⁰³ Булгаков М. Б. Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004. С. 194.

¹⁰⁴ Материалы по истории медицины в России. Вып. 1. СПб., 1881. С. 10–11. № 53.

¹⁰⁵ РНБ. Кир.-Бел. 87/1325. Л. 294.

¹⁰⁶ Т. Б. Соловьевой и Т. А. Лаптевой допускалось происхождение Ивана Гавриловича из ветви рода, представленной Федором (Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 28). Однако такое мнение требует очередного допущения, предусматривая существование у Федора родного брата с именем Гаврила, сыном которого и должен быть Иван, и не согласуется с хронологией, поскольку этот «племянник Федора» в таком случае должен быть сверстником его же сыновей, тогда как он явно принадлежит к поколению Гаврилы Гавриловича и Федора.

¹⁰⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 225.

бале своего дяди Алексея Гавриловича Сверчкова. За вклад в синодик предстояло записать отца и мать Ивана — Григория и Евфимию, третьим лицом был сам вкладчик. Тем самым, оказывается, что мать Ивана, Аникея и Никифора Евфимия была сестрой Алексея, Ивана и Марии Сверчковых и женой Григория-Богдана Порывкина.

16 декабря 1610 г. москвитин Корнил Афанасьев сын Сверчков явил на четырех возах товар москвитина Алексея Сверчкова 15 стоп писчей бумаги, три бочки квасцов, сундук «грецкого» мыла, два постава сукна лундышев, 80 аршин станбретов, по одному поставу гвоздичного и синего сукна настрафиля, два пуда ладана, бочку пороха, бочечку винных ягод, 40 синих скляниц, десять медных весов, десять медных фунтов, пуд инбирю, четыре немецких мухояра, пять дюжин карт. Продав часть товара на 65 рублей, остальное повез «назад», то есть в Москву.¹⁰⁸ Если в Алексее следует видеть одного из братьев Гаврилы Гавриловича, именно того, кого Иван Григорьевич Порывкин называл своим дядей, то в Корниле Афанасьевиче допустимо усматривать либо его племянника, сына еще одного брата Гаврилы Гавриловича, либо двоюродного брата, сына одного из родных братьев отца Гаврилы и Алексея, если, конечно, его отцом не был кто-то из братьев Федора Сверчкова. Так или иначе, вряд ли стоит сомневаться, что на службе у относительно успешно занимавшегося торговыми делами Алексея состоял его родственник.

О Гавриле и Алексее Гавриловичах иных сведений пока нет, зато таковые наличествуют об их брате Иване.

Иван Гаврилович Сверчков, по мнению Н. Б. Голиковой, в 1604–1613 гг. состоявший в гостинной сотне, с 1614 г. — гость, по происхождению, вероятно, вологжанин.¹⁰⁹ В пользу вологодской версии происхождения Сверчковых, по мнению Н. Б. Голиковой, говорит то обстоятельство, что именно там «в те же годы жил посадский человек Гаврило Сверчков. Довольно состоятельный купец, он вел торговлю импортными галантерейными и другими товарами, а также выступал как кредитор, имевший должников из среды купечества. Были у него и связи с Москвой, куда он отправил своих сыновей Гаврилу, Ивана и Алексея, которые со временем были записаны там сначала в Котельную слободу, а затем — в гостиную сотню. В пользу вологодского происхождения Сверчковых говорят и связи Ивана и его братьев с Кирилло-Белозерским монастырем».¹¹⁰ Построение Н. Б. Голиковой заслуживает пристального внимания.

¹⁰⁸ Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов. СПб., 1996. С. 118.

¹⁰⁹ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 92–93, 241.

¹¹⁰ Там же. С. 92–93.

В описании вологодских дворов дозорщиками 1616–1617 годов Сверчковых нет,¹¹¹ зато в писцовой книге 1626–1628 годов в Вологде Сверчковы упоминаются неоднократно. В кремле, по дороге от Софии к Ильинским воротам, стоял «двор тяглово человека Корнилка Офонасьева сына Сверчкова, в длину девять сажень, поперек четыре сажени».¹¹² На пути между гостиным двором и таможенной находилась «лавка посадцково человека Корнилка Сверчкова, а наперед тово была посадцких людей Филки Матвеева сына Попова да Олешки Иванова сына Дьякова, по лицу две сажени с третью. Владеет по купчей 104-го и 134-го году, оброку десять алтын».¹¹³ Последняя запись позволяет считать, что стационарным местом торговли Корнилий обзавелся в 1595/96 г., прикупив половину лавки у одного из ее владельцев, а спустя тридцать лет выкупил у второго из хозяев оставшуюся половину, расширив тем самым свое дело. Вряд ли стоит сомневаться в возможности видеть в нем приказчика Алексея Гавриловича Сверчкова, в силу службы у человека московской гостиной сотни оказавшегося в новгородском документе «москвитинном». Вероятно, именно эта служба и позволила ему постепенно повышать собственное благосостояние, следствием чего и стала покупка второй половины лавки в Вологде. Не исключено, что на первых порах, будучи занят делами Алексея Гавриловича, он сам не занимался торговлей в Вологде, либо доверив ведение дел совладельцу, либо предоставив такую возможность кому-то из своих сыновей. Так или иначе, но к моменту составления писцовой книги он был заметной фигурой на вологодском посаде, поскольку 6 апреля 1628 г. выступал в роли земского целовальника.¹¹⁴

Переписчики 1646 г. обозначили нахождение двора посадского человека Корнилки Афанасьева сына Сверчкова в направлении «от Живого мосту по Дмитриевскому берегу, идучи ко архиепископли к Николской слободе».¹¹⁵ Если предположение о родстве вологжанина Корнилия и москвича Алексея Сверчковых верно, то необходимо при-

¹¹¹ Дозоры начала XVII в. следовали за погромами городов во время военных действий. В частности, это отмечено для Коломны (*Булгаков М. Б.* Структура и динамика населения г. Коломны в первой половине XVII в. // *Русский город.* Вып. 4. М., 1981. С. 144) и Галича (*Тимошина Л. А.* Дозоры начала XVII в. в Галиче и выпись из дозорной книги 1617/18 г. // *ОФР.* Вып. 19. М.; СПб., 2016. С. 230–231).

¹¹² Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века. Т. 3. М., 2018. С. 99.

¹¹³ Там же. С. 29.

¹¹⁴ Там же. С. 285.

¹¹⁵ Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века. Т. 1. М., 2008. С. 69. В 1678 г. этот двор будет принадлежать посадскому человеку Якову Корнильевичу Сверчкову, имевшему пятилетнего сына Ивана (Там же. С. 158).

знать первого из них гораздо более молодым человеком, нежели второй. В таком случае Корнилий должен приходиться Алексею племянником, тогда как его отец Афанасий двоюродным братом Гаврилы, Алексея и Ивана Гавриловичей Сверчковых, людей гостиной сотни.

Возвращаясь к свидетельству писцовой книги 1626–1628 годов о принадлежавшей ему лавке, необходимо признать, что купчая 1595/96 г. на ее половину, скорее всего, принадлежала его отцу Афанасию, тогда как сам он лишь докупил вторую ее же половину спустя два десятилетия.

Корнилий был не единственным сыном Афанасия Сверчкова. В приходной книге вологодского архиерейского дома 1645/46 г. содержится запись: «По архиепископлю приказу отдан в долг по закладной двор архиепископлены бывшие крестьянки вдовы Каптелины Григорьевы дочери, а Никоновские жены Офонасьева сына Сверчкова да сына ее Гаврилка Сверчкова пятницкому попу Епифану за дватцать за четыре рубли с полтиною, а наперед у него взято в архиепископлю казну пять рублей».¹¹⁶ Отсюда следует, что Капитолина Григорьевна в этом году была уже вдовой брата Корнилия Никона Афанасьевича, в браке с которым родила сына, нареченного Гаврилой. При этом она названа бывшей крестьянкой, то есть в середине 1640-х годов у нее был какой-то иной статус. В вологодской таможенной книге 1635/36 г. с датой 14 октября читается, видимо, именно к ее сыну относящаяся запись: «Вологжанин Гаврило Сверчков явил полдесята фунта кружив золотых и серебряных. Продал на Вологде фунт кружив, а достальные отпустил в отвоз. Цена проданным 15 р.».¹¹⁷

О детях Никона и Капитолины, включая и Гаврилу, имеются сведения, относящиеся к более раннему времени. Составители вологодской писцовой книги 1626–1628 годов отметили стоявший на Пятницкой лице «двор крестьян Ивашка да Федки да Гаврилка детей Сверчкова, в длину пять сажень, поперег три сажени».¹¹⁸ Крестьянами они были Пятницкого монастыря. В приходо-расходной книге Вологодского архиерейского дома 1627/28 г. записано: «Ноября в 28 день изнутри города Пятницкого монастыря Иван да Федор Сверчковы платили оброк на 135-й год за всякое зделье два рубли. Взято».¹¹⁹ Ве-

¹¹⁶ ОР РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. № 825. Л. 20 об.

¹¹⁷ Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. М., 1983. С. 58–59. Данный факт со ссылкой на архивную единицу хранения приведен Н. Б. Голиковой как относящийся к биографии отца Сверчковых, взятых в гостиную сотню тремя десятилетия ранее.

¹¹⁸ Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века. Т. 3. С. 82.

¹¹⁹ Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII — начало XVIII в. М.; СПб., 2016. С. 102.

роятно, Иван и Федор Никоновичи, действительно, проживали в этом дворе, тогда как Гаврила, вероятно, самый младший из братьев, в это время обитал где-то в ином месте.

В грамоте из Устюжской четверти тотемскому воеводе Филону Михайловичу Оничкову 20 января 1622 г. сказано, что в московском приказе подал челобитную «важанин Кокшенские чети Гаврилко Сверчков на тотемского на посадцкого человека на Шумилка Синцова», который в два приема занял у челобитчика 42 рубля и не жаждал возвращать деньги, даже пытаясь, будто бы намеренно, скрыться от кредитора в Архангельске. Оказалось, что, помимо суммы долга, убыток Гаврилы составил еще 18 рублей, израсходованных на двукратное обращение с жалобами в административные органы.¹²⁰ Таким обра-

¹²⁰ Указные грамоты городovým воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. М., 2012. С. 267–268. № 220.

Согласно описанию Тотьмы 1623–1626 годов на посаде в Кошелеве переулке проживали «во дворе молотчей человек Шумилка Захарьев сын Синцов да сын его Ефгюшка, что бывало Кики Максимова, двора вдоль пятнатцать сажен, поперег пять сажен с полусаженью, огороду с хмельником дватцать шесть сажен, поперег пять сажен с полусаженью. А промысл их — Шумилка ходит на судах в кормьщиках, а сын его рыбу ловит» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 480. Л. 54 об.–55). Следовательно, отбывая в Архангельск, Шумилка просто занимался своим обычным промыслом.

7 июня 1626 г. носник Шумила Синцов отправился из Тотьмы на судне некоего немчина (Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 3. С. 266). 1 сентября 1626 г. он же поплыл из Тотьмы на барке воложжанина Селивана Кириллова (Там же. С. 125). 6 мая следующего года в качестве носника он повел дощаника воложжанина Кондратия Парфеньева (Там же. С. 160). 25 июня 1627 г. Шумила отправился в путь носником на дощанике князя Андрея Федоровича Масальского (Там же. С. 105). 6 сентября как носник платил пошлыны в Тотьме (Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 4. СПб., 2016. С. 42).

Иногда Шумила Захарьевич путешествовал и помимо своих промысловых занятий. Так, 10 мая 1627 г. он платил пошлыны за приезд в Тотьму на лодке (Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 3. С. 95). 2 июня 1628 г. в компании с двумя земляками поплыл вверх по Сухоне (Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 4. С. 110). 24 августа 1629 г. он вновь отплыл из Тотьмы на лодке, заплатив даже гостиную пошлыну, то есть поехал в каком-то товаром (Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 5. СПб., 2017. С. 144). Пошлыны в таможенные за приезд он платил и 8 декабря 1629 г. (Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 6. СПб., 2017. С. 55). Вероятно, часть из этих поездок была связана с коммерческими предприятиями. Так, 12 октября 1628 г. Шумила продал в Тотьме хмеля на два рубля (Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 5. С. 195), который вряд ли вырастил на собственном подворье. Вероятно, сказались результаты отъезда из Тотьмы в июне того же года.

Таможенные книги сохранили некоторые сведения о собственном хозяйстве Шумилы Синцова. 22 октября 1626 г. он купил у тотмьянина Митрофана Мальцова нетель (Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 3. С. 178). 7 февраля 1628 г. купил корову (Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 4.

зом, в целом исковая сумма составляла уже 60 рублей, видимо, немалые деньги для простого крестьянина, если бы важанин Гаврила таковым был в действительности. Однако другой документ рисует несколько иное на тот момент положение челобитчика.

3 июня 1624 г. опять же из Устюжской четверти в Тотьму, на сей раз воеводе Моисею Осиповичу Зеленого была послана грамота, в которой, как принято, излагалась очередная челобитная Гаврилы Сверчкова, утверждавшего, что «в прошлом де во 130-м году приходили в Кокшенскую четверть на Ромашевской посадец многие воры разбойники и двор ево на посадце розбили, и животы и деньги ево пограбили, и ево, Гаврилка, и сына ево мучили и огнем жгли. Да у него ж деревню ево Сверчковскую з животиною и со всяким запасом сожгли». Вынужденный по бедности проживать в Тотьме, он для собственных нужд, но не ради торговли, должен отлучаться из города и возвращаться назад, и если раньше таможенные головы брали с него пошлины по пониженной ставке, видимо, как с жителя Тотьмы, то нынешний голова Алексей Босой «емлет с него с одново человека по гривне и по четыре алтына, а в лотке с человека по пяти алтын и по две гривны», что несправедливо, почему он и приносил свою жалобу.¹²¹ Таким образом становится ясным, что в результате событий 1621/22 г. Гаврила, числившийся крестьянином, но явно занимавшийся больше торговлей и, видимо, как и его братья, неким изделием, существенно обеднел, но не оставлял надежды поправить свои дела. Будущее показало, что эти надежды не были тщетными. Уже 5 января 1629 г. кокшар Иван Гаврилов сын Сверчков платил пошлины за приезд

С. 207). 4 ноября того же года он приобрел еще одну корову (Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 5. С. 202). 17 июня 1629 г. Шумила купил сежу за 40 алтын (Там же. С. 238), видимо, удовлетворив потребность сына в его занятиях рыбной ловлей. 13 августа того же года он закупил четыре меха соли весом в 113 пудов и кипу хмеля (Там же. С. 242). Может быть, соль, хотя бы в какой-то части, потребовалась для засолки рыбы, но кипа хмеля — явно для перепродажи в принадлежавшей ему лавке, где он торговал мясом и мелким товаром (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 480. Л. 107 об.). Ранее ему принадлежала другая лавка, место которой было занято под постройку Богоявленского храма (Там же. Л. 3). За Шумилой числилось и место амбарное (Там же. Л. 109 об.). Некогда он был хозяином полянок на Копорской дороге и в конце Егорьевской улицы (Там же. Л. 5 об.—6, 40 об.).

В тотемской таможене 15 августа 1631 г. отметился сын Шумилы Естифей, продавший 25 свиных туш (Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 7. СПб., 2018. С. 265).

Приведенные данные свидетельствуют о неуклонно растущем благосостоянии Шумилы и его сына, чему когда-то могли существенно помочь взятые в долг у Сверчкова деньги.

¹²¹ Указные грамоты городovým воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. С. 285. № 252.

в Тотьму на лошади, видимо, на санях.¹²² Приезжал он туда же и 20 марта 1630 г.,¹²³ а 9 января 1631 г. Иван приехал в Тотьму на санях в сопровождении земляка и двух проводников, и уже через три дня, 12 числа, отбыл, увозя кипу хмеля.¹²⁴ 10 сентября 1635 г. Иван Сверчков проехал через Соль Вычегодскую.¹²⁵ Вряд ли можно сомневаться, что в данных случаях перед таможенниками являлся сын Гаврилы, остававшийся все еще обитателем Кокшенги, но имевший возможность заниматься хотя бы мелкой торговлей. Это дает основание думать, что и благосостояние его отца значительно улучшилось, почему он смог сменить статус крестьянина на какое-то иное положение, почему и его мать именовалась в монастырском документе бывшей крестьянкой. В переписной книге 1646 г. этой ветви фамилии Сверчковых не обнаружено, но во владычной Никольской слободе переписчики отметили «двор пуст Ивашки да Гаврилка Никановых с племянником с Овдейком Марковым сыном, свешником. Ивашко да Овдейко сошли безвесно во 147-м году, а Гаврилко шпол безвесно во 152-м году».¹²⁶ Создается впечатление, что Гаврила, несколько поправив свои дела, последовал примеру своих брата и племянника и решил искать счастья в дальних краях.

За Гаврилой Никоновичем, видимо, не последовал его сын, поскольку в таможенной книге Устюга Великого 1650 г. находим, что 7 декабря «с Кокшенги Иван Гаврилов сын Сверчков приехал на порозжей лошаде. Платил приезду 5 ал. 2 д.».¹²⁷

Приведенные материалы позволяют отвергнуть построения Н. Б. Голиковой о существовании некоего вологжанина Гаврилы Сверчкова, пославшего своих сыновей в Москву, где они оказались, в конце концов, в гостинной сотне. Если оперировать наличными сведениями, то окажется, что жителями Вологды были Корнилий и Никон Афанасьевичи Сверчковы, в которых можно видеть младшее относительно москвичей Гаврилы, Алексея и Ивана Гавриловичей Сверчковых поколение, тогда как их отец Афанасий был сверстником торговцев из гостинной сотни.

¹²² Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 5. С. 93. Кокшары считаются локальной этнической группой русского наследия Поморья (Черкасова М. С. Человек в зеркале исторической демографии. XVI — начало XVIII в. Вологда, 2023. С. 141), но в данном случае, видимо, И. Г. Сверчков именуется по месту проживания в Кокшенге.

¹²³ Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 6. С. 76.

¹²⁴ Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 7. С. 94.

¹²⁵ ТКМГ. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 387.

¹²⁶ Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века. Т. 1. С. 76.

¹²⁷ ТКМГ. Т. 2. М., 1951. С. 22.

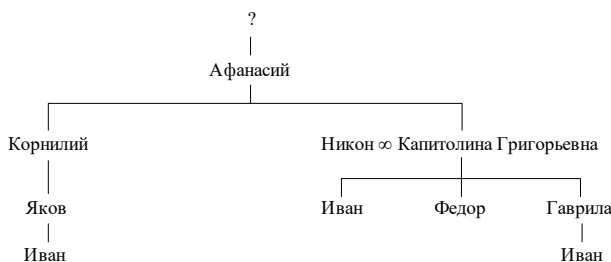

Схема 3. Вологодская ветвь семьи Сверчковых

Данные упомянутого выше документа, использованного Т. Б. Соловьевой и Д. М. Володихиным, уточняют суждение Н. Б. Голиковой о москвичах отце и братьях Сверчковых сразу в двух моментах, относя зачисление этих людей в гостиную сотню к более раннему времени, во-первых, и отвергая их вологодское происхождение, во-вторых. Однако остается неясной дата пожалования Ивана Гавриловича чином гостя. Прочитанная выше запись о вкладе, на первый взгляд, позволяет относить это событие уже к 1603/04 г., чему противоречит отметка в пошлинной книге Печатного приказа, утверждающая, что 2 февраля 1614 г. была выдана «жаловальная грамота Ивану Гаврилову сыну Сверчкову, велено ему в Московском государстве быти¹²⁸ гостем, пошлин два рубли с полтиною. Взято».¹²⁹

Можно было бы допустить, что уже носивший ранее звание гостя Сверчков в феврале 1614 г. получил грамоту, лишь подтверждавшую его статус, необходимость чего возникла, возможно, вследствие утраты ранее полученной бумаги.¹³⁰ Однако в другой вкладной того же Кирилло-Белозерского монастыря Иван Гаврилович под 1608/09 г. упомянут как «москвитин гостиные сотни»,¹³¹ что заставляет считать присвоение ему чина гостя уже в 1603/04 г. произволом монастырского делопроизводителя.¹³² При этом не следует особенно винить

¹²⁸ Написано тем же почерком над строкой.

¹²⁹ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 2. Л. 213 об.; Голикова Н. Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества... С. 44.

¹³⁰ Кистерев С. Н. Корпоративные и персональные жалованные грамоты торговым людям гостиной сотни // ОФР. Вып. 18. М.; СПб., 2015. С. 95–96.

¹³¹ РНБ. Кир.-Бел. № 78/1317. Л. 305 об.

¹³² По мнению Н. Б. Голиковой, «промежуток времени между указом о пожаловании и обращением в Печатный приказ за оформлением грамоты не превышал в те годы нескольких дней. Переписчик же вкладной книги вполне мог ошибиться, указав дату „112 год“ вместо „122 год“. Если это предположение правильно, то такой крупный вклад мог быть сделан Сверчковым в 1614 г., в ознаменование его пожалования столь высоким чином» (Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 93).

кого-то из кирилловской монашеской братии, поскольку, согласно законодательным памятником гостиная сотня делилась на разряды, состоящие из больших, средних и меньших гостей, почему члены сотни двух последних разрядов, не обладая чином гостя большого, также могли называться гостями.¹³³

Погрешности в именовании допускались не только сторонними людьми, но и официальными лицами. Так, писец восточной части Белого города в Москве князь Мирон Шеховской в своем итоговом документе 1620/21 г. отметил нахождение в Мясницкой сотне двора человека именно гостиной сотни Ивана Сверчкова,¹³⁴ и если в данном случае владельцем был Иван Гаврилович, то записан он оказался без указания уже присвоенного ему чина, что опять-таки не было серьезным нарушением, так как гости оставались частью гостиной сотни.

Сам этот двор выходец из Котелников мог приобрести только путем покупки или возмещения за невыплаченный бывшим владельцем, оформленный закладной долг. При этом он не порывал со своим прошлым, уже будучи гостем, сохраняя за собой лавку именно в Котельном ряду.¹³⁵

Едва оказавшись в составе купеческой корпорации, Иван Гаврилович обзавелся солидной недвижимостью в Московском уезде. По закладной кабале 1602/03 г. Авдотьи Федоровой дочери Свиблова (вдовы Семена Висковатого) с сыном Степаном Андреевичем Рожновым Иван Гаврилович Сверчков владел вотчиной, селом Подушкиным с пустошами Антоновым, Макаровым и другими на рч. Сомынке в Сетунском ст. Московского у., на которое существует выпись из писцовых книг 1626–1628 гг.¹³⁶

О деятельности Ивана Сверчкова в первые годы обладания чином гостя, то есть после 2 февраля 1614 г., имеются некоторые отрывочные сведения. Видимо, в какие-то моменты он занимался поставками для удовлетворения потребностей царского двора в импортных товарах. В расходной книге Нижегородской четверти 1615 г. записано: «Маия в 13 день по памяти з Дворца за приписью диака Ивана Бо-

¹³³ Кустерев С. Н. Структура гостиной сотни... С. 260.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 1161. Л. 203.

¹³⁵ Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. С. 1115–1116.

¹³⁶ Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М., 2010. С. 288. Отмечено Ю. В. Готье (*Готье Ю. В.* Замосковский край в XVII веке. М., 1937. С. 289).

Н. В. Разоренова (Козлова) отметила владельцами села Подушкино в первой половине XVII в. С. Висковатого и Г. В. Львова, а во второй половине столетия — М. Б. Милославского, не упоминая о Сверчковых (*Разоренова Н. В.* Ближайшее Подмосковье в XVII–XVIII вв. // Русский город. Вып. 2. М., 1979. С. 149).

лотникова гостю Ивану Сверчкову велено дати за 2 бочки ренского да за бочку алкану 80 р.».¹³⁷

В соответствии с чином Ивана Гавриловича призывали на службу. В апреле 1616 г. гость был таможенным головой в Нижнем Новгороде, где производил осмотр товаров гилянца Осанка Максютин.¹³⁸ На этом посту он учинил прибыль будто бы в 4500 рублей.¹³⁹ На самом деле она была несколько меньше. 27 февраля 1617 г. Сверчков был награжден ковшом в гривенку и 20,5 золотников, камкой на 13 рублей и сороком соболей на 24 рубля за прибыль в таможенном сборе в Нижнем Новгороде в 4446 р. 7 а. 5 д.¹⁴⁰

Летом 1617 г. наравне с другими представителями торгово-промышленного мира Москвы, включая братьев Котовых, Иван Гаврилович принимал участие в консультациях в связи с ведущимися тогда переговорами с английским послом Джоном Мерриком.¹⁴¹

Представляют интерес некоторые личные связи Ивана Сверчкова с людьми из торговых кругов. Так, 29 марта 1619 г. могилевский купец Марк Петров сын Чортов допрашивался послами на Поляновских переговорах боярами Федором Ивановичем Шереметевым и Данилой Ивановичем Мезетским, окольничим Артемием Васильевичем Измайловым и дьяками Иваном Болотниковым и Матвеем Сомовым, и показал, что «пришел де он к Москве с паном Желковским, и был на Москве, и торговал без съезду, и в Москве де он в осаде сидел с Струсом, и как де Москву взяли, и ево де в осаде взял к себе во двор архиепископ Еласунский, и был де у него во дворе на погребе в ключе, и после де московские осады жил он у архиепископа Еласунского года з два, и ево де архиепискуп хотел поверстать в дети боярские, и он де о том архиепискупу бил челом, что он в дети боярские не хочет, потому что он человек торговой, и архиепискуп де ево от себя отпустил тому ныне лет с пять. И отшед де он от архиепискупа пожил у москвитина у Бориса Тарутина и от него торговал, сидел в лавке в Овощном¹⁴² ряду, и сидел де он от Бориса в лавке годы с четыре,

¹³⁷ РИБ. Т. 28. М., 1912. С. 265.

¹³⁸ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 3. СПб., 1898. С. 250, 254.

¹³⁹ Лисейцев Д. В. Торговые люди Московской Руси в эпоху Смуты начала XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Третьей международной конференции (г. Коломна, 24–26 сентября 2013 г.). Т. 1. Коломна, 2015. С. 29.

¹⁴⁰ Дополнения к Дворцовым разрядам. Ч. 1. С. 91.

¹⁴¹ Подробнее см.: Кистерев С. Н. Потребности национальной экономики... С. 352–389.

¹⁴² Здесь и ниже исправляем написание, поскольку речь идет о торговом ряду, имевшем собственное название.

и Борис де поехал в Кизылбаши с Ываном Чичериным, а ево с товаром со всем оставил и приказал гостю Ивану Сверчкову, и он деи до тех мест, покаместа перемирье с литовскими людми учинили, жил все у Ивана Сверčkова, а как де перемирье с литовскими людми учинили, и он де Борисову лавку Тарутина со всем товаром отдал Ивану Сверчкову, и ему, Ивану, о том бил челом, что ныне милостью божью и государевым счастьем с литовскими людми помирились, а их всех литовских людей по договору велено всех отпустить. И Иван де взяв у него Борисову лавку и товар, ево отпустил, и он де записался с ыными литовскими полоняники на патриарше дворе, а записався де на патриаршем дворе жил на дворе у Бориса ж Тарутина». ¹⁴³

Показания Марка Чортова нуждаются в некоторых хронологических пояснениях. Поскольку после проживания у архиепископа Арсения прошло к моменту допроса «лет с пять», а срок нахождения при Арсении исчислялся в два года, то служба у иерарха приходилась на конец 1612 — 1614 год. Затем около четырех лет Марк прослужил у Бориса Тарутина, то есть в 1614–1617/18 годах, пока хозяин не отправился вместе с посольством Ивана Чичерина в Персию, ¹⁴⁴ оставив лавку, а заодно и приказчика, на попечение Ивана Сверčkова, который после заключения Деулинского перемирия, то есть в декабре 1618 г., полностью принял торговое предприятие на себя, поскольку пришлось освободить Марка как бывшего пленного. Следовательно, присмотр за владениями Тарутина осуществлялся Сверчковым в период после отъезда посольства Чичерина и до конца февраля 1619 г.

Показания Марка Чортова нашли подтверждение со стороны москвитина Федора Ветошника, 30 марта рассказавшего, что «знает де он, Федька, того Марка Чортова, потому что сидел он с ним, с Федькою, в Овощном ряду лет с пять, а торговал де тот Марко в лавке в Овощном ряду гостиные сотни от торгового человека от Бориса Тарутина, а как де тот Борис Тарутин поехал с послы с Ываном Чичериным в Кизылбаши, и после де себя Борис приказал свою лавку и товар и того Марка беречь гостю Ивану Сверчкову, и в нынешнем де во 127-м году гость Иван Сверчков того Марка в Борисове товаре

¹⁴³ Россия и белорусские земли в XVII — первой половине XVIII в. Т. 1. М., 2020. С. 36.

¹⁴⁴ Материалы миссии под руководством боярина князя М. П. Барятинского (умер 15 декабря 1618 г.), дворянина Ивана Чичерина и дьяка Михаила Тюхина 1618–1620 годов сохранились в составе посольской книги: РГАДА. Ф. 77. Сношения России с Персией. Д. 6 (Рогожин Н. М. Посольский приказ — колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 187). О дьяке М. Тюхине см.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII веков. С. 529.

считал и товар у него Борисов и лавку взял, а ево, Марка, из лавки выслал и посадил в Борисове лавке за Борисовым же товаром иново сиделца, и тово де Марка отпустил». ¹⁴⁵

В 1601/02 г., то есть одновременно с Котовыми, Сверчковыми и Ф. Ветошниковым, в гостиную сотню были причислены «Тимофей Тарутин с внуком». ¹⁴⁶ Тогда же в суконную сотню взят Никита Тарутин (в документе записан как Тарухин). ¹⁴⁷ В 1619 г. он был таможенным и кабацким головой в Можайске. ¹⁴⁸

Поскольку Тимофея призвали с внуком, можно думать, что сын его к тому времени умер, а упомянутый без имени внук был еще малолетним. Учитывая хронологию событий, можно допустить, что вторым именем Тимофея было Богдан. Известна челобитная Борису Федоровичу московского торгового человека Богдана Тарутина. ¹⁴⁹ Никита, вероятно, был вторым сыном Тимофея и, соответственно, приходился его внуку дядей. В самом племяннике можно видеть Бориса Тарутина, при отправлении посольства И. Чичерина в 1618 г. значившегося человеком гостиной сотни.

В таком случае оказывается, что, отъезжая на длительное время в Персию, Борис предпочел возложить присмотр за своим хозяйством сотоварищу по сотне И. Сверчкову в обход дяди, возможно, в связи с назначением последнего в Можайск. Так или иначе, но сам факт демонстрирует существование доверительных отношений Ивана Гавриловича и Бориса Тарутина.

В 1621 г. гость Иван Гаврилович вместе с Богданом Щепоткиным собирал пошлины у пристани в Архангельске. ¹⁵⁰ Сохранилась масса

¹⁴⁵ Россия и белорусские земли в XVII — первой половине XVIII в. Т. 1. С. 37. Федор Ветошник в 1601/02 г., то есть одновременно с Котовыми и Сверчковыми, был взят в гостиную сотню «из Борашей» (Соловьева Т. Б., Володихин Д. М. Состав привилегированного купечества России... С. 92). Возможно, его предком был москвич Игнатий Ветошник, в 1551 г. назначенный со своим земляком Владимиром Шамтуровым таможенным головой на Белоозеро (РИБ. Т. 32. Пг., 1915. С. 320–321. № 185; Кистерев С. Н. Возникновение института таможенных голов. С. 9–10).

¹⁴⁶ Соловьева Т. Б., Володихин Д. М. Состав привилегированного купечества России... С. 89; Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 242.

¹⁴⁷ Соловьева Т. Б., Володихин Д. М. Состав привилегированного купечества России... С. 36. По сведениям Н. Б. Голиковой, Никита Тарутин в 1632–1647 годах состоял уже в гостиной сотне (Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 285).

¹⁴⁸ Кистерев С. Н. Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI — начала XVII в. М., 2003. С. 88–92.

¹⁴⁹ ЛЗАК. Вып. 31. Пг., 1923. С. 23. № 153.

¹⁵⁰ Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 252.

В 7122 г. на Выми отец Богдана Семен Щепоткин (Щепеткин) был таможенным головой (РИБ. Т. 28. С. 217). Свидетелем видений Евфимия Чакольского 1611 г.

документов, отражающих эту их деятельность. 16 мая 1621 г. датирована сохранившаяся в отпуске грамота двинским таможенным головам Ивану Максимова и Гавриле Неустроеву с товарищами о передаче по росписи новым головам Ивану Сверчкову и Богдану Щепоткину уставных грамот, росписей кабацких запасов, контарей и весов, о закупке на оставшиеся в Архангельске деньги ефимков.¹⁵¹ 20 мая гость И. Сверчков и гостиной сотни Б. Щепоткин получили как вновь назначенные архангельские таможенные головы известную опять же в отпуске наказную память о сборе таможенной пошлины и кабацкой прибыли,¹⁵² то есть в это время они еще находились в Москве. Со-

назван Юрий Семенов сын Щепеткин (*Островская М.* Поморские видения 1611–1613 годов // Научный исторический журнал. Т. 2. Вып. 2. (№ 4). СПб., 1914. С. 65.

На Минее служебной (декабрь), 1620 года издания, имеется запись: «7131-го сентября в 14 день положил сию книгу в церковь Воскресению Христову Петру и Павлу на Карпову гору по своих родителей Богдан Семенов сынъ Щепоткин» (*Вознесенский А. В., Медведева Е. М.* Московские издания первой половины XVII века в собрании отдела редких книг Российской национальной библиотеки. Каталог. Вып. 1. СПб., 2013. С. 338). Спустя два года туда была передана Минее служебная (март), напечатанная в 1624 г.: «Положил сию книгу Минеею месяц март в церковь Воскресению Христову Петру и Павлу Богдан Семенов сын Щепоткин [ошибочно: Щеполкин] в поминоку по своих родителей» (*Поздеева И. В., Ерофеева В. И., Шитова Г. М.* Кириллические издания. XVI век — 1641 год. Находки археографических экспедиций 1971–1993 годов, поступившие в Научную библиотеку Московского университета. М., 2000. С. 143. № 154). В синодике Карпогорской церкви первой читается запись о роде Щепоткиных: «род Симеона, да Родиона, да Ивана Даниловых Щепеткиных и их сродников» (*Савельева Н. В.* Сказания XVII века о святых, святых и подвижниках Русского Севера: Пинега и Мезень. СПб., 2010. С. 46). Род гостя Богдана Щепоткина записан в синодике московской Троицкой Грузинской церкви (ГИМ. ОР. Муз. 3989. Л. 98–99 об.).

Двор Богдана Семеновича в Москве располагался в Китае-городе: *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. С. 13–14.

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1621 г. Д. 4. Ч. 1. Л. 67–71 (*Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... Кн. 2. С. 97).

¹⁵² Там же. Л. 3–22 (*Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... Кн. 2. С. 96). Опубликовано с погрешностями в воспроизведении текста и неверным указанием архивного шифра в легенде: Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 34–40. См. также датированные 20 мая 1621 г. отпуски адресованных им же как архангельским и холмогорским таможенным головам наказных памятей о сборе таможенной пошлины и кабацкой прибыли, о запрещении русским торговым людям менять иностранцам русские деньги старого дела на товары, о досмотре и закупке товаров, привезенных на иностранных кораблях и по другим вопросам (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1621 г. Д. 4. Ч. 1. Л. 23–54; *Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... Кн. 2. С. 96. Опубликовано с погрешностями: Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 40–49). Об их операциях с иностранцами см.: *Успенский А.* Столбцы бывшего архива Оружейной палаты. Вып. 1. С. 157–162. № 513.

гласно этому документу, вновь назначенные головы должны были оставаться при должностях «у Архангельского города у карабельные пристани год, от того числа, как приедут к Архангилскому в нынешнем во 129-м году, по то ж число 130-го году, как на их место перемена будет. А на Колмогорах у таможенного и у кабатцкого збору быти с Семеня дни 130-го году по Семен день 131-го году». Тем самым изначально подразумевалось, что Сверчков и Щепоткин будут заняты в северных городах и отсутствовать в столице, с присовокуплением времени проезда, около года с третью, что было обычным при назначении «гостя у пристани» в Архангельске.

Как таможенных голов, в их обязанности, помимо сбора пошлин, входила оценка принадлежавших русским и иноземным торговым людям товаров, причем особенно оговаривалась задача оказания иностранцам некоторого покровительства, «чтоб им повадно было вперед для торгов к Московскому государству ездити». Отдельно в наказе указывались правила торговли в Архангельске смолой, которую позволялось продавать заезжим европейцам, в первую очередь — англичанам, исключительно для нужд местного канатного производства и починки кораблей, не допуская закупок с последующим вывозом за пределы страны. Тем самым, Сверчков и Щепоткин должны были следить за соблюдением эмбарго на экспорт смолы, наложенного еще в 1617 г.¹⁵³

Особое внимание в наказе уделялось соблюдению казенной монополии на приобретение привозившихся иноземными купцами ефимков, основную массу которых должны были закупать сами таможенные головы, оплачивая поставки из собранных таможенниками средств. Русским торговым людям покупка ефимков разрешалась исключительно ради последующей сдачи их в казну в Москве.

Разумеется, аналогичные требования предъявлялись и к другим людям гостиной сотни, оказывавшимся еще ранее в роли руководителей таможни в Архангельске, но данный наказ сам по себе предполагал достаточную подготовленность Сверчкова и его напарника к выполнению возложенных задач, обладание необходимыми профессиональными как крупных торговцев качествами.

В другой наказной памяти Сверчкову и Щепоткину предписывалось следить за соблюдением введенного указом 1619/20 г. запрета расплаты с иностранцами за товары старыми монетами русского чекана или продажи им таковых, а также принимать меры против импорта в Россию изготовленных за рубежом фальшивых денег рус-

¹⁵³ Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. С. 158.

ского образца.¹⁵⁴ При этом указывалось: «А хто привезет деньги дела их на московской чекан, и у тех людей те их деньги велят взять на государя даром, а возили б в Московское государство золотые и ефимки».¹⁵⁵

Уже к 17 июня 1621 г. относятся отписки двинских голов Ивана Сверчкова и Богдана Щепоткина о приходе в Архангельск кораблей иностранных купцов и о закупке в казну смолы, к одной из которых приложена роспись товаров, привезенных в Архангельск гамбургскими купцами.¹⁵⁶ Такие росписи головы подавали и двинскому воеводе Андрею Васильевичу Хилкову, в отписке которого не позднее 3 июля 1621 г. сказано: «а хто на тех, государь, караблех торговых людей имена и что с ними пришло каких товаров и таможенные, государь, головы гость Иван Сверчков да Богдан Щепоткин прислали ко мне, холопу твоему, роспись».¹⁵⁷ Иногда отписки исходили сразу от воеводы и голов, например, датированная 18 июля о закупке в Архангельске у английского купца Фабина-Вильяма Смита (Фабиана Ульянова) смолы, имевшая в качестве приложения роспись товаров, привезенных на кораблях иностранных купцов.¹⁵⁸ О скупке англичанином Фабианом Ульяновым смолы и отказе его же продать 10000 ефимков Сверчков и Щепоткин самостоятельно писали в четверть еще 3 июля 1621 г., одновременно посылая роспись доставленных иноземцами товаров и извещая о закупке голландцем Юрием Клинкиным 700 четвертей ржи.¹⁵⁹ О сложной ситуации с закупкой ефимков головы сообщали в Москву и в отписке 21 сентября 1621 г.¹⁶⁰

Итоги летней деятельности И. Г. Сверчкова и Щепоткина, обязанных собрать в целом 13278 р. 8 а. 2 д., описаны в приходной книге Новгородской четверти 1620/21 г.: «И по двинскому сметному списку

¹⁵⁴ Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 40.

¹⁵⁵ Там же. С. 41. Массовый привоз фальшивых денег иноземного производства происходил в предшествующие назначению Сверчкова и Щепоткина два года (Там же. С. 40) и был обусловлен проведенной в 1616 г. реформой, понизившей монетную стопу.

¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1621 г. Д. 4. Ч. 1. Л. 127–130 (*Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... Кн. 2. С. 98); Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 51–53.

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1621 г. Д. 4. Ч. 2. Л. 146.

¹⁵⁸ Там же. Ч. 1. Л. 135–139 (*Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... Кн. 2. С. 99).

О Ф. Смите кратко см.: *Кистерев С. Н.* Из истории английского канатного производства в Вологде в XVII веке // ОФР. Вып. 21. М.; СПб., 2020. С. 372–375.

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1621 г. Д. 4. Ч. 1. Л. 135–136.

¹⁶⁰ Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 54.

129-го году за приписью диака Матвея Сомова те деньги во 129-м году собраны сполна, да сверх окладу собрано семьсот пятьдесят три рубли с полуденьгою; и обоего по окладу и сверх окладу собрано четырнадцать тысяч тридцать один рубль восемь алтын полтретьи деньги, и во взятые те деньги на Двине у воеводы и у диака, и у таможенных голов. У Архангельского ж города в корабельную пристань по государеву указу таможенные головы покупают на государя смолу у торговых и у всяких людей и продают приезжим иноземцом, гостем и торговым людям, ис прибыли, а на нынешней на 129-й год смоляные прибыли против 128-го году помечено собрати триста тридцать шесть рублей дватцать восемь алтын две деньги, будет государь укажет смолу продавать по-прежнему, как о том будет договор с аглинским послом. И в двинском сметном списке 129-го году за приписью диака Матвея Сомова написано: по росписи таможенных голов, гостя Ивана Сверчкова да Богдана Щепоткина с товарищы, во 129-м году у смолы прибыли собрано восемьдесят четыре рубли, а не добрано против 128-го году двусот пятидесят два рубля дватцати осьми алтын дву денег. А в роспросе головы сказали: учинился недобор, потому что в Верховых городех и на Колмогорах в зиму и в лето покупают смолу аглинские гости Фабин Ульянов с товарищи для шеемново дела да и у Архангельского города на смолу покупки не было».¹⁶¹

Недобор смоляной прибыли не был единственным затруднением в работе И. Сверчкова и Б. Щепоткина. Иной раз их деятельность нарушала интересы других администраторов. Так, в июле 1621 г. двинской воевода кн. Дмитрий Петрович Пожарский-Лопата писал в Новгородскую четверть о задержке в Архангельске таможенными головами Иваном Сверчковым и Богданом Щепоткиным торговых людей, приехавших с солью и рыбой, и о сборе с них таможенных пошлин,¹⁶² что не могло не отражаться на деятельности и холмогорской таможни, о чем свидетельствует и прямая жалоба холмогорских таможенных голов Ивана Федоровича Максимова и Гаврилы Неустроева, в своей отписке между 2 сентября и 15 октября 1621 г. ссылавшихся на трудности сбора пошлин вследствие задержки у Архангельска торговых людей московскими таможенными головами Иваном Сверчковым и Богданом Щепоткиным.¹⁶³

¹⁶¹ Приходо-расходные книги московских приказов 1916–1621 гг. С. 252.

¹⁶² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1621 г. Д. 9. Л. 250–252 (*Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... Кн. 2. С. 107).

¹⁶³ Там же. Л. 76–78 (*Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... Кн. 2. С. 102). См. также: Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 60–61. № 10. В 1620 г. гостиной сотни Иван Федорович Максимов вместе с Гаврилой Неустроевым собирал пошлины у пристани

С окончанием морской навигации головы утратили свой персонал, о чем свидетельствует датированный 7 ноября и исходящий от И. Сверчкова и Б. Щепоткина документ, содержащий просьбу о присылке замены бывшим с ними у таможенного и кабацкого сборов и уехавшим с Двины московским целовальникам.¹⁶⁴ Служба самих голов имела продолжение, и между 18 декабря 1621 г. и 2 января 1622 г. они сообщали в Новгородскую четверть о произведенной ими закупке хлебных запасов для холмогорских кабаков.¹⁶⁵

Естественным порядком во время нахождения на службе в Архангельске И. Сверчков вступал в деловые контакты с различными людьми, включая коллег по гостинной сотне. Например, 4 июня 1622 г. бывший компаньон Андрея Котова в соляной торговле, гость Михаил Смывалов получил в Новгородской четверти адресованную Сверчкову и Щепоткину грамоту с распоряжением о выдаче ему в Архангельске 500 рублей, взамен принятых от него в четверти.¹⁶⁶ Очевидно, что предъявить грамоту головам должен был бы сам Смывалов, почему можно полагать, что летом этого года он совершил деловую поездку к берегам Белого моря, если, конечно, не послал туда кого-то из своих людей. Уже 23 июля того же года Михаил Степанович стал дьяком Устюжской четверти.¹⁶⁷

Не все дававшиеся им из Москвы предписания И. Сверчков и Б. Щепоткин смогли выполнить. Так, в грамоте двинскому воеводе князю Дмитрию Петровичу Пожарскому и дьяку Матвею Сомову 19 октября 1621 г. за приписью дьяка Саввы Романчукова утверждалось, что головы не проявили должного старания в деле приобретения для казенных нужд некоторых товаров, которых в Архангельске, вопреки

в Архангельске (Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 62), то есть они были предшественниками Сверчкова и Щепоткина и там.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1621 г. Д. 9. Л. 136–139 (*Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... Кн. 2. С. 104).

¹⁶⁵ Там же. Л. 253–256 (*Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... Кн. 2. С. 107).

¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1621 г. Д. 17. Л. 329.

¹⁶⁷ *Богоявленский С. К.* Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. С. 190; *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв. С. 236. Мнение А. П. Павлова о переводе Смывалова в дьяки Устюжской четверти уже к 4 июня 1621 г. (*Павлов А. П.* Гость и дьяк Михаил Смывалов: штрихи к биографии // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Второй международной научной конференции (Курск, 2009 г.). Курск, 2009. С. 124–125*) основано на недоразумении, происходящем из ошибки в описании архивных документов (см.: *Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... Кн. 2. С. 117), и должно быть отвергнуто. См.: *Кистерев С. Н.* О таможенной и кабацкой администрации в Тотье в начале 30-х годов XVII в. // *ВАА. Вып. 42. М.; СПб., 2023. С. 55. Примеч. 11.*

жалобам Сверчкова и Щепоткина, было в достатке и хорошего качества, за что виновных надлежало «посадить в тюрьму на два дня». ¹⁶⁸ Видимо, в представлении московских приказных двухдневное отсутствие руководителей не могло сколько-нибудь существенно сказаться на работе таможни.

Недовольство в столице вызвало и стремление таможенных голов объяснить сложности со сбором пошлин малым количеством приехавших в Архангельск торговых людей, и в датированной 11 декабря 1621 г. грамоте за приписью того же Саввы Романчукова они имели возможность прочитать в свой адрес: «И вы то здуровали, писали к нам воровски ложно». ¹⁶⁹

Однако в дальнейшем служба Сверчкова и Щепоткина в двинских городах была оценена весьма позитивно, и 14 декабря 1622 г. ранее делавший им выговоры дьяк Савва Романчуков послал на Казенный двор память, в соответствии с которой Сверчков должен был получить «ковш серебрян в гривенку, камку кукфтерь, сорок соболей по 20 рублей», а Щепоткин — «чарку серебряну в 3 рубли, камку кармазин, сорок куниц в 10 рублей». ¹⁷⁰

Как входящий в круг первых служилых торговых людей, И. Г. Сверчков в начале 1620-х годов не был обделен вниманием при патриаршем дворе, о чем свидетельствует уже цитировавшаяся ранее запись 21 декабря 1623 г. о приеме у патриарха Филарета: «на рундуке за столом ели гости московские Илья Юрьев, Иван да Василей Юдины, Григорей Твердигов, Родион Котов, Ондрей Юдин, Бахтеяр Булгаков, Надея Светешников, Юрьи Белошников, Смирной Судовщиков, Григорей Шурин, Иван Сверчков, Смирной Ероксалимов, крестовой дьяк Иван Семионов, подьячей Пятой Филатьев». ¹⁷¹

Привечали гостя и при монаршем дворе. На отпуске персидского посла Русам-бека 17 мая 1625 г. в сенях стояли гости Илья Юрьев, Иван Юдин, Григорий Твердигов, Григорий Никитников, Максим Твердигов, Иван Сверчков, Андрей Юдин, Андрей Котов, Бахтеяр

¹⁶⁸ Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 56–57. № 8.

¹⁶⁹ Там же. С. 58. № 9.

¹⁷⁰ Там же. С. 69. № 14.

На основании документов о наказании И. Г. Сверчкова и Б. Щепоткина тюремным заключением и последующем их же награждении за службу В. М. Мамонтов и Н. И. Биюшкина писали о непосредственном участии царя в управлении таможенным делом (*Мамонтов В. М., Биюшкина Н. И.* Таможенная политика Московского государства XVI–XVII вв. М., 2016. С. 145). Критику этого суждения см.: *Кистерев С. Н.* Взгляд юристов на таможенную политику Русского государства в XVI–XVII веках // ОФР. Вып. 20. М.; СПб., 2017. С. 445–447.

¹⁷¹ *Писарев Н.* Домашний быт русских патриархов. Приложение. С. 96.

Булгаков, Федор Максимов, Надея Светешников, Родион Котов, Томило Тараканов, Кирилл Булгаков, Григорий Мыльников, Гаврила Облезов, Юрий Болотников.¹⁷² Дело не ограничилось ритуальным присутствием в ряду других служилых купцов, что было не почестью, а служебной обязанностью. Тогда же Иван Гаврилович, наряду с прочими гостями, удостоился куда большей чести: «А у стола у государя были, сидели в большом столе, в лавке, бояре: князь Иван Борисович Черкасской, Михайло Борисович Шеин, князь Данило Иванович Мецецкой, думной дьяк Иван Грамотин; в скамье: благовещенской протопоп Максим, околничей: Федор Лаврентьевич Бутурлин, Ортемей Васильевич Измайлов, думной дьяк Федор Лихачев; да в большом же столе сидели дворяня, и диаки, и гости, а были все в охабнях да в шапках в горлатных».¹⁷³

Разумеется, никакие почести не освобождали от обязанности службы, и с сентября 1625 г. Иван Гаврилович занял пост таможенного головы в Нижнем Новгороде, что достаточно быстро отметились спором с архимандритом местного Благовещенского монастыря Дионисием по поводу взимания пошлин с монастырских слобожан.¹⁷⁴

Возможно, это было последним в служебной карьере Ивана Гавриловича назначением. Время его смерти установить трудно, но умер он не позднее 1641/42 г., что очевидно из очередной записи во вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря, свидетельствующей, как отметила Н. Б. Голикова, о принятом Сверчковым и его женой монашеском постриге: «Во 150 году сын ево Матфей по отце своем иноке Иосифе и по матери иноке Пелагии дал отласу сребрена шесть аршин за сорок рублей».¹⁷⁵ Скорее всего, кончина его пришлась на более раннее время, а вклад сделан спустя несколько лет. В пользу такой версии говорит то обстоятельство, что в 1632 г. принадлежавшая И. Г. Сверчкову вотчина село Подушкино в Московском уезде продана была его сыном самостоятельно.¹⁷⁶ Видимо, к этому времени Ивана Гавриловича не стало.¹⁷⁷

¹⁷² Дворцовые разряды. Т. 1. С. 688–689; *Петров К. В.* Делопроизводство Разрядного приказа XVI–XVII веков в официальных и частных рукописях. Исследования и материалы. М., 2018. С. 298.

¹⁷³ Дворцовые разряды. Т. 1. С. 689.

¹⁷⁴ ГИМ ОР. Синодальные свитки. № 1012. Л. 2–4.

¹⁷⁵ РНБ. Кир.-Бел. № 87/1325. Л. 294; *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 93.

¹⁷⁶ Гостиной сотни Матвей Иванович в 1631/32 г. продал эти владения Ивану Андрееву сыну Новикову (Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. С. 288).

¹⁷⁷ Еще в конце 1629 — начале 1630 г. «купецкой полаты гость» Иван Сверчков поставлял бумагу Патриаршему казенному приказу (*Лукичев М. П.* Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 395).

Наследовавший ему сын Матвей, возможно, не был единственным из достигших зрелого возраста детей Ивана. Уже упоминавшийся вклад братьев Сверчковых 1603/04 г. в Кирилло-Белозерский монастырь в одной из вкладных книг записан более пространно, нежели процитированная ранее запись о нем: «Гость Иван Гаврилов сын Сверчков з братьею дали вкладу 100 рублей, и за то их даяние написано в подстенной сенаник 12 имян. 146-го году Огафья же дала по отце своем 50 рублей».¹⁷⁸ Следовательно, некая Агафья в данном случае обозначена как дочь кого-то из братьев Сверчковых, хотя даже автору записи, видимо, имя ее отца осталось неизвестным, почему он не смог завершить свою работу надлежащим образом. И если в девичестве Агафья принадлежала к роду гостя Ивана Гавриловича, то ее дальнейшая судьба остается неясной. Однако выше на этой же странице вкладной книги разными почерками сделаны записи, относящиеся к иному лицу, и последняя из них также упоминает какую-то Агафью: «112-го. Песнышского монастыря из Рогачева Василей Исаков, прозвище Пестерь, а бывал слушка Кирилова монастыря, дал вкладом денег и лошадьми 55 рублей 16 алтын 4 деньги. Во 129-м Василей ж дал 10 рублей. Во 131-м году Василей дал 10 рублей. Во 133-м году дал 8 рублей 16 алтын 4 деньги. Того ж году Василей дал 11 рублей 16 алтын 4 деньги. Во 141-м году Васильева семья Пестерева Агафья дала вкладом 50 рублей».¹⁷⁹ В другом документе Кирилло-Белозерского монастыря можно прочесть, что в апреле 1633 г.: «Постригся монастырьской слуга Василей, прозваньем Пестерь, во иноцех Варлам, дал к прежнему своему даянию вкладом 50 рублей. Да жена ево Васильева Агафья дала вкладом за себя 50 рублей».¹⁸⁰ Кажется нельзя полностью исключить вероятность, что речь идет об одной и той же Агафье, дочери одного из братьев Гавриловичей Сверчковых, возможно, Ивана, и жене Василия Исаковича Пестерева, отметившей вкладами как пострижение мужа, так и память отца.

Возвращаясь к вопросу о родственных связях Порывкиных и Котовых, следует заметить, что, поскольку установлена принадлежность матери Никифора Григорьевича и его братьев к роду Сверчковых, то единственной возможностью, при которой Андрей Афанасьевич Котов приходился бы дядей младшим Порывкиным (Аникею, Ивану

¹⁷⁸ РНБ. Кир.-Бел. № 78/1317. Л. 174.

¹⁷⁹ Там же. В декабре 1608 г. «Василий Исаков сын, по прозвищу Пестерь, дал вкладу 38 рублей 16 алтын 4 деньги» (*Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство... Т. 1. Вып. 2. Приложения. С. ОССLXXII).

¹⁸⁰ Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря 1601–1637 гг. М.; СПб., 2010. С. 315.

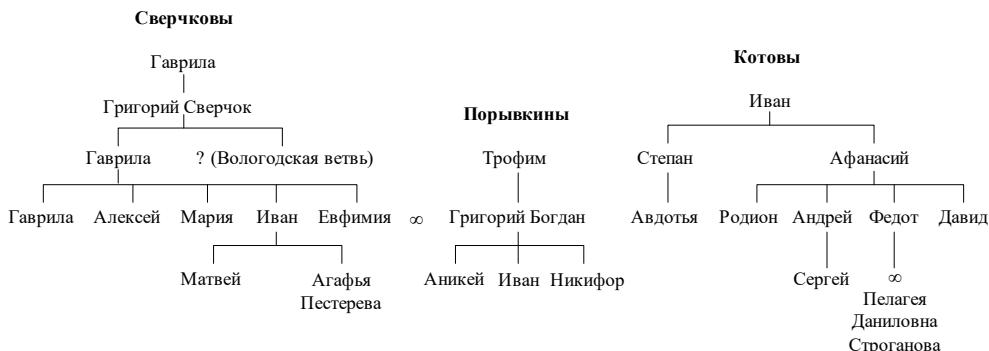

Схема 4. Сверчковы, Порывкины и Котовы

и Никифору), является его брак с не известной нам по имени сестрой Григория-Богдана Трофимовича.¹⁸¹

Все сказанное показывает, что Никифор и прочие Порывкины состояли в родстве сразу с двумя московскими гостевыми семьями — Котовых и Сверчковых.

Каких-либо сведений о Трофиме Порывкине в доступных источниках не обнаружено, хотя некоторые предположения выглядят вполне допустимыми.

Стоит обратить внимание на то, что один из упоминавшихся вкладов его внука Аникея Богдановича в Кирилло-Белозерский монастырь

¹⁸¹ В синодике новгородского Софийского собора, составленном в основном в 1604–1605 годах, но содержащем многочисленные позднейшие дополнения, имеется запись о поминании жены некоего Андрея Котова: «Род Ирины, Андреевы жены Котова. Иноку Ираиду схимницу» (*Шаблова Т. И.* Новгородские синодики XIV–XVII веков. СПб., 2017. С. 49–50, 131). На первый взгляд, было бы заманчиво вслед за Т. И. Шабловой (Там же. С. 261) видеть в этой Ирине жену именно гостя Андрея Афанасьевича, однако отсутствие каких-либо твердых данных о связи семьи Котовых в Великом Новгороде, а также именование Ирины схимницей, тогда как жена гостя умерла явно раньше своего мужа и вряд ли могла принять схиму при его жизни, отвергают такую возможность. Обращает на себя внимание и отсутствие имен как самого Андрея Афанасьевича, так и его сына Сергея, что отрицает вероятность совершения вклада, в соответствии с которым и появилась запись, самими Котовыми. Было бы странным, если бы вкладчик, заказал поминание рода Ирины, но не рода Андрея Котова, в составе которого была бы записана и его жена. Следовательно, вклад и требование о записи в синодик могли исходить от каких-то родственников Ирины или ее самой, когда ее мужа уже не было в живых.

Можно предположить, что мужем новгородской Ирины был Андрей Котов, рассыльщик, ставший приставом у валашского воеводы Богдана Александровича 29 июня 1574 г., и именно ему адресована память 30 июня 1574 г. о снабжении Богдана рыбой (Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов. СПб., 2001. С. 50. № 4; С. 52. № 8; *Кузьмин А. В.* Московские дьяки под судом древнерусских книжников... С. 96. Примеч. 139).

записан как произведенный муромцем,¹⁸² что позволяет считать семейство Порывкиных, как оно представлено в родословной схеме, проживавшим некогда именно в Муроме. В пользу их особого интереса к Окскому водному пути свидетельствуют и данные произведенного в 1624/25 г. Федором Прохоровичем Малыгиным и подьячим Тимофеем Семеновым дозора посада Калуги, где как располагавшийся «на Подоле» записан «двор, был московских гостей Федора Максимова,¹⁸³ да Ивана Юрьева,¹⁸⁴ Богдана Порывкина, Олексея Патрушина,¹⁸⁵ Ивана Синего, и тот их двор сожгли черкасы».¹⁸⁶ Как принадлежавший сразу нескольким купцам, калужский двор не мог быть местом постоянного проживания кого-либо из них и явно служил им в качестве пристанища во время приездов и местом складирования принадлежавших им товаров. Следовательно, все перечисленные торговые люди, в том числе и Богдан Порывкин, должны были постоянно жить в иных местах. И если для Богдана таковым был Муром, то он оказывался не единственным жителем этого города, постаравшимся обзавестись удобной недвижимостью в Калуге. В тех же материалах дозора упоминается стоявший неподалеку от описанного двора плетеной соляной «сарай муромца Семена Черкасова», а в соляном ряду стояла лавка его сына Матвея.¹⁸⁷

¹⁸² В ноябре 1608 г. «Ионикии Григорьев сын Порывкин муромец дал вкладу 25 рублей». В предыдущей записи отмечен такой же вклад муромца Ивана Самойлова Поликарпова (*Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство... Т. 1. Вып. 2. Приложения. С. ОССLXXI). Можно думать, что путешествовали они вместе, но не обязательно думать, что непременно посетили обитель на Белоозере. Для пожертвования монастырю достаточно было побывать на его московском подворье.

¹⁸³ По данным Н. Б. Голиковой, гость лишь в 1625 г. (*Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 240). Следовательно, в дозорной книге упоминание с чином раньше.

¹⁸⁴ В семье гостей Юрьевых двое носили имя Иван, второй из которых — Иван Ильич — приходился внуком первому — Ивану Юрьевичу (*Кистерев С. Н.* Дело 1643 г. о подмосковной вотчине гостей Юрьевых // ОФР. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 194–199). В дозорной книге Калуги речь идет, несомненно, о старшем Иване.

¹⁸⁵ Алексей Константинович Патрушин, как и Богдан Порывкин, — участник собора 1598 г. (Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 19).

¹⁸⁶ *Сироткин С. В.* Материалы дозора посада Калуги 1624/25 г. // ОФР. Вып. 18. М.; СПб., 2015. С. 167.

¹⁸⁷ Там же. С. 158, 167.

Семен Черкасов «з детьми» состоял в гостинной сотне еще в 1601/02 г. (*Соловьева Т. Б., Володихин Д. М.* Состав привилегированного купечества России... С. 53). В декабре 1606 г. он, посадский человек, вместе с другими муромцами приехал в Москву с повинной челобитной и извещал о муромских государевых изменниках (Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. М., 2003.

Обращение к ранним писцовым описаниям Мурома показывает присутствие носителей фамилии «Порывкины» в этом городе.¹⁸⁸ Согласно выписи с писцовых книг Дмитрия Андреевича Бутурлина,¹⁸⁹ данной 8 февраля 1566 г., на Спасской Большой улице в Муроме находился двор, в котором проживал Посник Первов сын Порывкин.¹⁹⁰ Неподалеку на той же улице стоял двор его сына Якушки.¹⁹¹ На Букреевской улице стоял двор Якушки Силина сына Порывкина.¹⁹² «В Букрееве» вблизи Воскресенской церкви стоял двор Первушки Степанова сына Порывкина.¹⁹³ Недалеко от ямского двора (?) находился двор Матюши Гурева сына Порывкина.¹⁹⁴

На основании этих свидетельств можно представить состав фамилии Порывкиных на тот момент. Старшим из них, видимо, был Первой Степанов сын Порывкин, сыном которого был Посник, а внуком — Яков. Возможно, последнему принадлежал еще один двор, где он был записан уже как Яков Сильч. Если такое допущение верно, то вторым именованном Посника оказывается Сила (Силантий?). Неясной пока остается родственная связь с названными Порывкиными Матюши Гурьева сына.

С. 128. № 35). В 1617 г. Семен Федорович Черкасов упоминается в связи с приобретением земли для Воскресенского монастыря (*Сухова О. А.* Иконопись Мурома XVII — начала XX века // *Иконы Мурома*. М., 2004. С. 30). Писцовая книга Мурома 1636 г. упоминает «двор гостиной сотни Семена Семенова сына Черкасова, в длину того двора 12 сажен, поперек 6 сажен» (*Тихонравов К.* Владимирский сборник. М., 1857. С. 149). О Воскресенском девичьем монастыре в той же книге сказано: «А церкви и в церквах божия милосердия образа и свечи и книги и ризы и на колокольнице колокола и все церковное строение муромца гостиные сотни Семена Семенова сына Черкасова с братьею» (Там же. С. 155). Род Семена Федоровича Черкасова записан в синодике муромского Спасо-Преображенского монастыря (ОР ГИМ. Шук. 139. Л. 44–44 об.). См. также: *Кистерев С. Н.* Обзорение 18 выпуска «Очерков феодальной России» // ВАА. Вып. 10. М.; СПб., 2015. С. 21. Примеч. 49.

¹⁸⁸ Анализ количественных данных документов, отражающих писцовые описания Мурома в 1560–1570-х годах см.: *Чернышев В. Я.* Муромский посад по документам 1566 и 1573/74 гг. // Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI–XX вв. Тезисы докладов XXIV Всероссийской научной конференции, посвященной памяти З. В. Дмитриевой и А. А. Фролова (Тула, 24–26 июня 2025 г.). СПб., 2025. С. 181–183.

¹⁸⁹ О производившемся в 1564–1568 годах описании г. Мурома с уездом см.: *Кучкин В. А.* Материалы для истории русского города XVI в. (Выпись из писцовых книг г. Мурома 1566 г. и муромская сотная 1573/74 г.) // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 292–293.

¹⁹⁰ Там же. С. 301.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же. С. 302.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же.

В сохранившейся в подлиннике сотной 1573/74 г. писцов Михаила Ивановича Шишелова и Богдана Григорьева упомянуты несколько дворовых владений Порывкиных, но в большинстве — как бывшие: в Букрееве конце «по левой стороне: двор пуст Посника Порывкина, ... двор пуст Якова Порывкина»,¹⁹⁵ на Букреевской улице «место Якова Порыфкина»,¹⁹⁶ «место вдовы Марьи Порыфкиной»,¹⁹⁷ в Букрееве конце «место Первуши Порыфкина»,¹⁹⁸ следуя от Ямского двора, «место Матфейка Порывкина». ¹⁹⁹ Здесь названы те же Первой Степанович, Посник, Яков и Матвей, новым лицом оказывается только вдова Марья, личность умершего мужа которой остается неясной. Судя по расположению записанного за нею места, в нем можно видеть Якова Силина сына. В таком случае допущение о тождестве Якова Посникова сына и Якова Силина сына теряет свое основание. Видимо, справедливым будет видеть в ней вдову Первого Степановича, то есть мать Посника и бабушку его сына Якова. В последнем случае имя «Сила» следует относить в Первуше Порывкину, и тогда Марья — не только мать Посника, но и бабушка Якова «Силина».

В. А. Кучкин связывал описание Мурома 1573/74 г. с последствиями морового поветрия 1569/70 г.: «Огромная убыль населения (из 738 владельцев дворов „в живые“ по сотной 1573/74 г. осталось лишь 111) вызвала необходимость подсчета уцелевших от эпидемии и их нового обложения». ²⁰⁰ Однако нельзя утверждать, что все запустевшие дворы потеряли своих хозяев вследствие их смерти, и это прямо относится к Порывкиным. Необходимо обратить внимание на то, что в это же время на посаде описаны несколько принадлежавших им торговых помещений. Упомянуты находившиеся в разных местах «лавка Якова Порыфкина, оброку гривна», «лавка Посника Порывкина, оброку четыре алтыны», «лавка Посника Порыфкина, оброку две гривны». ²⁰¹ Сохранение оброчного обложения этих объектов, отсутствие уточнений, что они являются бывшими или пустыми владениями, свидетельствует о том, что их хозяева — Посник и его сын Яков, если не совсем здравствовали, то, по меньшей мере, оставались живы, хотя, как видно из описания дворов, на муромском посаде уже и не проживали, по какой-то причине в период между 1566 и 1573 годами покинув свои дома.

¹⁹⁵ Кучкин В. А. Материалы для истории русского города XVI в. С. 310.

¹⁹⁶ Там же. С. 312.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же. С. 293. Того же мнения придерживается В. Я. Чернышев (*Чернышев В. Я. Муромский посад по документам 1566 и 1573/74 гг.* С. 181).

²⁰¹ Кучкин В. А. Материалы для истории русского города XVI в. С. 307.

При этом стоит заметить, что некоторые другие жители муромского посада также оставили свои дворы пустыми, сохранив за собой лавки. В 1566 г. дворов россыльщиков упомянут «в Выползове во дворе Ивашка Синева»,²⁰² а в Новгородской улице «во дворе Селиванка Сергеев сын Синева».²⁰³ К моменту следующего описания этот последний уже умер, и в документе в Новгородской улице обозначено «место вдовы Анны Синева»,²⁰⁴ но там же записано «в Выползовской улице место Ивановское Синева, а дано то место разсыльщиком под дворы...»,²⁰⁵ тогда как его хозяин оставался владельцем лавки, обложенной двугривенным оброком.²⁰⁶

В 1566 г. на Мытной улице проживали «во дворе Малец Михайлов сын Шихлин, во дворе Мишка Вахромеев сын Шихлин, ... во дворе Онофрейка, Васка, Демка Шихлины».²⁰⁷ Через семь-восемь лет в Мытной улице описаны «двор пуст Мальца Шихлина, двор пуст Михаила Шихлина, двор Парфенов, двор пуст Онофрейка з братьею Шихлиных, двор пуст Семена Шихлина»,²⁰⁸ но при этом упоминается сразу несколько лавок, хозяином которых был Малец Михайлович, а в отношении одной из них сказано: «лавка московского веденца Михаила Шихлина».²⁰⁹ Тем самым, запустение двора этого Шихлина связано не с последствиями эпидемии 1569/70 года, а с выводом торгового человека из провинциального города в столицу, имевшим место между 1566 и 1573 годами. Вместе с ним покинули Муром и некоторые другие Шихлины, не отказавшись полностью от ведения в городе своей торговли. Сотная упоминает лавки Ластухи и Позняка Шихлиных,²¹⁰ видимо, кого-то из прочих четырех владельцев пустых дворов.²¹¹

²⁰² Кучкин В. А. Материалы для истории русского города XVI в. С. 298.

²⁰³ Там же. С. 300.

²⁰⁴ Там же. С. 311.

²⁰⁵ Там же. С. 308.

²⁰⁶ Там же. С. 304.

²⁰⁷ Там же. С. 300.

²⁰⁸ Там же. С. 310.

²⁰⁹ Там же. С. 304, 305.

²¹⁰ Там же. С. 305.

²¹¹ Отмечая отсутствие в сотной описания кремля, монастырских владений и ямской слободы, Кучкин писал: «Лишь принимая во внимание такую неполноту источников, можно, например, объяснить парадоксальную разницу между небольшим числом дворовладельцев (111), перечисленных в сотной 1573/74 г., и большим торгом г. Мурома, где, по данным того же источника, было 202 лавки „в живущем“. Очевидно, торг обслуживал не только посадских людей Мурома, но и жителей городских и пригородных сел и слобод, не попавших в оклад, а следовательно, и в сотную с муромскими черными тяглыми людьми. Городское население Мурома в действительности было большим, чем отмечено в описаниях 1566 и 1573/74 гг.» (Там же. С. 295). Исследователь в своих построениях не учел двух возможностей: 1) одному

В отношении Посника и его сына Якова Порывкиных аналогичных указаний, позволяющих видеть в них сведенцев, в тексте сотной нет, почему можно было бы говорить об их самостоятельном переселении из Мурома, вернее, бегстве из охваченного моровым поветрием города. Однако в синодиках московского Успенского собора (ОР ГИМ, Успенское собрание, № 64, 65, 66) имеются записи о роде «Порывкиных муромских веденцов», а также некоего «Ивана Григорьевича Афанасиевского муромского сведенца».²¹² Следовательно, переселение Порывкиных в столицу произошло под принуждением центральной власти, озабоченной о пополнении населения столицы за счет провинциальных городов. Вероятно, переселяясь, Посник не оставил в Муроме и свою одинокую мать.

Поскольку новым местом их жительства стала Москва, то можно предположительно, учитывая хронологию поколений семьи, видеть в Поснике Порывкине Трофима, отца Григория-Богдана, приходившегося Якову Посниковичу, проживавшему отдельно от отца еще в 1566 г., младшим братом.

Богдан Трофимович Порывкин в 1598 г. подписал утвержденную грамоту об избрании на царство Бориса Годунова.²¹³ Здесь он фигурирует с чином гостя, каковым был пожалован, по выводу Н. Б. Голиковой в 1590-х годах, но, конечно же, не позднее 1597 г.,²¹⁴ то есть еще в царствование Федора Ивановича. Это высокое для купца звание вряд ли было пожаловано молодому человеку, скорее, в этот момент Григорий Порывкин находился уже в солидном возрасте, а свою деловую самостоятельность он приобрел еще в 1580-е годы, почему и его женитьбу на Евфимии Сверчковой можно относить как минимум к предшествующему десятилетию или даже несколько раннему времени. В связи с этим считаем допустимым высказать догадку о происхождении всего семейства Сверчковых, в первые годы нового столетия проживавших в столичной Котельнической слободе.

и тому же владельцу принадлежало иногда несколько лавок; 2) некоторые хозяева лавок на момент описания уже жили в иных городах, как, например, Шихлины или Порывкины.

²¹² История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 72.

²¹³ Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 19. В публикации полного текста документа (ААЭ. Т. 2. С. 45. № 7) фамилия искажена и напечатано «Порыкин». Поправка обоснована Н. Б. Голиковой (Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 45. Примеч. 77).

²¹⁴ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 49.

Согласно все той же выписи из муромской писцовой книги 1566 г., на Букреевской улице тогда жил Гришка Гаврилов сын Сверчок.²¹⁵ В сотной 1573/74 г. на том же месте записано пустое дворовое «место Гриши Гаврилова»,²¹⁶ то есть того же Сверчка, чье прозвище могло стать основой возникновения самой фамилии будущих московских гостей. Учитывая вероятный возраст Григория-Богдана Порывкина и его суженой из семьи Сверчковых, вполне возможно допустить, что Евфимия была внучкой Григория Сверчка, проживавшего на той же улице Мурома, что и некоторые из Порывкиных. Отец Евфимии Гаврила Григорьевич, если мы правы в своих допущениях, как показывает подсчет поколений в роду Сверчковых, не был единственным сыном Сверчка, его братом, скорее всего, был дед Корнилия Афанасьевича, основатель вологодской ветви фамилии. И если Сверчок на рубеже 60-х и 70-х годов действительно покинул место своего прежнего обитания, о чем говорит упоминание числящегося за ним именно пустого места в 1574 г., переселился в Москву, где со временем и был удостоен высшего отличия, то в 1602 г. его зять мог оказать своего рода протекцию своим шурьям, указав на них как достойных занять место в составе гостиной сотни. Разумеется, это догадка, но никак не кажущаяся невероятной.

Никифор Порывкин, утверждая, что его отец — Богдан Порывкин — получил в заклад из казны царя Василия Шуйского золотые ковш и чарку, устно добавлял: «Да у Третьяка ж де да у Смирново Судовщиковых видел он братину золоту с яхонты чеканую немало. Чаю де, такие ж рухляди. А подлинно не ведает».²¹⁷ Намек на возможность хищения Судовщиковыми из царской казны ценной посуды в данном случае совмещен со свидетельством о коммерческой операции Богдана Трофимовича, предоставившего правительству Василия Шуйского под залог золотых ковша и чарки солидную денежную сумму (100 рублей) и, тем самым, выступившего в роли царского кредитора, получившего вещевое возмещение за долг.²¹⁸

Умер Богдан Трофимович, по сведениям Н. Б. Голиковой, в 1610 г. в Москве.²¹⁹

В 1601/02 г. в составе гостиной сотни находились двое Порывкиных: Иван, умерший к 1632 г., и Михаил.²²⁰ Согласно Н. Б. Голико-

²¹⁵ Кучкин В. А. Материалы для истории русского города XVI в. С. 302.

²¹⁶ Там же. С. 312.

²¹⁷ Зверев С. В. Свидетельство о крупном воровстве... С. 96–97.

²¹⁸ Там же. С. 96; Голикова Н. Б. К вопросу о правовом положении городского населения России конца XVI — XVII века // Русский город. Вып. 9. М., 1990. С. 305.

²¹⁹ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 56, 82.

²²⁰ Соловьева Т. Б., Володихин Д. М. Состав привилегированного купечества России... С. 33.

вой, Михаил Порывкин был потомком Богдана-Григория.²²¹ Однако еще 26 сентября 1606 г. Михаил Васильевич Порывкин с братьями купил у посадских людей Соли Вычегодской жены Дружины Полстова Марьи Тимофеевой и Михаила Дружинина Колпащева лавку на посадской площади.²²² Следовательно, Михаил никак не мог принадлежать к поколению семьи Порывкиных, существенно (не менее двух поколений) младшему по отношению к Никифору, Иоанникию и Ивану Григорьевичам, то есть, не будучи прямым потомком Богдана Трофимовича, принадлежал вместе со своими братьями к какой-то боковой ветви рода. В нем можно усмотреть внука Якова Посникова сына, то есть правнука Посника-Трофима. В таком случае, он приходился Никифору Григорьевичу двоюродным племянником. Другим возможным вариантом является представление о Михаиле Васильевиче как внуке упомянутого в описании 1566 г. муромца Матюши Гурева сына Порывкина.

В первые по окончании Смуты годы Михаил Васильевич продолжал успешно заниматься торговлей. 3 марта 1620 г. крестьянин Окологородной волости Сольвычегодского уезда Лонгин Афанасьев продал ему лавку,²²³ что, может быть, говорит о расширении коммерческих предприятий Порывкина, если не предполагать, что новое помещение приобреталось взамен имевшихся прежде. Однако для последнего особых оснований нет, поскольку в эти годы купец явно пользовался доверием властей и уважением среди себе подобных, не отказывавшихся от совместных с ним служб, что засвидетельствовано документально: в июле 1622 г. москвичи торговые люди Михаил Порывкин, гостиной сотни Роман Лукьянов сын Лукошков, Ерофей Романов получили на продажу имущество опального дьяка Михаила Тюхина на 225 р. 31 а. 1 д.²²⁴ Скорее, речь должна идти об исключении его из состава столичной корпорации, почему он в только что упомянутой ситуации назван просто «торговым человеком», и изменении социального статуса с причислением к посаду Соли Вычегодской. Об этом говорит тот факт, что 13 апреля 1627 г. посадский человек Устюга Великого Петр Никитин просил о даче суда с посадскими

²²¹ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 251.

²²² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1624 г. Д. 4. Л. 202–203; Воскобойникова Н. П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI — начала XVII веков (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). Вып. 3. М., 1999. С. 28.

²²³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1624 г. Д. 4. Л. 62 (Воскобойникова Н. П. Описание древнейших документов... Вып. 3. С. 16).

²²⁴ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 3. С. 615–616.

Соли Вычегодской Агафоном Бабкиным и Михаилом Васильевым сыном Порывкиным о невыплаченном долге.²²⁵

Нужно заметить, что в состав гостиной сотни Михаил был взят в весьма молодом возрасте. По меньшей мере, в книге сбора денег за даточных людей в июне 1647 г. отмечено, что с него не велено доимать два рубля с полтиной,²²⁶ то есть он был жив, пусть даже и не вполне дееспособен.

Старшим из сыновей Григория-Богдана был Аникей. Наиболее ранним известием о нем является запись во вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря под 112 г.: «Москвитин Иоаникий Григориев сын Порывкин дал вкладом сорок пять рублей».²²⁷ В 1608/09 г. последовал еще один вклад в ту же обитель: «Москвитин Иоаникей Григорьев сын Порывкин муромец дал вкладу 40 рублей да на корм 5 рублей, и родители его 7-мь имен написаны в сенаник».²²⁸

В нижегородской платежнице 1612 г. записано: «Да в приходе ж неокладных доходов, которые взяты по приговору окольничево и воевод князя Василья Ондреевича Звенигородсково, Ондreja Семеновича Олябьева, да Ивана Ивановича Биркина, да дияка Василья Семенова, да выборного человека Кузьмы Минина, да нижегородцких земских старост и всех нижегородцов посадцких людей ратным людям на жалованье, которые пошли из Нижнего с стольником и воеводою со князем Дмитрием Михайловичем Пожарским да с выборным человеком с Кузьмою Мининым для московского очищенья, у всяких людей, покаместа нижегородцкие денежные доходы в зборе будут. У Никитиных да у Максимовых людей Строгоновых у Юшки да у Матюшки Петровых взято 3116 рублей. У Григорья Микитникова, что были²²⁹ у Федора Родяева, 500 рублей. У ярославцев у Василья да у Степана Лыткиных 350 рублей. У Максимовых людей Строгонова у Матвея Петрова с товарищи 1000 рублей. У Сергея Патрушина 100 рублей. У ярославца у Второво Чистово 100 рублей. У москвич у Оникея Порывкина да у Филипа Дошаникова 40 рублей».²³⁰ Характер записи

²²⁵ Описание документов московских приказов. Приказные дела старых лет. 1627–1629 годы. М., 2023. С. 171.

²²⁶ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Устюг. № 80. Л. 144 (93).

²²⁷ РНБ. Кир.-Бел. № 87/1325. Л. 294 об.

²²⁸ РНБ. Кир.-Бел. № 78/1317. Л. 305 об.

²²⁹ В первой публикации фрагмента (*Оболенский М. А.* Выписка из приходной книги Нижегородского уезда о сборе денег на жалованье ратным людям, отправлявшимся с кн. Д. М. Пожарским для освобождения Москвы в 1612 году // *Временник МОИДР. Кн. 17. М., 1853. Смесь. С. 2*) здесь напечатано «был». Проверка показала неточность воспроизведения текста М. А. Оболенским.

²³⁰ *Веселовский С. Б.* Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. // *Смутное время Московского государства 1604–1613 гг. Вып. 7. М., 1910. С. 151–152.*

позволяет считать, что речь идет исключительно об иногородних купцах, в том числе и отсутствующих, за которых действовали их приказчики. Последнее, правда, относится только к Никите и Максиму Строгановым и ярославцу Григорию Никитникову. Все остальные — ярославцы Василий и Степан Лыткины, Второй Чистой и москвичи Аникей Порывкин и Филипп Доцаников — находились в Нижнем и вносили требуемые суммы лично.

Н. Б. Голикова полагала, что и впоследствии Аникей оставался в Нижнем Новгороде, проживая в собственном дворе.²³¹ Действительно, на Большой Печерской улице стоял «двор с садом москвитина гостиные сотни Оникея Богданова сына Порывкина, а живут в нем люди ево, а наперед того тот двор был нижегородца посадцкого человека Володимера псковитина, а Оникею де тот двор дан за долг, а Оника с того двора никаких податей с посадцкими людьми не дает».²³² Трудно говорить о длительности владения этим объектом, но нахождение Аникея Григорьевича в Нижнем Новгороде со значительной денежной суммой в момент сбора содержания ратным людям заставляет предполагать, что он уже тогда проживал в собственном дворе. Однако позднее, как явствует из приведенной записи, Аникей пользовался двором в иных целях, поселив там своих людей, сам обосновавшись в другом месте, явно, вне пределов этого города. Если в 1612 г. Аникей уже владел собственным двором в Нижнем, то можно полагать, что Федот Афанасьевич Котов, пребывавший там же и в то же время, нашел приют именно у него, пользуясь родственной связью своего брата Андрея с Аникеевым отцом.

В мае 1626 г., как писала Н. Б. Голикова, Аникей оставался в Нижнем, где над ним «суд и управу чинить» по жалобе Ф. Юрьева было поручено местному воеводе,²³³ коим тогда был Иван Дмитриевич Плещеев Заика.²³⁴

Видимо, не всегда Аникей располагал наличными деньгами для относительно мелких расчетов. Среди старых кабал Троице-Сергиева монастыря числилась та, согласно которой «на Аникее Порывкине по кабале шесть рублей дватцать два алтына две деньги».²³⁵ Сохран-

²³¹ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 233.

²³² РИБ. Т. 17. СПб., 1898. С. 146.

²³³ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 233. Ссылка на: РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 9. Л. 11 об.

²³⁴ РИБ. Т. 2. С. 990. № 223; Барсуков А. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 149.

²³⁵ Кириченко Л. А., Николаева С. В. Опись Троице-Сергиева монастыря 1641/42 года. Исследование и публикация текста. М., 2020. С. 581.

ность документа в монастырском архиве может свидетельствовать о том, что расплатиться с кредитором Порывкин не спешил.

Об Иване Богдановиче Н. Б. Голиковой было известно, как о пребывавшем в гостинной сотне в 1610-х — 1624 годах.²³⁶ Числившийся в списке 1618/19 г. с окладом в четыре деньги, Иван к июлю 1632 г. уже умер,²³⁷ успев 3 мая 1630 г. оставить по себе память в Троице-Сергиевом монастыре, пожертвовав 150 рублей по кабале своего дяди Алексея Сверчкова, о чем уже ранее упоминалось в другой связи.²³⁸

Составляя в 1622 г. свой донос, Никифор Григорьевич невольно оставил свидетельство о наличии у его семьи собственных торговых помещений. Он писал: «Сретенские сотни Ротька Титов. После разоренья был тот Ротька у нас да у Ивана Ильина в сиделщиках, а не была у Ротьки ни денги. А как на денежном дворе посидел, и у Ротьки стала в год во один тысяч з десеть».²³⁹ Упомянутый Иван Ильин — гость Иван Ильич Юрьев, а выражение «у нас» относится к отцу и братьям самого Никифора.

Много позднее, 17 февраля 1630 г., москвитин Никифор Порывкин проехал мимо Тотьмы на лошади, а 21 марта он уже двигался в обратном направлении, но уже в компании с москвичами Иваном Онофреевым, Иваном Трифоновым, Иваном Шубиным и человеком Елисея Ульянова Матвеем Ерофеевым.²⁴⁰ Следовательно, какие-то интересы у Никифора Григорьевича в северных пределах все-таки были, не исключено, совместно с проживавшим в Сольвычегодске Михаилом Васильевичем.

В архиве Троице-Сергиева монастыря среди старых кабал хранился документ 1631/32 г., согласно которому Никифор Богданович Порывкин взял в долг 20 рублей.²⁴¹ Не исключено, что деньги потребовались во время очередного вояжа по дороге между Москвой и Вологдой.

* * *

Привлеченные здесь материалы позволяют заключить, что семейства выходцев из Смоленска Котовых, муромцев Порывкиных и мос-

²³⁶ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 241.

²³⁷ Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. С. 116. № 23.

²³⁸ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 225.

²³⁹ Зверев С. В. Свидетельство о крупном воровстве... С. 95.

²⁴⁰ Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 6. С. 70, 76.

²⁴¹ Кириченко Л. А., Николаева С. В. Опись Троице-Сергиева монастыря 1641/42 года. С. 576.

квичей (возможно, в недавнем прошлом также муромских посадских) Сверчковых с какого-то времени благодаря матримониальным связям образовали занимавший видное место в среде столичного купечества единый клан, отдельные представители которого были удостоены высшим для этого слоя чином гостей. Возможно, что именно это обстоятельство способствовало устойчивости их положения и даже расширения зоны деловых интересов.

К сожалению, эти же материалы большей частью отражают служебную деятельность членов всех трех семейств и куда менее содержат сведения об их основных занятиях и роли в экономической жизни страны. Однако можно надеяться, что дальнейшие изыскания позволят поправить дело и в этом отношении.

М. С. Черкасова

ТОРГОВЛЯ УСТЮЖСКИХ МОНАСТЫРЕЙ В XVII в.

В предлагаемой статье автор продолжает свой опыт изучения комплекса таможенных книг России XVII в. В прежних статьях на эту тему было апробировано два подхода: 1) региональный¹ и 2) применительно к отдельным «акторам» торговой деятельности — духовным корпорациям.² На этот раз будет рассмотрена торговля двух наиболее значительных монастырей Великого Устюга — Михайло-Архангельского и Троице-Гледенского. В таможенных записях поименованы совершающие торговые сделки и различные операции их старцы (иногда даже игумен — для Гледенского и архимандрит — для Архангельского монастырей, а еще келари и казначеи), слуги, служебники, приказчики, вкладчики, половники и крестьяне.

Не углубляясь здесь в правовые и социально-экономические аспекты северорусского половничества (как формы крестьянско-монастырских и межкрестьянских трудовых отношений), отметим, что в таможенных книгах иногда фиксировались взносы монастырскими властями «годовой явки», например, в 1634/35 г. за 300 половников Михайло-Архангельского монастыря, явочных «пив» и свадебных пошлин с них.³ Все это несло на себе отпечаток определенной владельческой зависимости половников от монастырей, не говоря уже о крестьянах и бобылях.

¹ Черкасова М. С. Торговые люди и связи Яренска в XVII — первой половине XVIII в. // К 70-летию Людмилы Алексеевны Тимошиной. Сборник статей. М.; СПб., 2025. С. 321–339.

² Черкасова М. С. Торговля тотемских монастырей в XVII в. // Русский Север — 2026: проблемы изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия. Материалы всероссийской научной конференции. Вологда; Тотма, 2026. С. 47–57.

³ Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. (далее — ТК СДП). Вып. 1. СПб., 2013. С. 193.

С учетом того, что оба избранных для анализа монастыря изначально были и оставались городскими, половнические отношения у них устанавливались и с некоторыми с посадскими людьми Устюга. В любом случае торговые сделки половников в городе или с крестьянами из уездных деревень (продажа, например, лошадей) фиксировались в таможенных записях с непременным указанием, что они — половники Михайло-Архангельского монастыря.⁴ В этом плане социальная терминология таможенных книг весьма интересна и многопланова: человек по общему месту проживания назывался устюжанином, по конкретной топографии своего обитания в городе — «из Леонтьевского конца», а по владельческой «привязке» — монастырским половником.⁵ И если в торговой практике Михайло-Архангельского монастыря заметную роль играли именно половники, то у Троице-Гледенского монастыря она выпала на долю в основном вкладчиков, и об этом ниже будет сказано подробнее.

О связях Михайло-Архангельского монастыря прежде всего с местными торговыми людьми свидетельствует запись в книге 1634/35 г. Шесть поименованных мясников-устюжан взяли у него в долг 30 «рогатых скотин» — общей стоимостью 67 руб. Обычно при фиксации подобных сделок добавлялось: «в свой мяснический промысел».⁶ В марте 1636 г. С. Сусоров купил у старцев 25 скотин за 70 руб.⁷ Вместе с тем в таможенных книгах можно найти отражение этнических контактов, возникавших в ходе торговых связей устюжских монастырей, например, фиксацию сделок с караимскими татарами.⁸

Отмечаются, хотя и редко, контакты с торговыми иноземцами. Троице-Гледенский монастырь предоставлял свой двор в Устюге для складирования некоторых иностранных товаров (оружие и инструменты). В сентябре 1635 г. приказчик голландского купца Томаса Свана О. Ф. Опраксин оставил до зимнего пути на дворе этого монастыря у дворника А. Михайлова 5140 пушечных ядер, 2 бочки ядер мелких, 2 «наковальна» с молотом, 2 двоепудные гири.⁹

Отдельные операции Троице-Гледенского монастыря были связаны с продажей речных судов: его половник Н. Дмитриев явил на устюжской таможене предназначенный для продажи новый павозок за 20 руб. В сентябре 1634 г. он же продал вологжанину Б. Л. Алачугину павозок за 30 руб., который тот отправил с товарной кладью к Вологде.¹⁰

⁴ ТК СДП. Вып. 1. С. 263.

⁵ Там же. С. 283.

⁶ Там же. С. 182.

⁷ ТК СДП. Вып. 2. СПб., 2014. С. 227–228.

⁸ Там же. С. 143.

⁹ ТК СДП. Вып. 1. С. 28.

¹⁰ Там же. С. 132, 206.

Старцы Михайло-Архангельского монастыря тоже иногда продавали свои речные транспорты: Соловецкому и Кандалакшскому монастырям — по дощанику соответственно за 70 и 40 руб. в сентябре 1635 г.¹¹ Бывали случаи, когда старцы Михайло-Архангельского монастыря (Исайя, Емельян, Павел) добирались до Устюга на дощаниках других духовных корпораций — Пречистенского Кандалакшского и Николо-Корельского монастырей — в марте-апреле 1636 г.¹² Двигались они в разных направлениях — сверху (от Вологды до Устюга) и снизу (от Двины до Устюга). В короткую северную навигацию это было в течение апреля/мая — сентября/октября по воде, а в осенне-зимнее время по суше — на лошадях и подводах.

Представление о грузоподъемности речных транспортов дает одна ремарка из таможенной книги 1634/35 г.: «невеликим» в ней назван дощаник с 800 пудами соли, значит, более крупные ее партии (до 1200–1500 пудов и выше) размещались на больших дощаниках.¹³ В монографии А. А. Богомазовой приводятся расчеты В. В. Брызгалова по грузоподъемности малого дощаника в 1200 пудов, а большого — в 2300 пудов соли. Согласно же данным самой Анастасии Александровны, малый дощаник («дощаничек») мог взять на борт 1300–1390 пудов.¹⁴ Как видим, данные о грузоподъемности речных судов у разных авторов весьма разнятся.

Так или иначе, но на монастырских дощаниках хватало места и для транспортировки товаров других купцов, например, С. Сусорова, отправившего в августе 1636 г. к Архангельску запасы своего льняного семени.¹⁵ По сравнению с крупными дощаниками скромнее была грузоподъемность каюков. В приплывшем с гledenским старцем Ионой в октябре 1650 г. с низовьев Двины каюке (с павоском) было 626 пудов соли и разной рыбы.¹⁶ В апреле 1652 г. тот же старец Иона отправился до Холмогор с большой партией монастырского хлеба — 1200 мер ржи, 70 кулей муки ржаной и круп овсяных.¹⁷ Точность в фиксации размеров речных транспортов на таможенных отразилась в указаниях их размеров, длины и ширины (от этого зависели «посаженные пошлины»), в разнообразии их наименований: дощаник-дощаничек, павозок-павозочек, каюк-каючек, лодья-лодейка, лод-

¹¹ ТКМГ. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 288.

¹² Там же. С. 442, 444; Т. 2. М.; Л., 1951. С. 253.

¹³ ТК СДП. Вып. 1. С. 182.

¹⁴ Богомазова А. А. Флот Соловецкого монастыря в XVI — начале XVIII в. М.; СПб., 2024. С. 68, 70.

¹⁵ ТК СДП. Вып. 1. С. 250.

¹⁶ ТКМГ. Т. 2. С. 115.

¹⁷ Там же. С. 262.

ка-лодочка, сойма-полусойма. Речными «судами» низшего вида можно считать, вероятно, плоты, на которых обычно перевозили 40–70 мер разных хлебов.¹⁸ Грузоподъемность речного транспорта зависела также от речного режима в данный сезон, какая стояла вода — большая или малая. Для движения по мелководью удобнее были небольшие плоскодонные павозки.

Поскольку ниже в нашем тексте «мера» как местная единица измерения хлеба (точнее, региональная — двинско-устюжская) будет часто упоминаться, отметим здесь ее возможный вес. В литературе она обычно приравнивается к половине московской четверти, 6-ти или 8-мипудовой, с весом в 3–4 пуда.¹⁹ А. И. Копанев определял ее вес в 4,5 пуда.²⁰ Подробный разбор меры как определенного сосуда и видов меры (церковная, казенная, государева, малая-большая, печатная, таможенная и др.) дан в ценном Словаре терминов коллективного двухтомника «Архиерейское, монастырское и церковное строительство...».²¹ Мерный сосуд-емкость назывался *пуз/пузо* в источниках Двинско-Устюжского региона, поскольку имел характерную выпукло-округлую форму, а вмещал в себя 1,5 пуда хлеба и 2,0–3,5 пуда соли. Интересно еще и то, что пуз/пузо практиковалось также в системе землемерия и владельческого обложения.²² И что тут, какое влияние оказалось определяющим терминологически — торговли на сельское хозяйство или последнего — на торговлю?

Куль же как часть мешка-рогожи использовался обычно для взвешивания и перемещения соли, реже — муки, толокна, крупы, составляя примерно 8–9 пудов. В одной записи встретилось указание на куль перца весом 13 пудов.²³ Как и при обозначении речных судов, терминология таможенных книг в отношении весоизмерительных объемов товаров и их внешнего вида разнообразна: куль и кулек, короб и коробок, лоскут-лоскутишко-лоскутье и пр.

Торговые операции половников Михайло-Архангельского монастыря были обусловлены их промыслово-ремесленными занятиями. В январе 1637 два его половника, Т. Пантелеев и Ив. Афонасьев,

¹⁸ ТКМГ. Т. 3. М.; Л., 1951. С. 239.

¹⁹ Дмитриева З. В. Метрология // Специальные исторические дисциплины. Учебное пособие. СПб., 2003. С. 492.

²⁰ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 86. Примеч. 100.

²¹ Строения ради монастыря. Архиерейское, монастырское и церковное строительство на Руси в конце XIV — начале XVIII века. М.; СПб., 2024. С. 921.

²² Черкасова М. С. «Пуз» и «пузо» в метрической системе русского севера XVI–XVII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIII международной научной конференции. М., 2020. С. 432–434.

²³ ТКМГ. Т. 3. С. 60.

явили на устюжской таможене 10 руб. для покупки хлеба и изготовления солода на продажу. Половник из волости СинегИ Ив. Подольских в марте 1637 г. явил 5 руб. на покупку яловичных кож и изготовления «сыромяти смолою» для розничной продажи поршней (обуви).²⁴ Для пивоварения устюжанин Т. Неупокоев купил у Михайло-Архангельского монастыря хмеля (объем не указан) на 15 руб.²⁵ На кружечные двory Устюга в ноябре 1652 г. было продано 7 пудов 10 гривенок хмеля. В мае 1653 г. монастырский слуга Б. Иванов продал устюжанину-винокуру М. Кузнецову в двух кипах 20,5 пудов хмеля.²⁶ *Кипа* хмеля вмещала в себя обычно 15-16 пудов.²⁷ В отношении торговых связей с Сибирью известна продажа в феврале 1635 г. слугой Михайло-Архангельского монастыря З. Леонтьевым целовальнику из Тобольска (имя его не названо) две бечевы весом 22 пуда 16 гривенок.²⁸

Таковыми же были ритмы торговых экспедиций и у Троице-Гледенского монастыря. В сентябре 1634 г. его старец Марко привез в дощанике из Холмогор 1500 пудов соли, а еще «имал павозок к мели». В сентябре 1635 г. старец Варсонофий отправил этот же, видимо, дощаник с рожью в Холмогоры.²⁹ Для функционирования судоходства были важны не только речные суда как таковые (дощаники, каюки, лодки, обласы), но и дополнительные небольшие *павозки* к ним, благодаря которым на обмеленных участках Сухоно-Двинского пути производилась перегрузка товаров для снятия/стаскивания тяжелых транспортов с мели. Не говоря уже об изрядном количестве нанимаемых торговцами и монастырями ярыжных, гребцов и работных людей (до 15–25 чел.) для выполнения столь тяжелых и опасных работ, оплаты их труда и пошлин за них на таможнях. Приходилось нанимать также опытных носников (по сути лоцманов) и кормщиков (направлявших корму-руль судна), хорошо знающих сложную гидрографию нижней Сухоны и Северной Двины.

В хлебной торговле Троице-Гледенского монастыря иногда переплетались корпоративные и семейно-родственные интересы. Так, в мае 1636 г. старец Варсонофий продал хлеб своего брата Богдана Ширяева — 100 мер ржи, 80 мер ячменя и овса.³⁰ Крупные партии хлеба продал Михайло-Архангельский монастырь известным устюжским

²⁴ ТК СДП. Вып. 2. С. 55, 65.

²⁵ ТКМГ. Т. 2. С. 112.

²⁶ Там же. С. 262.

²⁷ ТКМГ. Т. 3. С. 231, 324.

²⁸ ТК СДП. Вып. 1. С. 287.

²⁹ Там же. С. 281, 292.

³⁰ ТК СДП. Вып. 2. С. 234.

купцам С. Я. Усову и Ив. Ходутину (по 400 мер ржи каждому), приказчику кольского Троице-Трифонова Печенгского монастыря 200 мер. В розницу из своих амбаров монастырь продал мирским людям 800 мер, а всего объем его хлебной торговли составил за 1635/36 г. 1800 мер. В это число, вероятно, не вошли 600 мер ржи, проданные старцами Михайло-Архангельского монастыря устюжанину-торговому человеку Н. К. Пыхову и отправленные им в своем дощанике до Холмогор.³¹

Мы видим, что ритмы торговли на Сухоно-Двинском пути, особенно на его конечном участке от Устюга до Холмогор и Архангельска были одинаковы и для монастырей, и для торговых людей, да иначе и быть не могло. В апреле-мае и в течение лета движение шло в основном из Устюга до Архангельска, а с наступлением осени и до октября — от Архангельска до Устюга. Важно было успеть до окончания навигации доставить рыбу и соль до монастырей, а то, что не удавалось перевезти, — складировать и тем самым сохранить в товарных помещениях Архангельска и Холмогор. В сентябре 1635 г. гледенский служебник Ив. Черепанов продал «в розни» 400 мер ржи и овса. Показатели розничной продажи хлеба монастырями в начале 1650-х гг. колебались: в апреле 1651 г. у Михайло-Архангельского монастыря она составила 252 меры ячменя и 203 меры овса; в мае 1653 г. 200 мер ржи, 100 мер овса, 30 мер гороха.³²

Гледенский старец Гедеон в апреле 1635 г. продал торговым устюжанам Я. Оконнишникову и Ф. Сергееву 150 мер ржи. Она была ими доставлена из Кичменгской волости Устюжского уезда и, вероятно, в свою очередь, приобретена «на товарные деньги» у местных крестьян.³³ Происходил своего рода «круговорот» соли-рыбы-хлеба-денег: соль-рыба продавались, а на вырученные «товарные деньги» закупались хлебные запасы либо пускались в ход выращенные в монастырских вотчинах или крестьянских хозяйствах зерновые. Гледенский вкладчик Ф. Меркурьев в августе 1653 г. пошел к Холмограм в каюке, в который «хлеб сыпал на Комарице (волости. — М. Ч.) из деревень монастырских».³⁴

В зависимости от годовой урожайности зерновых и других природно-климатических факторов случались и более крупные хлебные операции у Троице-Гледенского монастыря. В таможенной книге 1676/77 г. имеется запись о продаже его игуменом Иосифом В. Микитину 200 мер ячменя и 600 мер овса.

³¹ ТК СДП. Вып. 1. С. 187.

³² ТК СДП. Вып. 2. С. 228; ТКМГ. Т. 1. С. 224; Т. 2. С. 116, 262.

³³ ТК СДП. Вып. 1. С. 176.

³⁴ ТКМГ. Т. 2. С. 262.

Погруженные на дощаники, сотни пудов хлеба, соли и рыбы «курсировали» в рамках земледельческой, промысловой и торговой деятельности рассматриваемых монастырей. Их географическими точками становились север Двинского уезда (Холмогоры, Архангельск) и монастырские деревни Устюжского уезда. В сентябре 1633 г. старец Закхей привез в дощанике с Холмогор 3000 пудов соли, 5000 «рыб» трески, 90 пудов палтусов, 30 пудов сала ворваньи и 20 пудов сала трескового, всего «ценой на 462 руб.». Одновременно им было продано старой красной рыбы 4 бочки сигов и 2 пуда семги за 10 руб. В мае того же 1633 г. старец Ефрем поплыл к Холмогорам на дощанике, груженом 800 мерами ржи.³⁵ В сентябре 1635 г. старец Михайло-Архангельского монастыря Сергей доставил в дощанике с Холмогор 2500 пудов соли, 2500 пудов рыбы, 4000 «рыб» трески, по 100 «рыб» палтусов сухих и сырых, 30 пудов прutowого железа. В том же дощанике весной 1636 г. на Холмогоры было отправлено «в обратном направлении» 600 четвертей ржи и овсяной крупы.

Обращение к таможенным книгам начала 1650-х годов показывает возрастание объемов привозимой с Холмогор соли. В 1650 г. слуга Михайло-Архангельского монастыря Т. Бестужево явил на устюжской таможе 6500 пудов соли на 75 руб., из которых 6000 остались «не в продаже» к 1652 г. К тому же году «не в продаже» осталось 1400 пудов соли, доставленной в каюке из Холмогор слугой Ф. Григорьевым. Вкладчик Гledenского монастыря Вас. Кошкин явил на таможе 4800 пудов соли, и в том же 1656 г. на Устюге оставалось непроданной 4500 пудов.³⁶

Вероятно, за приведенными цифрами стояла некоторая затоваренность соляной торговли Михайло-Архангельского монастыря и соляного рынка Устюга вообще. В июне 1653 г. слуга Ф. Сергеев привез с Холмогор 7300 пудов соли, из которых было продано в розницу 1850 пудов на 277 руб. 16 алт. 4 ден. Большая же ее часть была записана «не в продаже» на 1654 г. Объем нераспроданной соли в 1655 г. был 10861 пудов, в 1657 г. 4500 пудов, в 1658 г. 5145 пудов, в то время как на потребление самого монастыря («издержку») в год расходовалось 500–750 пудов.³⁷ Помимо питания братии, вкладчиков, работников, соль шла на консервацию большого количества рыбы и мяса.

Урон соляной торговле Михайло-Архангельского монастыря был нанесен пожаром 30 сентября 1678 г., когда во время этого общегород-

³⁵ ТКМГ. Т. 1. С. 148, 150.

³⁶ ТКМГ. Т. 2. С. 112, 349.

³⁷ Там же. С. 262, 346.

ского бедствия в амбаре из 2500 пудов соли сторело 1300 пудов. Большую часть оставшейся соли удалось продать, и к 1680 г. «не в продаже» у монастыря считалось 50 пудов горелой соли.³⁸

В данных обстоятельствах «лидером» соляной продажи в Устюге стал «тезка» устюжского — и тоже Михайло-Архангельский монастырь — с низовьев Двины, собственно предшественник города Архангельска. В 1679/80 г. у него на Устюге было 5000 пудов соли, и всю ее ему удалось продать за 200 руб. На эту сумму его старцы закупили много запасов, товаров и материалов, необходимых для повседневного существования их северной обители, — продуктивно-потребительского и промыслово-ремесленного назначения. В состав покупки вошли 20 мер пшеницы, 20 мер крупы овсяной, 6 мер гороха, 22 меры ржи, 11 овчин, 250 аршин сукон манатейных, 110 сукон белых, 140 ужищ липовых. Все это было отправлено в мае 1680 г. к Архангельску в судне, с которого, согласно жалованной грамоте за приписью дьяка Ф. Артемьева, никакие пошлины не платились.³⁹

Деятельность последнего известна в 1660–1670-е гг., но что за грамота с его подписью имеется в виду, трудно сказать. В более ранней царской жалованной грамоте, регламентирующей масштаб потребления этого монастыря, от 28 ноября 1623 г., братии «на препитание» полагалось 70 четвертей ржи и столько же овса, а в денежном эквиваленте 5 руб. 18 алт. 2 ден. из двинских доходов. Корпорации разрешалось покупать раз в год на сумму 240 руб.: 1) воска, ладана и вина церковного на 30 руб.; 2) для братии сукна, шуб и овчин на 180 руб.; 3) скота (лошадей и коров) на 30 руб. Без указания стоимости отмечен объем потребной «на обиход» ржи, овса и «всякого ярового хлеба» 200 четвертей. Допускалась также беспошлинная поездка 2–3 человек со слугами в Москву с челобитными.⁴⁰ Грамота была подписана известным в период общерусского пересмотра монастырских тарханов в 1620-е гг. дьяком П. Пахиревым, но в дальнейшем подтверждений не имела. Таким образом, при всех различиях приведенных цифр мы видим их сопоставимость по общей сумме (240 и 200 руб.) в грамоте 1623 г. и таможенной записи 1679/80 г.

Особое направление торговли устюжских монастырей составили их отдаленные экспедиции на Печору. Там у них развивались рыболовные промыслы (палтус, икра, семга, сиг, треска), для поддержания которых было необходимо продовольственное обеспечение (соль-хлеб) нанимаемых на них работников. В 1635 и 1636 гг. архимандрит

³⁸ ТКМГ. Т. 3. С. 200, 318.

³⁹ Там же. С. 91, 92, 178; Описание грамот Коллегии экономии. Т. 3. М., 2020. С. 691.

⁴⁰ Сборник ГКЭ. Т. 1. Пг., 1922. Приложение. № 522-б. С. 908–910.

Михайло-Архангельского монастыря Пафнотей заплатил пошлины с четырех печерских каюков, отправленных с хлебом на рыбные промыслы на монастырский обиход.⁴¹ С Печоры привозилась красная рыба и также на обиход, а не на продажу. Если это действительно так, то рыбная продовольственная «корзина» самого монастыря включала привезенные в сентябре 1635 г. старцем Сергием с Печоры в четырех каюках 800 «рыб» семги, 15 бочек сига, 1 бочку сиговой икры.⁴² В тех же четырех каюках на Печору был отправлен хлебный запас.

В апреле 1635 г. крестьянин Троице-Гледенского монастыря из слободы Морозовицы Л. Яковлев предъявил на таможене 15 руб. за хлебный запас, который отправил в каюке к Печоре.⁴³ В одной записи за 1651/52 г. сообщается, что ходившие на Печору каюки были берестяными, почему и не могли столь же тяжело нагружаться, как сколоченные из прочных досок дощаники.⁴⁴

Еще более отдаленной точкой, чем Печора, была Мангазея, куда направлялись некоторые крестьяне Троице-Гледенского монастыря. Их в ней привлекали пушные ресурсы. В октябре 1634 г. его крестьянин из подмонастырной слободки Морозовицы Д. Обросьев (Обросимов) привез из Мангазеи в обласе 11 сороков соболей с хвостами без пупков, 14 бобров болших, 2 ярца (годовалых бобра), 8 кошлоков (бобренков), 40 хвостов собольих, 90 выимков (хвостовых частей) собольих, 14 черевей (брюшной части) бобровых, 2 испода (изнаночных) шапочных пупчатых, 2 пластинки (части костей) пупчатые, лоскутья собольего. Сын этого Д. Обросьева торговал в Казани, откуда прислал на лодке воск, сапоги большие «и обувь малую», меда — всего на сумму 105 руб.⁴⁵

В таможенных записях, помимо игуменов, казначеев и старцев Троице-Гледенского монастыря часто фигурировали его вкладчики. Один из них, С. И. Шаламов, торговал холстом, кожами, одеждой и обувью (зипуны, рубашки, овчинные шубы, рукавицы-вареги. «нитяное пряденье», сапоги и пр.). В феврале 1653 г. весь перечисленный товар, часть которого была приобретена им в двинской волости Красный Бор (там действовала ярмарка), он повез на четырех лошадях в Сибирь.⁴⁶

Таможенные записи второй половины XVII в. показывают практическую реализацию введенной в России единой пошлины (гривна

⁴¹ ТК СДП. Вып. 1. С. 193; Вып. 2. С. 252.

⁴² ТКМГ. Т. 1. С. 288.

⁴³ ТК СДП. Вып. 1. С. 175.

⁴⁴ ТКМГ. Т. 2. С. 527.

⁴⁵ ТКМГ. Т. 1. С. 19, 48.

⁴⁶ ТКМГ. Т. 2. С. 176.

с рубля), согласно уставной Таможенной грамоте 1653 г. В сентябре 1679 г. у Гледенского монастыря оставалось на Устюге 3 тыс. пудов соли. Из них за большую часть — 1700 пудов — казначей Михайло платил по гривне с рубля цены, а с меньшей части — 1300 пудов — в соответствии с царской грамотой за приписью дьяка Смирнова Богданова пошлины не платились. Такой дьяк действовал в 1644–1651 гг.,⁴⁷ однако сама грамота нам неизвестна. А вообще сопоставление актовых источников о монастырской торговле в эпоху Московской Руси с конкретным содержанием таможенных книг — это отдельная источниковедческая задача. В специальной статье о северных монастырях мы попытались обрисовать первичную ее разработку.⁴⁸

Дополнительные сведения о вкладчиках как агентах торговой деятельности Гледенского монастыря можно получить из его приходных (вариант: «*приемных*») книг второй половины-конца XVII в.⁴⁹ Выявленные нами факты относятся к 1674–1687 гг. В 1674 г. вкладчик А. Ерофеев продал монастырской соли на 170 руб. В августе 1675 г. от него были приняты деньги «устюжской продажи»: соляной 30 руб., овсяной 30 руб., ячменной 7 руб. Им же были сданы денежному казначею Гурию Зубову кортомные (арендные) 40 алт., полученные от устюжанина Я. Суханова за пользование монастырским амбаром. Торговым людям из Лальска предоставлялись на условиях найма торговые склады в самом монастыре около Троицкой церкви. Устюжскому таможенному голове П. Протодьяконову «с товарищи» было продано 200 мер ржи из гледенских деревень на сумму 47 руб., а гостю Вас. Грудцыну продан за 20 руб. «дощаник соляной осенчак».⁵⁰

В приходные книги Гледенского монастыря иногда включались записи, определявшие правовые основы взаимоотношений троицких властей с принятыми ими за определенный денежный взнос на полное продуктивное и жилищное обеспечение вкладчиками. За это вкладчики были обязаны выполнять на монастырь *всякую службу*, но не черную работу, и это различие принципиально: именно служить, а не «тружатися». Вкладчики-трудники работали на соляных и рыбных промыслах, а служащие вкладчики привлекались к вы-

⁴⁷ Описание грамот Коллегии экономии. Т. 3. С. 710.

⁴⁸ Черкасова М. С. Актовые источники XVI–XVII в. о монастырской торговле // Церковь. Богословие. История. 2026. № 7 (в печати).

⁴⁹ Их обзор см.: Черкасова М. С. О приходе-расходных книгах устюжского Троице-Гледенского монастыря второй половины XVII в. // Русский Север — 2024 г.: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия. Вологда, 2024. С. 320–328.

⁵⁰ Там же. С. 325.

полнению торговых операций и преодолению на дощаниках протяженного судового хода, т. е. более сложным логистическим задачам. Вот о какой службе говорилось во вкладных записях, разнообразием таковой, следовательно, и можно считать данные им торговые поручения. Некоторые образцы подобных записей нам удалось опубликовать.⁵¹

Вместе с тем монастырь не переставал заботиться о материальном обеспечении вкладчиков. Обращение к расходной (вариант: *раздаточной*) книге купчины-казначея старца Прокопия за 1684 г. подтверждает статьи упомянутых выше вкладных записей о выдаче монастырским вкладчикам средств для приобретения одежды: «...Того же дни дано вкладчику Авдею Петрову на весь год на 2 рубахи и на двой штаны денгами 6 алт. ... Дано вкладчику Ивану Давыдову Мезенцу на рубаху и на портки денгами 3 алт. 2 ден.»⁵²

Вкладные Троице-Гледенского монастыря можно расценивать как своего рода порядные записи служебного (не трудового) найма. Помимо полных текстов вкладных, выдаваемых гледенскими властями своим контрагентам, в приходные/приемные книги включались и более краткие записи о вкладах, т. е. приходные книги выполняли учетную роль и собственно вкладных книг, поскольку последние как таковые в Гледенском монастыре не велись. Например, могла быть сделана запись о вкладе каким-либо человеком 6-ю рублями с пометкой, что с него следует донять еще 4 руб., а «вкладная ему в 10 руб. выдана».⁵³ То, что в данном случае выдавалось, можно, вслед за С. А. Никоновым, считать своего рода *распиской* со стороны монастыря в получении вклада. В формуляре изученных им вкладных С. А. Никонов отмечает обязательство «...дела нам делати и *тружатися* в монастыре».⁵⁴

В современном источниковедении отмечена проблема соотношения монастырских вкладных и приходных книг, в каких монастырях в ходе их делопроизводства велись полностью покрывающие друг друга («дублетные») записи о вкладах, а в каких — сведения о них различны? Сошлемся на статью З. В. Дмитриевой, отметившую, что в учетной практике Кирилло-Белозерского монастыря записи (име-

⁵¹ Черкасова М. С. О приходо-расходных книгах... Приложение. С. 326–327.

⁵² Вологодский гос. музей-заповедник. Сектор письменных источников. Ф. 5 (Троице-Гледенский монастырь). Оп. 1. Кн. 4. Л. 6 об.-7 (Далее — ВГМЗ).

⁵³ Там же. Л. 4.

⁵⁴ Никонов С. А. «В том ... и вкладная дана» — к вопросу о выявлении типических черт в выдаче вкладных грамот монастырем вкладчикам в XVI–XVII вв. (На материале вкладной книги Кандалакшского Пречистенского монастыря) // Живущие на севере. Опыт и прогнозы. Сборник статей. Мурманск, 2008. С. 125–149.

ются в виду его вкладные и приходные книги) о «даяниях» не дублировались.⁵⁵

В приходной-приемной книге 1674/75 г. содержатся отсутствующие в таможенных книгах сведения о ежемесячном доходе Гледенского монастыря от торговли. Так, в марте 1674 г. он составил 384 руб. 19 алт. 1 ден., из которых 26% дала торговля солью (100 руб.). Приход денег в январе 1675 г. (226 руб.) на 20% был обеспечен продажей хлеба устюжскому таможенному голове П. Протодьяконову. Всего же денежный бюджет монастыря с сентября 1675 до февраля 1676 г. составил 1301 руб., третью часть которых дали хлеб-соль. Наиболее доходные точки можно видеть в марте (384 руб.) и декабре-январе (379 руб.). Наименьшее денежное поступление в казну было в мае, октябре и ноябре (по 29–30 руб.).⁵⁶

О торговой деятельности Гледенского монастыря свидетельствуют еще «покупные/покупочные тетради» приказчиков Холмогорской службы. По сути, речь должна идти о *расходных* книгах/тетрадах, с поправкой на особенности местной терминологии. Одна такая тетрадь сохранилась за июль–октябрь 1687 г. и интересна подробной фиксацией видов покупаемых запасов и товаров, их цены, состава торговых партнеров монастыря, выплат судебным работникам, носникам и кормщикам, расходов на приобретение разного оборудования к дощаникам (канаты, бечева, якоря, скобы, железные инструменты, приспособления и прочий «такелаж»), на выплату таможенных пошлин подъячим и «коморникам». Расширяются сведения и о торговых связях монастыря с северными волостями. У жителей Кемской волости покупалось «сало ворванье гретое».⁵⁷ Подробное перечисление всех корабельных снастей содержится в опубликованной А. А. Богомазовой типологически близкой расходной книге нарядника Сумского острога Соловецкого монастыря за апрель–август 1675 г.⁵⁸

В делопроизводстве Гледенского монастыря учитывались также расходы «на городской поплав», т. е. на транспортировку товаров от Устюга до «города Архангельского». В июле 1674 г. два приказ-

⁵⁵ Дмитриева З. В. Старцы-вкладчики Кирилло-Белозерского монастыря (1540–1610-е годы) // Историк и источник. Сборник статей к юбилею Сергея Николаевича Кистерова. СПб., 2018. С. 241 и примеч. 10 (ссылки на работы Т. В. Сазоновой и С. В. Стрельникова).

⁵⁶ ВГМЗ. Ф. 5. Оп. 1. Кн. 1.

⁵⁷ Там же. Кн. 12.

⁵⁸ Богомазова А. А. Сумской острог и снаряжение крупных морских судов Соловецкого монастыря второй половины XVII в. // Строения ради монастыря. Архирейское, монастырское и церковное строительство на Руси в конце XIV — начале XVIII века. М.; СПб., 2024. С. 378–391.

чика Холмогорской службы приняли у денежного казначея старца Никона 50 руб. «на поплав и про всякой монастырской обиход». Из товаров на продажу они повезли 40 пудов масла коровья в 12-ти деревянных сосудах («судах»), а на свой (включая экипаж) обиход по пути следования куль муки ржаной и куль крупы овсяной.⁵⁹ Далее в книге перечислены их торговые операции по продаже масла, но еще интереснее сведения о том, что гledenские приказчики в Холмогоры доставили «городовую кладь» гостя Вас. Грудцына — 182 пуда масла, записав в приход по 5 денег с пуда, всего 4 руб. 18 алт. 2 ден. Были также учтены *провозные* деньги, взятые с устюжан Ив. Протодьяконова, Ф. Бобровского и еще семи человек за доставку их масла и тоже в размере 5 ден. с пуда, плюс по столько же со старца Михайло-Архангельского монастыря Ермолая и с холмогорца Я. Григорьева за 700 пудов палтуса и трески, а всего 30 руб. 22 алт. 3 ден.

Таким образом, нами была рассмотрена торговая деятельность двух наиболее значительных устюжских монастырей — Михайло-Архангельского и Троице-Гledenского, масштаб их торговых операций главным образом с солью, рыбой и хлебом, география их торговых связей, организация торговой деятельности силами своих старцев, слуг, половников, вкладчиков. Было обращено внимание на важные стороны и факторы торговой инфраструктуры — состав речного транспорта, его грузоподъемность, режим речного судоходства на Сухоно-Двинском пути в разные сезоны. Промыслово-торговые отрасли монастырской экономики были тесно связаны с ее аграрно-крестьянским строем, и их взаимодействие рисует Двинско-Устюжский край как значимый регион в процессе формирования всероссийского рынка в контурах хлеб-соль-рыба. В плане дальнейшей разработки темы отметим важность источниковедческих аспектов — сопоставления таможенных, монастырских приходо-расходных книг и актовых источников.

⁵⁹ ВГМЗ. Ф. 5. Оп. 1. Кн. 5. Л. 7 об.-11.

В. В. Митрофанов

**РАБОТА НАД ДИССЕРТАЦИЕЙ
И «КРУЖОК РУССКИХ ИСТОРИКОВ»
ПО ВОСПОМИНАНИЯМ В. Г. ДРУЖИНИНА**

После завершения обучения В. Г. Дружинин стараниями Е. Е. Замысловского был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. Студенты и магистранты называли профессора за выражение «должно» вместо «должно» — Должно. Этот интересный факт, впервые встретившийся нам во взаимной переписке В. Г. Дружинина и С. Ф. Платонова (письмо первого от 3 августа 1886 г.: «Я, кажется, догадываюсь о сути разговора с Должно»¹), нашел объяснение в его воспоминаниях, где рассказывается об университетских годах.²

Тема, выбранная для магистерской диссертации, история раскола на Дону, требовала архивных изысканий, прежде всего, в московских архивохранилищах. Об этом подробно В. Г. Дружинин повествует в очередном фрагменте воспоминаний. В совокупности с опубликованными письмами на имя друга, С. Ф. Платонова, этот источник позволяет составить объективную картину кропотливых архивных поисков.³ Читателю представлена достоверная обстановка состояния архивных помещений (архива Министерства иностранных дел и архива Министерства юстиции), даны запоминающиеся характеристики сотрудникам (Н. В. Станкевичу, И. Н. Николаеву, А. Н. Зерцалову, Г. И. Холмогорову), начальниками директорам архивов (князю М. А. Оболен-

¹ *Митрофанов В. В.* Научные и личные коммуникации В. Г. Дружинина и С. Ф. Платонова в период подготовки магистерских диссертаций // Историческая и социально-образовательная мысль. 2025. Т. 17. № 6. С. 51.

² РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 36; *Митрофанов В. В.* Научные и личные коммуникации В. Г. Дружинина и С. Ф. Платонова... С. 43.

³ *Митрофанов В. В.* Научные и личные коммуникации В. Г. Дружинина и С. Ф. Платонова... С. 38–88.

скому, барону Ф. А. Бюлеру, Н. В. Калачову, Д. Я. Самоквасову). В архивах же происходили и важные встречи с исследователями, завязывались знакомства, например, с А. А. Титовым, Е. В. Барсовым, С. Ф. Огородниковым. Во время пребывания в Москве В. Г. Дружинин, выполняя поручение Е. Е. Замысловского, побывал на квартире у Д. И. Иловайского. Отмечена и воровская работа с ценными архивными документами отдельных известных археографов, например, Е. В. Барсова, М. А. Оболенского, которые портили, а порой и уничтожали документы.

Иногда в архивах В. Г. Дружинин работал со своими друзьями, например, В. В. Латкиным, С. М. Середониным, М. А. Дьяконовым, знакомыми, протоиереем П. Ф. Николаевским.

Кроме архивов, много времени уделял В. Г. Дружинин работе в библиотеках, прежде всего, в Синодальной. О собрании старообрядческой литературы в Хлудовской библиотеке приведены редкие и важные сведения.

Ценные материалы по своей теме В. Г. Дружинин находил в Румянцевском музее. Все крупные архивохранилища были в поле зрения научных поисков молодого исследователя. В Петербурге изыскания велись в архиве Общества любителей древней письменности. Здесь, с помощью И. А. Шляпкина, произошло знакомство с его председателем князем П. П. Вяземским и графом С. Д. Шереметевым.

Так постепенно В. Г. Дружинин входил в отношения с представителями научной элиты империи, его имя становилось на слуху, как и научные предпочтения. Со многими он будет активно работать в недалеком будущем в научных обществах, например, под руководством С. Д. Шереметева в Археографической комиссии.

Проблемы личных и профессиональных коммуникаций продолжают оставаться среди приоритетных направлений исследовательских изысканий в последние годы.⁴ Ю. С. Никифоров, касаясь этого вопроса, особо отметил, что «самым ярким явлением в коммуникации историков были личные беседы ученых в процессе неформального непосредственного дружеского общения». Он же отмечает, что, «осве-

⁴ *Мамонтова М. А.* Коммуникативное пространство отечественной исторической науки на рубеже XIX–XX веков // Диалог со временем. Вып. 36. М., 2011. С. 267–277; *Серых А. А.* Поколение «восьмидесятников» и поколенческая идентичность русских историков рубежа XIX–XX вв. // Диалог со временем. Вып. 34. М., 2011. С. 158–171; *Туркевич А. Л.* «Вот, правда, с которой я вступаю в новую жизнь»: историк в дневнике, дневник как история // Диалог со временем. Вып. 43. М., 2013. С. 170–179; *Тихонов В. В.* Московская и петербургская школы «русских историков» в контексте дихотомии «Москва-Петербург» (конец XIX — начало XX вв. // Люди и тексты. Исторический альманах. М., 2012. С. 344–377.

шая коммуникацию историков с коллегами как центральное звено культуры историка, следует выделить особую роль источников личного происхождения».⁵ Поэтому интерес представляют разного рода собрания неформальных сообществ на квартирах: «понедельники (у В. Г. Дружинина), «вторники» (у К. Н. Бестужева-Рюмина), «среды» (у С. Ф. Платонова) и т. д.

Тема, касающаяся «кружка русских историков», остается малоизученной. В обстоятельной статье В. Г. Бухерт затронул вопрос о роли С. Ф. Платонова в этом неформальном объединении, которое берет свое начало с организационного собрания 2 января 1884 г. на квартире В. Г. Дружинина.⁶ О месте его проведения имеется и другое мнение. Его предложили авторы примечаний к дневнику Н. Н. Платоновой, ссылаясь на его еще не опубликованный текст из архивного дела.⁷ «2-го на собрании историков (годичном), перенесенном к нам по просьбе Вас[илия] Гр[игорьевича]...»⁸ — эта запись была сделана 9 января 1892 г. Но в данном случае речь идет не об организационном собрании, а о «годичном», которое проходило 8 лет спустя. Напомним, что это событие было еще до ее замужества, да и дневник она начала писать только в 1889 г., поэтому знать о том, что происходило пять лет назад, явно не могла. В своих воспоминаниях С. Ф. Платонов указывает на ту же дату первого собрания и пишет о «внешнем центре кружка», которым была «квартира В. Гр. Дружинина»,⁹ что вроде бы определенно указывает на место зарождения «кружка». Но 3 января 1884 г., т. е. на другой день, после этого собрания, С. Ф. Платонов пишет своей двоюродной сестре Серафиме в Москву письмо, которое со всей очевидностью позволяет утверждать, что собрание было на квартире Платонова: «2-го января было у меня маленькое собрание приятелей и вспоминали все очень тепло о прошлогоднем 2 января: помнишь вечер у нас...».¹⁰ Следовательно, вопрос разрешается однозначно, хотя никаких подробностей о начале «кружка» здесь не сообщается. Но, безусловно, нет никаких сомнений, что регулярные собрания проходили на квартире В. Г. Дружинина. Поэтому

⁵ Никифоров Ю. С. Коммуникативная культура российских историков конца XIX — начала XX вв. Взаимодействие и конфликты в университетской среде // Диалог со временем. Вып. 48. М., 2014. С. 143, 145.

⁶ Бухерт В. Г. С. Ф. Платонов и «кружок русских историков» // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 126–143.

⁷ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5691. Л. 81 об.

⁸ Платонова Н. Н. Дневник (1889–1921). Рязань, 2020. С. 68.

⁹ Платонов С. Ф. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 5. М., 2017. С. 244.

¹⁰ Митрофанов В. В. «...я друг всякого образования»: письма С. Ф. Платонова двоюродной сестре Серафиме в 1880-е гг. // Петербургский исторический журнал. 2021. № 1. С. 214.

говорить об организационном собрании, тем более называть конкретную дату, можно только следуя указаниям самих участников.

В публикуемых воспоминаниях В. Г. Дружинин называет и инициатора встреч — И. И. Симонова. В переписке С. Ф. Платонова и В. Г. Дружинина за 1884 г., кстати, первое письмо датировано 8 января, нет упоминаний о собраниях, но заметим, что письма сохранились не все.¹¹ В своем недавно опубликованном дневнике за 1884 г. С. Ф. Платонов также не упоминает о собрании членов кружка. Записи за этот год он начинает 19 января в 11 часов вечера. Заметим, что он был всецело поглощен своими личными отношениями с потенциальными невестами, прежде всего, с Н. Н. Шамониной. Под этими впечатлениями и прошел целый год.¹² Выбор был сделан, и 3 января 1884 г. С. Ф. Платонов сообщает в Москву упомянутой Серафиме: «31-го с мамашей ездил к Наде, вернулись домой к 10½ часам и одни встречали новый год. Наде мамаша были чрезвычайно рады, по крайней мере, по видимости, да и со мной они в эту зиму более чем любезны».¹³

Вопрос о кружке, безусловно, требует дальнейшей разработки, тем более, что в последние годы вовлечен в научный оборот большой эпистолярный пласт непосредственных участников этих собраний и они упоминаются в письмах.¹⁴

Число участников «кружка русских историков», которые собирались на квартире, было довольно большим даже для просторной ком-

¹¹ Митрофанов В. В. История исторической науки конца XIX в. в переписке В. Г. Дружинина с С. Ф. Платоновым (1881–1885 гг.) // Культурный ландшафт регионов. 2025. Т. 7. № 3–4. С. 57–82.

¹² Митрофанов В. В. Дневниковые записки С. Ф. Платонова (ноябрь 1879 — декабрь 1884 г.): «Я на прямой дороге». «Тетрадь любви». Часть 8 // MagistraVitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2025. Т. 10. Вып. 4. С. 106–115.

¹³ Митрофанов В. В. «...я друг всякого образования». С. 214.

¹⁴ Митрофанов В. В. 1) «... я простился с Вами, моим добрым феєм...»: Переписка Н. М. Бубнова и С. Ф. Платонова (1890–1901 гг.) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. 2022. Т. 3. № 4. С. 70–111; 2) Письма М. А. Дьяконова С. Ф. Платонову: 1884–1889 годов // ВАА. Вып. 40. М.; СПб., 2022. С. 52–102; 3) Письма М. А. Дьяконова С. Ф. Платонову с 28 января 1890 по 24 июля 1891 г. // ВАА. Вып. 41. М.; СПб., 2023. С. 173–224; 4) Письма М. А. Дьяконова С. Ф. Платонову с 9 сентября 1891 по 21 декабря 1892 г. // ВАА. Вып. 42. М.; СПб., 2023. С. 76–114; 5) Письма М. А. Дьяконова С. Ф. Платонову (1893–1895) // ВАА. Вып. 43. М.; СПб., 2023. С. 65–123; 6) История исторической науки конца XIX в. в переписке В. Г. Дружинина с С. Ф. Платоновым (1881–1885 гг.). С. 37–82; 7) Научные и личные коммуникации В. Г. Дружинина и С. Ф. Платонова... С. 38–88; 8) Научные и личные коммуникации В. Г. Дружинина и С. Ф. Платонова (1894–1906 гг.) // Культурный ландшафт регионов. 2025. Т. 7. № 5–6. С. 35–94.

наты в квартире. О персональном составе сами его участники оставили достоверные сведения, но имеются некоторые отличия, которые представим в таблице:

Члены «кружка русских историков»

По С. Ф. Платонову ¹⁵	По В. Г. Дружинину ¹⁶	По Е. Ф. Шмурло ¹⁷
В. Г. Дружинин	С. Ф. Платонов	++
И. А. Шляпкин	+	+
М. А. Дьяконов	+	+
А. С. Лаппо-Данилевский	+	+
Н. Д. Чечулин	+	+
С. М. Середонин	+	+
Н. М. Бубнов	+	+
А. И. Барбашев	+	+
Е. Ф. Шмурло	+	+
И. А. Козеко	+	+
С. Л. Степанов	—	+
Н. М. Лисовский	+	+
И. И. Симонов	+	—
—	А. И. Савельев	+
—	—	И. Ф. Анненский

Как видно, разночтения встречаем по нескольким фамилиям: С. Л. Степанова, И. И. Симонова (но, по утверждению В. Г. Дружинина, именно он был инициатором собраний), А. И. Савельева¹⁸

¹⁵ Платонов С. Ф. Собрание сочинений в 6 т. Т. 5. С. 244–245.

¹⁶ Дружинин В. Г. перечисляет членов кружка и дает им характеристики в публикуемом фрагменте.

¹⁷ Демина Л. И. «Мне как историку позволительно оценивать события исторической меркой». Из Записок Е. Ф. Шмурло о Петербургском университете. 1889 г. // Отечественные архивы. 2006. № 1. С. 72–99.

¹⁸ О своем знакомстве с ним С. Ф. Платонов писал: «на одном из „вторников“ Бестужева со мною заговорил старичок инженерный генерал Ал. Ив. Савельев и, показывая мне на мою рукопись, сообщил, что Бестужев хвалит мою работу». (Платонов С. Ф. Собрание сочинений в 6 т. Т. 5. С. 240). А в письме 1 марта 1883 г. к сестре Серафиме читаем: «У Дружининых меня представили пресимпатичному старичку — генералу Александру Ив[анови]чу Савельеву. Услыхав мою фамилию, он сказал, что очень рад познакомиться, что знает обо мне от Бестужева, у которого видал и читал немного мою кандидатскую диссертацию. Сам Савельев занимается наукой и звал меня к себе запросто потолковать. В это воскресенье мы с В. Г. Друж[инины]м пошли к нему днем, просидели часа 2, и я вынес самые лучшие впечатления: старик простейший, ласковый, живой и веселый. Очень буду рад, если это мое знакомство укрепитя» (Митрофанов В. В. «...я друг всякого образования». С. 210). Предпочтение, следует отдать второму известию, так как оно было записано сразу после первого общения, а второе — 38 лет спустя.

и И. Ф. Анненского.¹⁹ К этому списку современные исследователи порой присоединяют еще двух человек. Так, В. Г. Бухерт пишет, что «большую часть „кружка русских историков“ составляли...» выпускники 3-ей петербургской гимназии: «К. А. Иванов (да был выпускник названной гимназии, но его никто не включал в список членов „кружка“), И. А. Шляпкин, А. И. Барбашев, Н. М. Бубнов, В. Г. Дружинин, С. Л. Степанов, И. И. Симонов».²⁰ Вслед за ним эту мысль повторил и В. С. Брачев, насчитавший 16 членов, но назвал только 15.²¹ А. С. Д. Дзюбанов,²² ссылаясь на воспоминания С. Ф. Платонова, заметил, что К. А. Иванов был «активным участником собраний студентов-историков» (да, это верно. — В. М.), позднее превратившихся в „кружок русских историков“, на квартире В. Г. Дружинина» (и это верно. — В. М.). Но стал ли он его членом, для утвердительного ответа оснований нет, как нет прямых указаний и источников. Напомним, что к началу 1884 г., когда оформился указанный «кружок», К. А. Иванов был уже женат, у него родился ребенок, он много работал в средних учебных заведениях, времени было очень мало, к тому же над диссертацией он в это время не работал, к магистерским экзаменам не готовился. Эти обстоятельства приводили к тому, что собрания посещать не удавалось, к тому же он интересовался историей Средневековья Западной Европы (хотя это и не аргумент, вспомним Н. М. Бубнова). Следовательно, вопрос об участии К. А. Иванова в кружке остается неподтвержденным. А вот другой кружок, состоявший из пяти человек — часто в письмах его участников он называется «собранием друзей», так именовали его сами участники, он активно посещал. Если брать его численный состав, то это «кружок пяти». А входили в него В. Г. Дружинин, С. Ф. Платонов, К. А. Иванов, И. А. Шляпкин и А. А. Спицын, и собирались они всю жизнь, по крайней мере до 1918 г., когда умер И. А. Шляпкин, а в 1919 г. — К. А. Иванов. При этом «кружок пяти» начал собираться в университетские годы, т. е. раньше, чем «кружок русских историков», и намного его пере-

¹⁹ «Оба они (В. Г. Дружинин и И. Ф. Анненский. — В. М.) входили в состав так называемого „кружка молодых историков“ или „кружка русских историков“, — читаем в комментариях к письму И. Ф. Анненского к В. Г. Дружинину. Но далее составитель уточняет: «об участии в котором Анненского внятно свидетельствуют, пожалуй, только „Записки“ Шмурло» («Мне как историку позволительно оценивать события исторической меркой». — В. М.) (Анненский И. Ф. Письма 1879–1905. Т. 1. СПб., 2007. С. 58).

²⁰ Бухерт В. Г. С. Ф. Платонов и «кружок русских историков». С. 127.

²¹ Брачев В. С. Служители исторической науки. Академик С. Ф. Платонов. Профессор И. Я. Фроянов. СПб., 2010. С. 69.

²² Дзюбанов С. Д. Иванов Константин Алексеевич // Лицейская энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. СПб., 2013. С. 259.

жил. Об этих собраниях немало сведений в переписке его частных, большая часть которой опубликована — письма А. А. Спицына и К. А. Иванова к С. Ф. Платонову (ответные письма в обоих случаях уничтожены получателями), взаимная переписка И. А. Шляпкина и С. Ф. Платонова подготовлена к печати, а между В. Г. Дружининым и С. Ф. Платоновым публикуется.²³

В этой связи следует обратить внимание также на другой подобный факт. В современной историографии высказывается мнение и об участии А. А. Спицына в «кружке русских историков». Как мы видели, ни С. Ф. Платонов, ни В. Г. Дружинин не называет его среди членов кружка, так как к моменту первого собрания А. А. Спицын был уже в Вятке. И. Л. Тихонов, авторитетный биограф выдающегося археолога, на этот счет имеет изменяющееся во времени мнение. В первом варианте: «на старших курсах он (А. А. Спицын. — В. М.) стал участвовать в работе „неформального научного кружка „русских историков?“».²⁴ Но, здесь допущена неточность — кружок был создан только в 1884 г. А в другой работе петербургский исследователь замечает: «позднее, когда Спицына уже не было в Петербурге, дома у В. Г. Дружинина стали устраиваться собрания „кружка русских историков“, члены которого были близки Спицыну».²⁵ Следовательно, его не было на тех собраниях. Но бесспорно, по взглядам и методам исторического исследования он, как и все члены кружка, был последователем своих учителей по университету. На это указывают и самостоятельные исследования А. А. Спицына в первое десятилетие после окончания университета.

Следовательно, в случае с К. А. Ивановым и А. А. Спицыным произошло отождествление двух кружков — «кружка русских историков» и «кружка друзей». Кстати, они упоминаются рядом и в воспоминаниях С. Ф. Платонова, и в публикуемом фрагменте рукописи у В. Г. Дружинина. Из «кружка друзей» впоследствии отечественная наука получила академика (С. Ф. Платонов), трех членов-корреспондентов (И. А. Шляпкин, А. А. Спицын, В. Г. Дружинин) и крупного организатора гимназического образования, автора учебников, непревзойденного автора перевода «Фауста» (К. А. Иванов).

²³ Митрофанов В. В. История исторической науки конца XIX в. в переписке В. Г. Дружинина с С. Ф. Платоновым. С. 37–82; 2) Научные и личные коммуникации В. Г. Дружинина и С. Ф. Платонова... С. 38–88; 3) Научные и личные коммуникации В. Г. Дружинина и С. Ф. Платонова (1894–1906 гг.). С. 35–94.

²⁴ Тихонов И. Л. Спицын в Петербурге // Спицын А. А. Избранные труды по истории Вятки. Киров, 2011. С. 423.

²⁵ Тихонов И. Л. С. Ф. Платонов и А. А. Спицын // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011. С. 348–349.

Кроме упомянутых членов «кружка русских историков», В. Г. Дружинин указывает на Х. М. Лопарева, который был «постоянным посетителем моих дружеских понедельников».²⁶ Н. И. Привалов — «обыкновенно 1-го января в вечер моих именин он устраивал у меня музыкальный вечер» и «продолжал посещать меня до революции».²⁷ Барон В. Р. Розен «стал постоянным посетителем моих дружеских вечеров», несмотря на то, что «был гораздо нас старше, но это не мешало ему постоянно бывать среди нас».²⁸ О Л. Н. Майкове В. Г. Дружинин написал, что он «...посещал мои дружеские собрания, на которых участники все были ему знакомы».²⁹ Автор упоминает и П. А. Гильдебранта, как человека, который «часто бывал на моих дружеских вечерах».³⁰ Эти вечера проходили сначала по субботам, а потом по понедельникам. А круг посетителей может не ограничиваться названными выше. В одном месте воспоминаний В. Г. Дружинин упомянул фотографию, на которой «находятся многие участники моих дружеских вечеров».³¹ Этот снимок передан в Азиатский музей. Интересно, кого запечатлел этот снимок? Возникает вопрос — а нужно ли названных исследователей, почтенных ученых включать в «кружок русских историков», как это было, например, с А. И. Савельевым. Вероятно, да. Несмотря на то, что речь идет о третьей площадке общения — «дружеских понедельниках» («кружок русских историков» — раз в месяц, «собрания друзей» — «кружок пяти», по согласованию, сначала еженедельно, с годами реже), которая преследовала цель простого общения, заседания проходили в одно время и пересекались с «кружком русских историков», и безусловно обсуждались вопросы науки, новинки литературы, архивные находки.

В историографии большое место занимает вопрос о единственном случае разрыва с «кружком русских историков» одного из его членов. На последнем этапе его существования от него отошел из-за глубоких разногласий, а точнее — противостояния с признанным его лидером С. Ф. Платоновым, А. С. Лаппо-Данилевский. Об этом подробно пишет В. Г. Дружинин и раскрывает непростые взаимоотношения двух талантливых учеников Е. Е. Замысловского, ставших со временем соперниками, отношения которых переросли в неприязнь друг к другу. Заметим, что С. Ф. Платонову характеристика в этой части воспоминаний не дается по причине недавней его смерти и пи-

²⁶ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 8. Л. 32.

²⁷ Там же. Л. 26, 28.

²⁸ Там же. Д. 7. Л. 238 об.—239.

²⁹ Там же. Д. 8. Л. 48 об.

³⁰ Там же. Л. 60 об.

³¹ Там же. Д. 7. Л. 239.

сать о нем было очень трудно, но его фамилия присутствует по необходимости и часто по ходу всей рукописи. В. Г. Дружинину удалось точно подметить главные черты характеров обоих и подойти к этому вопросу объективно, без пристрастий (но заметим, что любой документ личного происхождения носит характер субъективности). Эти наблюдения стоит признать ценными для историографии.

По мнению А. Е. Ростовцева, охлаждение отношений произошло, «по всей видимости, именно в это время, в начале 1890-х гг., А. С. Лаппо-Данилевский постепенно стал отдаляться от кружка русских историков».³² Об этом первым написал еще А. Е. Пресняков, лично знавший и не один год наблюдавший взаимоотношения в среде историков. Он, указав, что А. С. Лаппо-Данилевский отошел от участия в «кружке русских историков», многозначительно добавил, что главным лицом в кружке был С. Ф. Платонов.³³

Факт разрыва вызывал многочисленные обсуждения в среде заинтересованных лиц. Так, С. Ф. Платонов 24 января 1891 г. писал П. Н. Милюкову: «Лаппо-Д[анилевский] очень занят, и наше знакомство существует лишь в воспоминании: кроме ближайших знакомых, он нигде не показывается».³⁴ Он не был на дружеском обеде в ресторане Додона 8 февраля 1891 г., имея, как ему казалось, безупречное оправдание, Н. Н. Платонова называет это «основательной причиной!» — сдача пальто в починку.³⁵ Его отсутствие на годовом собрании, когда приезжал П. Н. Милюков, 2 января 1892 г. «было замечено всеми».³⁶ Приведенные факты указывают на время, когда А. С. Лаппо-Данилевский окончательно разошелся с С. Ф. Платоновым и «кружком». Но не только методологические подходы к изучению истории привели к этому, следует брать во внимание и характерные черты А. С. Лаппо-Данилевского, отмеченные еще А. Е. Пресняковым — «своеобразное ученое одиночество» и «обособленность»,³⁷ что сказалось на характере его общения с коллегами. К этому следует добавить стремление к лидерству и амбиции в этом отношении. Надо заметить, что формальные отношения на эпизодическом уровне со-

³² Ростовцев А. Е. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 70. А уже на следующей странице автор более категорично выражает этот уход: «окончательно отходит от Кружка русских историков» (Там же. С. 71).

³³ Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. СПб., 1922. С. 22.

³⁴ Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 2. М., 2011. С. 75.

³⁵ Платонова Н. Н. Дневник. С. 50.

³⁶ Там же. С. 68.

³⁷ Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 27, 67.

хранялись, о чем свидетельствует и их взаимная переписка, хронологически охватывающая 1887–1913 гг.³⁸

Еще один принципиально важный вопрос, который возникает в связи с «кружком русских историков», — его связи с московскими коллегами. В. М. Панях упоминает известный факт о посещении собрания «кружка русских историков» ярким представителем московской исторической школы, учеником В. О. Ключевского: «П. Н. Милюков в начале 1890-х гг. посетил „кружок русских историков“, во главе которого стоял С. Ф. Платонов, и нашел, что московские докладчики (к большому сожалению, автор не указывает других персоналий) в этом кружке, в том числе и он, „дали новый толчок“ уже намеченному „компромиссному“ направлению в подходе к истории „с сохранением специфических петербургских оговорок“. Среди петербургских историков, способных мыслить „широко и отвлеченно“, кроме С. Ф. Платонова, П. Н. Милюков называл А. С. Лаппо-Данилевского, Н. П. Павлова-Сильванского и А. Е. Преснякова».³⁹ Что касается двух последних, то они в то время еще не завершили обучение в университете, поэтому оценки должны относиться к более позднему времени. Да и личное знакомство П. Н. Милюкова с А. Е. Пресняковым относится к началу мая 1892 г.,⁴⁰ а о встрече со своим учеником просил «москвича» С. Ф. Платонов.⁴¹ А Н. П. Павлов-Сильванский впервые упоминается П. Н. Милюковым в письме середины ноября (т. к. ответ датирован 21 числом) 1893 г. С. Ф. Платонову: «Что делают другие ваши молодые историки: просто Лаппо, Пресняков и Сильванский?».⁴²

Точное время приезда П. Н. Милюкова и отдельные факты его пребывания в столице отметила Н. Н. Платонова в своем дневнике. Так, 9 января 1892 г. она записала: «Все это время занято у С. Ф. Милюковым, который приехал сюда 2-го и на днях должен уехать. Он бывает у нас каждый день».⁴³ О побудительном мотиве этой поездки узнаем из письма (дата примерная, установлена публикаторами по содержанию: между 20 и 28 декабря 1891 г.⁴⁴) П. Н. Милюкова: «Со-

³⁸ *Митрофанов В. В.* Переписка А. С. Лаппо-Данилевского с С. Ф. Платоновым: основные вопросы коммуникаций // Вестник Рязанского государственного университета им. С. Есенина. 2026. № 1. С. 7–24.

³⁹ *Панях В. М.* Проспект лекционного специального курса «Петербургская историческая школа» (16 часов, 8 лекций) // uchebana5.ru>cont/1913247.html

⁴⁰ Александр Евгеньевич Пресняков. С. 34.

⁴¹ Академик С. Ф. Платонов. Т. 2. С. 118.

⁴² Там же. С. 135.

⁴³ *Платонова Н. Н.* Дневник. С. 68.

⁴⁴ Омские историки указывают только год (1891) (Письма русских историков (С. Ф. Платонов, П. Н. Милюков). Омск, 2003. С. 112).

бираюсь в Питер, я рассчитываю приноровить свой приезд к выпуску книги, и мне все еще хотелось бы, чтоб это событие состоялось в первых числах января».⁴⁵ С. Ф. Платонов приглашал коллегу к себе 1 (?) января 1892 г.:⁴⁶ «Вечер 2-го января отдайте мне, Павел Николаевич; в этот день годовщина „русских историков“, они соберутся у Дружинина; или сами приезжайте туда, или заезжайте ко мне и мы отправимся вместе».⁴⁷ Выше сказано, что это собрание проходило на квартире у Платоновых.

П. Н. Милюков с некоторыми членами «кружка русских историков» был знаком и раньше, например, с В. Г. Дружининым, Е. Ф. Шмурло. Впервые «москвич» упомянут в его письме от 27 мая 1889 г. на имя С. Ф. Платонова: «Что нового? Что Милюков? Что его новый друг Евг[ений] Франц[евич]?».⁴⁸ А на следующий день писал, что: «У Милюкова я был вчера вечером часа полтора; мы беседовали с ним весьма дружелюбно. Он стал на совершенно товарищескую ногу, т[ак] что производит самое приятное впечатление. К тому же он, по-видимому, весьма охотно проводит с нами время, т[ак] к[а]к доволен, что к нему приходят, и сам собирается навещать».⁴⁹ А в ответ 31 мая С. Ф. Платонов написал: «Ты прав, говоря о Милюкове, что он сумел поставить себя на товарищескую ногу. Он очень мил. Поклон ему...».⁵⁰

На квартире В. Г. Дружинина произошло знакомство и М. А. Дьяконова с П. Н. Милюковым. По этому поводу М. А. Дьяконов писал 7 июня 1889 г. С. Ф. Платонову: «Недавно познакомился у Вас[илия] Григ[орьевича] с Милюковым, который оставляет весьма хорошее впечатление и своим нравом, и своим умом. Мы с ним беседовали о моей работе, и он показал большую начитанность и, главное, остроумие в вопросе о политических фикциях XVI в. Говорят, что вообще он так же силен и в других сферах и веках русской истории».⁵¹

Таким образом, в Москве знали о «кружке русских историков», а отдельные молодые ученые устанавливали тесные личные отношения с питерцами. Именно эти контакты, как справедливо заметил

⁴⁵ Академик С. Ф. Платонов. Т. 2. С. 113.

⁴⁶ Это письмо предлагают относить к дате между 10 и 20 декабря (Письма русских историков (С. Ф. Платонов, П. Н. Милюков). С. 112). Но, если, как указывает Н. Н. Платонова, П. Н. Милюков приехал 2-го января, то письмо было отправлено раньше.

⁴⁷ Академик С. Ф. Платонов. Т. 2. С. 115.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 393. Л. 134 об.

⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2834. Л. 7–7 об.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 393. Л. 137 об.

⁵¹ Митрофанов В. В. Письма М. А. Дьяконова С. Ф. Платонову: 1884–1889 годов. С. 73.

В. М. Панеях, начали процесс сближения двух столичных исторических школ. Молодые историки искали новые формы коммуникаций, устанавливали дружеские отношения между собой.

Важное сообщение о посетителях кружка оставил участник собрания Е. Ф. Шмурло. 11 февраля 1889 г. он сделал следующую запись: «Это уже пятая диссертация (В. Г. Дружинина. — В. М.) в нашем кружке: первая — Барбашева — появилась еще в 1885 г.; вторая и третья — Платонова и Бубнова (сразу присудили докторскую степень. — В. М.) — почти одновременно, чуть ли не в один день, в прошлом апреле. <...> Четвертая диссертация была моя. Этот сезон насчет диссертаций был урожайный; да и в ближайшем будущем предстоят работы Дьяконова, Лаппы-[Данилевского], Чечулина и Шляпкина, если только последний когда-либо окончит своего „Дмитрия Ростовского“». ⁵² Об этом же вспоминал и С. Ф. Платонов десятилетия спустя: «Много ученых диспутов своих сочленов отпраздновал впоследствии этот кружок...». ⁵³ Следовательно, кружок был не только местом бытового общения, но и выполнял свою заявленную цель — обсуждать свою ученую работу и вопросы, связанные с развитием исторической науки.

Объективные обстоятельства — защиты диссертаций (С. Ф. Платоновым, В. Г. Дружининым, Е. Ф. Шмурло, И. А. Шляпкиным, М. А. Дьяконовым, А. С. Лаппо-Данилевским, Н. Д. Чечулиным, С. М. Середониным, Н. М. Бубновым, А. И. Барбашевым, Е. Ф. Шмурло), назначения в провинциальные университеты успешных, амбициозных магистров, другие места службы — делали собрания «кружка русских историков» более редкими, а потом они и прекратились. Но еще в 1892 г. и в 1893 г. они продолжались. Об этом свидетельствует дневник Н. Н. Платоновой. ⁵⁴ Следовательно, цель «кружка русских историков» была достигнута. Этот процесс зафиксировал в своем письме С. Ф. Платонов П. Н. Милюкову от 28 октября: «С отъездом Шмурло (в Дерпт. — В. М.), Бубнова (в Киев. — В. М.) русские историки стали менее общительны. Мои среды потеряли профессиональный характер, и у Дружинина меньше шума. Середонин очень занят экзаменами, а отсутствие его и двух поименованных лиц вполнину сократило число завсегдатаев кружка». ⁵⁵ М. А. Дьяконов также получил назначение в Дерпт. Появилась новая коммуникативная площадка — «среды» у С. Ф. Платонова, куда приглашались

⁵² Демина Л. И. «Мне как историку позволительно оценивать события исторической меркой». С. 77.

⁵³ Платонов С. Ф. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 5. С. 245.

⁵⁴ Платонова Н. Н. Дневник. С. 68, 103.

⁵⁵ Академик С. Ф. Платонов Т. 2. С. 108.

теперь уже его ученики, слушательницы Высших (Бестужевских) Женских Курсов, при сохранении «кружка пяти», в который после многолетнего перерыва вновь влился А. А. Спицын, когда в 1892 г. переехал в столицу, получив место в Археологической комиссии.

Историографическая ценность воспоминаний В. Г. Дружинина, касающихся членов «кружка русских историков», заключается в их характеристиках. Отметим, что объем для всех участников разный, от нескольких строк (И. А. Козеко) до нескольких страниц, и даже отдельных очерков о С. Д. Середонине, Н. Д. Чечулине (два очерка, им посвященные, публикуются ниже) и И. А. Шляпкине.⁵⁶

А в этой части В. Г. Дружинин начинает с М. А. Дьяконова. Интересны лаконичные подробности оставления его при университете для приготовления к профессорскому званию. Кстати, именно М. А. Дьяконов назван «особенно близким», который примыкал и одно время входил в «пятерку» до отъезда в Дерпт (напомним, что А. А. Спицын был в Вятке). Приведены важные факты их совместной работы над подготовкой к публикации одного памятника письменности, как тормозил эту работу Л. П. Автократов и помогал Е. Е. Замысловский. Раскрываются и существенно дополняются малоизвестные факты взаимоотношений между В. И. Сергеевичем, как научном руководителем, и М. А. Дьяконовым. Кстати, об этом немало сведений и в упомянутых письмах М. А. Дьяконова и В. Г. Дружинина к С. Ф. Платонову.

Потом В. Г. Дружинин обращается к А. С. Лаппо-Данилевскому, пожалуй, самому трудному для характеристики человеку. По своим финансовым возможностям оба не были стеснены, так как принадлежали к обеспеченным семьям: Дружинины владели Кыштымскими заводами на Урале, а отец А. С. Лаппо-Данилевского до его поступления в университет был Таврическим вице-губернатором. Наблюдения за поведением А. С. Лаппо-Данилевского позволили В. Г. Дружинину дать ему довольно нелицеприятную характеристику как человеку, например, приведен случай на квартире Е. Е. Замысловского. Об этом подробно написал и П. А. Трибунский,⁵⁷ при этом исследователь пришел к выводу, что остаться «беспристрастным» в характеристике А. С. Лаппо-Данилевского В. Г. Дружинину «удалось

⁵⁶ Митрофанов В. В. «Воспоминания о литературных встречах и знакомствах» В. Г. Дружинина. Часть 1 // ВВА. Вып. 49. М.; СПб., 2025. С. 151–171. Кстати, самый большой по объему о нем очерк был опубликован и ранее: Дружинин В. Г. Гимназические годы И. А. Шляпкина: Из воспоминаний В. Г. Дружинина // За сто лет. Воспоминания, статьи и материалы. Пг., 1923. С. 97–106.

⁵⁷ Трибунский П. А. А. С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях В. Г. Дружинина // Клио. 2013. № 12 (84). С. 120–124.

не вполне». ⁵⁸ Думается, неуместно упрекать автора воспоминаний, что он не «назвал» «положительных примеров поведения» А. С. Лаппо-Данилевского, «сообщил весьма выборочную информацию» о нем, «преувеличил степень невежества Лаппо-Данилевского в вопросах отечественной истории» ⁵⁹ и т. п. А может, следует говорить, что не оправдались ожидания современного исследователя от приведенных В. Г. Дружининым набора сведений? Тем более, что обстановка написания воспоминаний была самая неблагоприятная для автора, который решал только ему понятные цели, работая над рукописью.

Определенные разногласия, о которых пишет В. Г. Дружинин, возникли у него с А. С. Лаппо-Данилевским в рамках Археографической комиссии и, по всей видимости, они имели место быть. Здесь следует заметить, что были они, например, и с Н. П. Павловым-Сильванским по вопросу оформления представленного для публикации исследования, да и с другими.

Сама характеристика как профессиональных, так и личных качеств позволяет увидеть в А. С. Лаппо-Данилевском противоречивую фигуру, а выдающийся же вклад в методологию истории был признан за ним уже после его смерти в расцвете творческих сил.

О Е. Ф. Шмурло, в оценке В. Г. Дружинина, «единственном ученике К. Н. Бестужева-Рюмина, достигшем карьеры», написано несколько абзацев. С его именем связано появление интересного и нового литературного архитипа, известного в узком кругу друзей — «шмурлить» (отвечать неоднозначно, неопределенно, неконкретно), как, впрочем, и другого — «середониум» (проводить время в развлечениях, отдыхе, а не в работе), в отношении С. М. Середонина.

Немного места отведено и А. И. Барбашеву. Здесь стоит отметить, что упомянутая душевная болезнь явилась результатом неприятностей, связанных с его монографиями, которые по своему научному уровню были невысоки. Об этом свидетельствует и ситуация с отзывом С. Ф. Платонова на представленную в историко-филологический факультет книгу на соискание докторской степени. ⁶⁰ Эта «неприятная и щекотливая история» для Сергея Федоровича нашла отражение и на страницах дневника Н. Н. Платоновой, которая, вероятно, со слов мужа, зафиксировала неожиданное и никогда не встречавшееся предложение В. Г. Васильевского — «дать докторство со снисхождением». ⁶¹

⁵⁸ *Трибунский П. А.* А. С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях В. Г. Дружинина. С. 123.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ *Митрофанов В. В.* Отзыв С. Ф. Платонова на книгу по истории средневековой Литвы // СВ. Т. 80. Вып. 3. М., 2019. С. 134–154.

⁶¹ Платонова Н. Н. Дневник. С. 74, 76, 80–81, 83, 99–100.

Особое отношение членов «кружка русских историков» было к А. И. Савельеву, о нем много пишет В. Г. Дружинин в нескольких местах своих воспоминаний. Его он называет «добрым, сердечным и ласковым стариком», так как тот, старше своих молодых друзей более чем на три десятка лет, был уже заслуженным генералом. Он делился своими воспоминаниями о прожитых годах и своей службе, что было определенным отдыхом в среде молодых ученых, а для самого рассказчика важна была аудитория слушателей. Симпатии были обоюдными. Это был заключительный рассказ об участниках «кружка русских историков». Напомним, что отдельные обширные очерки посвящены С. М. Середонину и Н. Д. Чечулину.

Таким образом, В. Г. Дружинин является третьим (первым был Е. Ф. Шмурло, затем С. Ф. Платонов) по хронологии участником известного неформального научного сообщества, вошедшего в историографию под названием «кружок русских историков», кто оставил свои ценные воспоминания о его составе.

Публикуемые материалы позволяют говорить о пересмотре плана воспоминаний и их структуры. Если на первых порах В. Г. Дружинин оформлял отдельные части в виде очерков, посвященных отдельным лицам, имеются и два тематических: о букинистах и годах учебы в университете, то в дальнейшем текст идет без всякого деления.

Ввод в полном объеме этого фрагмента, даст возможность дополнить и сравнить факты о жизни ученого сообщества России с другими уже известными, как архивными, так и опубликованными источниками.

В. Г. Дружинин

«Воспоминания о литературных встречах и знакомствах»

(Работа в московских архивах и библиотеках.

Прохождение военной службы.

«Кружок русских историков»)

Я не имел надобности добывать средства для жизни, родители давали мне достаточно карманных денег, и я жил у них на всем готовом. Средств этих было настолько достаточно, что я постепенно собрал себе хорошую специальную библиотеку.

В 1884 г. в мае я был командирован университетом в Москву на¹ разведку материалов для моей магистерской диссертации. Одновременно

¹ Далее зачеркнуто: разведку, собрание.

со мной был командирован магистрант В. Н. Латкин², будущий приемник Сергеевича по истории русского права. С моей командировкой дело прошло гладко, и я был допущен к занятиям в архивах Мин[истерства] Иностранных Дел и Юстиции. Но с командировкой Латкина вышла задержка. Он хотел изучать акты о московских земских соборах XVII в., хранившиеся в архиве Мин[истерства] Иностранных Дел. Директор этого архива барон Бюлер³ получил от Министерства Иностранных Дел предписание разрешить Латкину заниматься документами, испугался и написал министру⁴, что считает занятия документами о Земских соборах опасным с точки зрения государственной. От чиновников же потребовал, чтобы они отобрали указанные документы и принесли к нему. Он взял эти документы и спрятал к себе в стол под ключ. Чиновники перепугались, что он уничтожил эти документы. Они знали, что его предшественник, князь Оболенский⁵, не жалел документов и обращался с ними варварски. Он собирал документы с приговорами Боярской думы и интересующие его места, чтобы не переписывать, вырезал из документов.

Это были по преимуществу постановления Боярской думы, и складывал вырезанные части столбцов в особый ящик, без обозначения из каких столбцов они вырезаны, а остальные части столбцов уничтожал. Зная сумасбродство Бюлера, чиновники боялись, чтобы он как-нибудь не уничтожил документов. Но дело обошлось благополучно, и министр прислал повторное предписание — разрешить Латкину занятия и выдать ему документы для изучения и для издания. Министр не испугался убеждений Бюлера и не усмотрел в этих документах чего-либо опасного. Когда Латкин явился к Бюлеру, этот последний открыл свой стол и передал Латкину столбцы, и Латкин занялся ими в читальном зале архива и впоследствии напечатал документы⁶.

² Латкин Василий Николаевич (1858–1927) — ученый-юрист, исследователь правовой науки, ординарный профессор С.-Петербургского университета. По этому поводу С. Ф. Платонов заметил в одном из писем в Москву: «В феврале поедут в Москву в архивы Друж[инин] и Латкин» (*Митрофанов. В. В. «...я друг всякого образования»*. С. 215).

³ Бюлер Федор Андреевич (1821–1896) — барон, правовед и дипломат, действительный тайный советник, глава МГАМИД.

⁴ Гирс Николай Карлович (1820–1895) — дипломат, министр иностранных дел с 1882 по 1895 г.

⁵ Оболенский Михаил Андреевич (1806–1873) — князь, историк-архивист, директор МГАМИД.

⁶ *Латкин В. Н.* Материалы для истории земских соборов XVII столетия (1619–20, 1648–49 и 1651 годов). СПб., 1884. 288 с.

Меня предупредили, что Бюлер любит почет⁷, и к нему надо первый раз явиться во фраке, что я и сделал, и был принят им очень любезно. Поговорив со мной, он вызвал заведующего читальной залой архива Н. В. Станкевича и велел допустить к занятиям и выдать мне необходимые Донские дела. Я раскланялся и уже дошел со Станкевичем до двери обширного кабинета директора, когда Бюлер окликнул меня, чтобы я вернулся. Я вернулся. Тогда он сказал Станкевичу: «Вот, если эти не будут Вам давать документов и мешать занятиям, то скажите мне, и я устранию это!». Я был страшно сконфужен, поклонился Бюлеру и поблагодарил его, но, выйдя из кабинета, сказал Станкевичу, что не вызвал ничем такой реплики. Он мне ответил, что они привыкли к таким сумасбродным выходкам старика.

Здесь должен я остановиться на личности барона Бюлера. Вообще в Министерстве иностранных дел существовал обычай назначения директорами архивов Петербургского и Московского негодных дипломатов, которым таким образом давали возможность кормления до смерти, не выходя в отставку. В то время Бюлер был очень стар, ходил с палкой и слегка таскал ногу. Он был действ[ительным] тайным советником, имел много русских и иностранных орденов, чем очень кичился. Мне рассказывали в архиве, что он как-то совершил поездку на Кавказ в вицмундире и орденах. Архив он посещал ежедневно и около 12 часов дня обходил его. Он приходил в читальный зал, и все занимавшиеся вставали при его появлении. Двери в зал широко растворял дежурный сторож, шедший перед ним. Он здоровался [не] общим поклоном при входе в зал, а подходил к каждому из занимавшихся и обменивался словами. Он напечатал несколько статей в издававшемся сборнике архива, был членом московских ученых обществ. По рассказам А. А. Титова⁸ — ростовского археолога, в Москве была кутежная компания, в которой принимали участие В. Г. Румянцев⁹ — заведовавший московской синодальной типогра-

⁷ Вот какое прошение писал С. Ф. Платонов на его имя: «9 декабря 1893 г. Его высокопревосходительству господину директору Главного архива Министерства иностранных дел в г. Москве и. д. экстраординарного профессора Императорского С.-Петербургского университета надворного советника Сергея Федоровича Платонова.

Пршение

Имея надобность в ознакомлении с документами, касающимися внешних сношений Московского государства в XVI веке, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство о допущении меня к занятиям в вверенном Вам архиве в течение декабря сего года и января 1894 года. Сергей Платонов» (РГАДА. Ф. 180. Канцелярия МГАМИД. Оп. 7. Д. 4320. Л. 1).

⁸ Титов Андрей Александрович (1844–1911) — российский предприниматель, историк, краевед, археограф, коллекционер, общественный деятель.

⁹ Румянцев Василий Егорович (1822–1897) — археолог, библиограф.

фией, Е. В. Барсов¹⁰ — издатель Московского листка¹¹, бар[он] Бюлер. А из С.-П[етер]б[урга] наездом бывали А. И. Тимофеев — правитель дел Археографической комиссии, набиравший актовый материал для изданий Комиссии, и П. А. Гильтебрандт,¹² тогда справщик С.-П[етер]б[ургской] Синодальной типографии. Бюлер до смерти принимал участие в этой кутежной компании, и у них дым шел коромыслом. Иногда эта компания приезжала в С.-П[етер]б[ург], и тут их встречали Гильтебрандт и Тимофеев. И тут они также «весело» проводили время. Вообще Бюлер ничего замечательного не представлял, но как чиновная персона, с ним в Москве считались. Мне больше не пришлось его видеть в архиве, когда я приезжал в архив для работы в июне, а он в это время бывал в отпуске. Года через два он умер.

Архива я описывать не буду, т[ак] к[ак] есть прекрасное издание его описания с фотографическими изображениями его помещений, портретов, в нем хранившихся¹³. Теперь, говорят, здание архива снесено¹⁴.

В этот приезд я познакомился в лавке¹⁵ антиквара С. Т. Большакова¹⁶, о котором скажу, когда буду описывать московских антикваров и букинистов, с Е. В. Барсовым. Я зашел к С. Т. Большакову в лавку на Старой площади у стены и привез ему поклон от моего друга И. А. Шляпкина. Большаков меня ласково принял, и для первого знакомства купил у него старообрядческую рукопись. Мы раз-

¹⁰ Барсов Елпидифор Васильевич (1836–1917) — историк литературы, этнограф, фольклорист, собиратель и исследователь древнерусской письменности, археограф.

¹¹ «Московский листок» — ежедневная газета, выходившая в свет в 1881–1918 гг.; одно из первых в России изданий, ориентированных на массовую аудиторию.

¹² Гильтебрандт Петр Андреевич (1840–1905) — православный литератор и историк, археограф, палеограф и фольклорист. Правитель дел Археографической комиссии с 1893 по 1903 г. Сменил его В. Г. Дружинин.

¹³ Московский главный архив Министерства иностранных дел. Портреты и картины, хранящиеся в нем: [каталог]: (с 16 фототипированными таблицами). Вып. 1. М., 1898. 80 с.

¹⁴ Действительно, здание усадьбы Стрешневых-Нарышкиных было снесено и построено новое здание Библиотеки, ныне, Российская Государственная Библиотека.

¹⁵ Далее зачеркнуто: стари.

¹⁶ Большаков Сергей Тихонович (1842–1906) — антиквар, купец второй гильдии, ввел новшество — визитные карточки и открытки, комиссионер Румянцевского музея. Находился в переписке с В. Г. Дружининым (*Маслова Ю. В.* 1) Письма С. Т. Большакова к В. Г. Дружинину (по материалам РГАЛИ) // Старообрядчество. 2024. Т. 1. № 1. С. 90–107; 2) Письма Дмитрия и Николая Большаковых к В. Г. Дружинину (по материалам РГАЛИ) // Старообрядчество. 2024. Т. 2. № 2. С. 39–45). Немало сведений о нем оставил В. Г. Дружинин в опубликованном очерке (*Дружинин В. Г.* Букинисты с 1874 по 1915 г. // Библиофилы России. Т. 15. М., 2019. С. 457–491).

говорились. Он узнал круг моих интересов и спросил — знаком ли я с Е. В. Барсовым. Я сказал, что не знаком, но имею к нему рекомендательное письмо от пр[офессора] Замысловского. Большаков предложил пригласить Барсова, который сидел и пил чай тут же в трактире на Старой площади. Это был вечер и обычное время посещения Барсовым антикваров для покупки рукописей, которые он деятельно собирал. Большаков сбегал за Барсовым, тот явился, и Большаков нас познакомил. Перекинувшись первыми словами, я сказал Барсову, что занимаюсь историей старообрядчества, и по совету пр[офессора] Замысловского, от которого имею к нему, Барсову, рекомендательное письмо, приду к Барсову, с его разрешения для получения от него указаний, как от специалиста по моему предмету. (Барсов напечатал несколько статей по истории старообрядчества). На что Барсов неожиданно возразил мне: «Вот приходят ко мне молодые ученые, хотят воспользоваться принадлежащими мне рукописями, а мы за рукописи плотим деньги!». На это я ему буквально ответил: «Я так воспитан, что имею обычай сморкаться в мой собственный платок, а не залезать для этого за чужим платком в чужой карман. Я хотел лишь поговорить с ним, Барсовым, как специалистом по интересующему меня предмету». Эта моя реплика произвела на него впечатление, он сразу изменил тон и сказал: «Ну вот, он и обиделся! Пойдем ко мне и поговорим». Я отказывался, говоря, что не имею с собой письма пр[офессора] З[амысловского], но Барсов настоял на своем, взял меня под руку, и мы пошли к нему. Вечер был жаркий, а он был в толстом, длинном драповом пальто. Оно было расстегнуто. На нем был черный поношенный сюртук. Не помню, где он тогда жил. Мы вошли в небольшую его квартиру в первую из прихожей комнату. Я никогда не видел в жилом помещении такого хаоса. Комната была в два окна. Посреди стоял небольшой простой деревянный стол. На нем были разбросаны бумаги и корректуры. Стояла на нем чернильница, и лежали несколько ручек с перьями. Перед столом в углу до стены и за столом лежали две кучи рукописей в переплетах. Сбоку у стола был проход. По рукописям бегала собачка. Барсов на минуту ушел и переменял сюртук на красную косоворотку. Ворот у нее был расстегнут, и на отвороте были следы чернил от вытертых об него перьев. Хозяин предложил мне выпить с ним чаю. Отказаться мне не удалось. Немолодая уже женщина принесла нечищенный самовар, довольно сомнительной чистоты чайник и стаканы. Оказалось, что это была его жена — простая женщина, которую он вывез из Петрозаводска. У него была от нее дочь, которая его пережила. Жена была когда-то так называемой «вопленицей», сообщавшей ему заплачки по покойникам и другие произведения народной словесности.

Барсов заварил чаю, и пришлось выпить два стакана. Мы дружелюбно побеседовали, но существенных указаний он мне не дал. Мы расстались; он звал еще к себе, и я обещал занести ему письмо пр[офессора] Замысловского. Он показал мне несколько лицевых рукописей литературного содержания, которые усердно скупал. Старобрядческих рукописей он мне не показал. Историей старообрядчества он, видимо, более не занимался, а ранее, будучи преподавателем Олонецкой духовной семинарии, напечатал несколько статей по этому предмету довольно слабых. Пр[офессор] П. С. Смирнов¹⁷ — специалист по истории старообрядчества — сообщил мне, что пользовался в Олонецкой семинарии рукописями, которые были в руках Барсова. Оказывается, что Барсов вырезал подлинники сборников и заменял их копиями, им сделанными, и клеивал их в сборники на место вырезанных. Впоследствии Барсов издавал газету «Московский листок» и нажил себе этим дом: он очень хлестко писал. Часть собранных им при жизни рукописей он передал при жизни в Румянцевский, если не ошибаюсь, музей. Другую же часть — старообрядческие рукописи — он хранил в складе Московского Общества истории и древностей российских, а после смерти его дочь продала их этому Обществу. Куда поступили эти рукописи по закрытии Общества, не знаю. К Барсову я еще раз зашел с письмом пр[офессора] Замысловского, но не застал его и оставил письмо для передачи ему. Я встретился с Барсовым в 1886 г.¹⁸ в Ярославле, на Археологическом съезде. Он особой роли не играл. Одно только было известно, что после официального ужина, будучи в подпитии, он с кем-то, кажется с Иловайским¹⁹ — составителем учебников, плясал в присядку. Барсов напечатал ценные материалы народной словесности. Таковы «Причитания северного края» два тома и др[угие], напечатал свое исследование «Слова о полку Игореве» три тома, но не доведенного до конца.

В Москве же я зашел к Д. И. Иловайскому, к которому поручил зайти пр[офессор] Е. Е. Замысловский, и дал к нему письмо. Я вообще не склонен был ходить на поклонение к земным богам, но тут пришлось отнести письмо. Иловайский жил в собственном доме. К сожалению, я его застал и потерял час в беседе с ним. Он принял меня, как настоящий олимпиец, но никаких путных указаний мне не дал. Видимо, он совершенно не был знаком с историей старообрядчества.

¹⁷ Смирнов Петр Семенович (1861 — не ранее 1933) — историк и богослов, профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

¹⁸ Неточность повторяется, правильно 1887 г.

¹⁹ Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) — историк, публицист, автор учебников по русской и всеобщей истории.

Он носил изящный парик, т[ак] к[ак] голова его была совершенно гола. У него я больше не был.

После трехнедельной разведки в архивах я вернулся домой, убедившись, что материала достаточно, и сообщил пр[офессору] Замысловскому о результатах разведки.

Второй раз уже на работу в архивах я поехал в июне 1885 г. Я прямо пошел в архив Мин[истерства] иностранных дел. Бюлер был в отпуску, прошлогоднего разрешения было достаточно, и я начал читать Донские столбцы с 1650 г. из листа в лист и параллельно с ними Донские книги, содержавшие в себе копии с грамот, посылавшихся на Дон в Войско Донское в копиях XVII в. К сожалению, не все Донские книги дошли до нас. Столбцы были расклеены и сшиты в длинные тетради и по листам, и вшиты в бумажные обложки по делам. На обложках были заголовки, обозначающие содержание дел. Это была работа П. М. Строева²⁰. В читальном зале стояли ломберные столы. Я занимался за столом у стены под гипсовым бюстом историографа Карамзина²¹. За моим столом занимался всегда С. М. Соловьев²², о чем гласила медная доска с награвированной надписью. Там было очень удобно заниматься. Занятия в архиве начинались с 11 ч. утра, когда приходили на службу чиновники, а в 3 часа раздавался звонок, и занятия кончались. По субботам занятий в архиве не было. Заведующий читальным залом Н. В. Станкевич предоставил мне возможность работать большее количество часов. Он познакомил меня со сторожем Хомяковым, который обслуживал читательский зал, оставляя ему для меня столбцы, и разрешил ему впускать меня в архив в 9 часов утра, так что я имел ежедневно два лишних часа для занятий и занимался шесть часов вместо четырех. Впуск в архив был довольно сложен: снаружи ворота в стене, окружавшей здание архива, были забаррикадированы деревянными приспособлениями. Чтобы открыть их, Хомяков должен был выйти из архива. Поэтому он ожидал моего появления в остекленной прихожей, ведущей в архив. Ворота были железные, и сквозь них видел Хомяков мое появление на Воздвиженке. Он выходил из прихожей, отворял ворота и впускал меня в архив, а после меня опять забаррикадировал ворота. Я полу-

²⁰ Строев Павел Михайлович (1796–1876) — историк, археограф и библиограф, академик.

²¹ Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) — писатель и историк, академик.

²² Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) — историк, основоположник отдельного направления в российской историографии — «государственной школы», академик.

чал от него документы и, сидя один в читальном зале, занимался. Время за чтением документов и выписками из них шло незаметно. Я читал столбцы из листа в лист. Так и проходили незаметно шесть часов работы, и звонок неожиданно прерывал занятия. Для переписки актов Н. В. Станкевич рекомендовал мне известную в архиве переписчицу М. И. Шуйскую, очень опытную, прекрасно разбирающую скоропись столбцов и четко и разборчиво переписывавшую их. Я отмечал подлежащие переписки столбцы; а она их переписывала, и по мере накопления переписанного мы с ней считывали переписанное ею с подлинником.

Я следил по подлиннику, а она читала по своей копии вслух. Когда бывали случаи нецензурных наименований и урочищ, а такие встречались, она заявляла, что место написано неразборчиво, и мы шли дальше в считываемое. Она прекрасно разбирала и копировала столбцы. В течение 1885 и 1886 гг. она переписала до двух с половиной тысяч страниц большого формата почтовой бумаги. Эти копии я потом передал в Археографическую комиссию.

Как я уже выше сказал, читальным залом архива заведовал Н. В. Станкевич — племянник известного Станкевича, о котором напечатал исследование. Это был любезнейший человек. Он был кандидатом Ист[орико]-филологического факультета Московского университета. Я с ним сблизился по почве занятий в архиве. Я бывал у него на квартире, и он познакомил меня со своей женой. Он обладал независимыми материальными средствами. Он занимался переводом известий иностранцев XVI и XVII в. о России и печатал эти переводы в Чтениях Московского Общества истории и древностей, и присылал мне оттиски, а я посылал ему мою статью. Впоследствии он перешел на службу в Исторический музей, где заведовал читальным залом. В последний раз я встретил его в Политическом музее в 1921 г. Он был в отставке.

Выше среднего роста, с красивым умным лицом, с темными волосами и бородой — таким его помнил с 1907 г.; в этот раз я даже сразу его не узнал. Он как-то съезжился, сгорбился и обрился. Был он в каком-то военном платье. Мы встретились старыми друзьями. Он чем-то занимался в музее. Вскоре после этого он умер. Во мне он оставил самые дружеские и теплые воспоминания о себе.

С. М. Середонин, с которым мы жили в общих меблированных комнатах, поработав с месяц, уехал домой, а я остался еще на месяц в Москве для продолжения работы в архивах.

В архиве Мин[истерства] иностранных дел я познакомился еще со следующими лицами, занимавшимися одновременно со мной.

Назову проф[ессора] русской церковной истории С.-П[етер]б[ург-ской] Духовной академии протоиерея П. Ф. Николаевского²³.

Высокого роста, с красивым умным лицом, с прекрасными седыми волосами, зачесанными назад, и с седой же бородой, он носил синюю рясу, что особенно шло к его седой голове. Он занимался Малороссийскими столбцами, касающимися деятельности патриарха Никона. Замечательна была работа его, вероятно магистерская диссертация, о русской проповеди в XVI и XVII вв.²⁴, напечатанная в Журнале Мин[истерства] народного просвещения в 1867 г. Это были лучшие статьи по литературе этой эпохи, они вышли также отдельными оттисками в небольшом числе экземпляров, очень редко встречавшихся у букинистов. Из других его исследований назову две-три статьи его о начале патриаршества в России, напечатанных в «Христианском чтении»,²⁵ и др[угие], напечатанные в том же журнале. Он проводил лето в Москве, работал над историей времени патриарха Никона. К сожалению, он рано умер. Собранный им в архивах и библиотеках материал, видимо подавил его, и ему не удалось с ним справиться и обработать его, или ему не удалось отмежевать себе какую-либо сторону деятельности патриарха. Кроме духовной академии, он был священником при церкви Троицкой общины сестер милосердия, был вдов и не имел детей. После смерти его осталась тщательно составленная им на карточках библиография истории Русской церкви. Этот труд им не был издан и попал к брату его в село, где тот был священником, и таким образом пропал. А о[тец] Николаевский отдавал этой работе значительную часть своего времени, заботясь о полноте этой работы. В архиве мы каждый день встречались за работой, и он ко мне благоволил.

Мы тогда по субботам, когда не было занятий в архиве, работали над рукописями в Патриаршей библиотеке. Я подбирал варианты к памятнику XVI в. апокрифической беседе Сергия и Гермогена, Валаамских чудотворцев, который мы вместе с проф[ессором] М. А. Дьяконовым издали в Летописи занятий Археографической комиссии.

В 1886 г. в Патриаршей библиотеке вышел такой инцидент. Я жил тогда за Хотынским полем, в деревне Иваньковская, на даче у се-

²³ Николаевский Павел Федорович (1841–1899) — историк церкви, профессор русской церковной истории, протоиерей Русской православной церкви. В 1897 г. по совокупности трудов был удостоен степени доктора церковной истории.

²⁴ Тема магистерской диссертации «Русская проповедь в XV и XVI вв.».

²⁵ Речь идет о статьях: 1. Обстоятельства и причины удаления патриарха Никона с престола (1883 г.); 2. «Жизнь патриарха Никона в ссылке и заключении после осуждения его на московском соборе 1666 г.»; 3. «Материалы для истории раскола в XVII в.».

стры, в двух часах пути на извозчике и на конке от архива. В одну субботу я приехал в Патриаршую библиотеку и просил ризничего архимандрита Владимира²⁶ дать мне по примеру прежних посещений рукопись для занятий, забыв заранее ее заказать ему. Он отказал мне, говоря, что надо заранее указывать №№ потребных рукописей. Я объяснил ему причину, почему этого не сделал, и стал убеждать его сделать для меня исключение, т[ак] к[ак] приехал для занятий издалека, с дачи. Он ни за что не соглашался удовлетворить меня. Разговор проходил при о. Николаевском. Пришлось уйти, не получив рукописи, и потерять день. Когда я затем встретился с о. Николаевским в архиве, он сказал мне: «Ну и отчитал же из-за Вас Владимира за то, что он не дал Вам рукописи! Как же Вы приехали для занятий с дачи, а ему лень было снять с полки рукопись! Я его стыдил до того, что он мне, наконец, признался, что никак не мог дать мне рукописи, потому что у него вдруг схватил живот!». Он вообще негодовал на Владимира и бранил его. После этого случая я бывал в Патриаршей библиотеке, и Владимир был шелковый. С этим Владимиром был у меня в 1885 г. еще такой случай. Синодальную ризницу можно было обзирать до четырех часов пополудни, когда ризничий Владимир уходил служить вечерню. Как-то после занятий в архиве, в начале четвертого часа, пришел я к дверям ризницы, а там стоял часовой сторож. На деревянном диване перед дверью сидели три толстые купчихи. Часовой, по данной ему инструкции, не пускал в ризницу, ожидая большего числа посетителей. Я объяснил ему, что время проходит, и что нас могут не пустить; тогда часовой постучал в дверь, и Владимир вышел спросить, что надо. Часовой объяснил ему, что вот четверо ожидают его, чтобы осмотреть ризницу. Сначала Владимир возразил, что уже поздно, но, когда я возразил ему, что успеем, он спросил, сколько нас. Часовой объяснил, что, кроме меня, ожидают еще три «тетки». Тогда Владимир повел нас в ризницу. Там он вел себя совершенно неприлично. Быстро переходил он от одного предмета к другому, от одного облачения к другому, говоря сколько в них весу и каким патриархам принадлежали. «Тетки» клали перед саккосами²⁷ земные поклоны и крестились, а я тщательнее рассматривал эти чудные облачения и посохи. Владимир торопился, забегал вперед, а я отставал от «теток». Так буквально обещали мы всю первую комнату ризницы. Во второй комнате были выставлены предметы патриаршего обихода. Тут я еще больше стал

²⁶ Владимир (Филантропов, Василий Иванович; 1842–1916) — архимандрит.

²⁷ Саккос (греч. σάκκος — «мешок», «вретище») — верхнее архиерейское богослужбное облачение в православной церкви.

отставать, останавливаясь и рассматривая эти чудные предметы. Наконец, мы обежали и эту комнату. «Тетки» собрали Владимиру двугривенник, а он давал им брошюру о мироварении и другие. Дождавшись, когда «тетки» ушли, я подошел к Владимиру, дал ему рублевую бумажку с подчеркиванием, говоря, что благодарю за «подробное обозрение ризницы». Он немного опешил и заявил, что я много дал ему. Я же ответил ему, что это за подробный осмотр ризницы. Тогда он стал звать меня еще ее осматривать; я отказывался, но он потащил меня за рукав. Пришлось повиноваться. Я быстро обошел комнату. При прощании он стал совать мне брошюры и книжки, которые я уже имел, и я от них отказывался. Наконец, он дал мне книжку арх[имандрита] Иосифа с описанием кремлевских соборов и церквей²⁸, говоря: «Вы мне много дали — возьмите!».

Пришлось взять книжку, и мы распрощались. Так, я купил Владимира за один рубль! До сих пор не могу отделаться от этого тяжелого впечатления.

А между тем это был ученый монах, составивший ученое описание греческих рукописей Патриаршей библиотеки²⁹, том первый коего был напечатан Синодом!

В архиве же познакомился я с С. Ф. Огородниковым³⁰, штурманским подполковником, писавшим и даже печатавшим исторические сочинения по истории Архангельского порта³¹, составлявшего описание Морского архива, которое выходило под именем адмирала Веселаго³². Он же вместе с Коргуевым³³ составлял списки морских офицеров, очень полное справочное издание, которого вышло, если

²⁸ Речь идет о книге Иосифа («Левицкого Ивана», архим. Высокопетровского монастыря; 1831–1891) «Краткие сведения о московских соборах и монастырях, находящихся в Кремле», опубликованной в 1872 г.

²⁹ Речь идет о книге: *Владимир, архим.* Систематическое описание рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. Ч. 1. Рукописи греческие. М., 1894. 880 с.

³⁰ Огородников Степан Федорович (1835–1909) — офицер флота, участник Крымской войны 1853–1856 гг., историк, исследователь отечественной морской и военно-морской истории, писатель, краевед, автор трудов по истории Архангельского Поморья.

³¹ *Огородников С.* История Архангельского порта. СПб., 1875. 377 с.

³² Под именем адмирала Ф. Ф. Веселаго (1817–1895) вышло «Описание дел Архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия». За период с 1877 по 1907 г. комиссия (Ф. Ф. Веселаго, В. Г. Чубинский, Е. Е. Замысловский и др.) составила описание 73 фондов и подготовила 10-томное «Описание дел Архива Морского министерства» по 28 фондам центральных учреждений флота. Имя С. Ф. Огородникова упоминается после предисловия в т. 9–10.

³³ Коргуев Николай Алексеевич (1829–1900) — писатель, военно-морской историк.

не ошибаюсь, семнадцать томов³⁴. В своем ведомстве Огородников считался историком флота и приглашался ассистентом на экзамены в Морском корпусе по истории флота. Он был небольшого роста с большой головой, с седыми торчащими вверх волосами, с седыми баками и говорил басом. Он был холост и жил в С.-П[етер]бурге с сестрами — старыми девами. Он приехал в Москву собирать материал для истории Архангельска, тему заданную г[ородом] Архангельском по поводу юбилея города³⁵.

В награду за лучшее сочинение была обещана денежная премия. Он был большой чудака, но очень добрый человек. Он занимался в архиве столбцами по истории Севера. Мы каждый день встречались в архиве на работе, как-то ближе познакомились, и он стал посещать меня по вечерам на моей квартире. С. М. Середонин уже тогда окончил работу свою и уехал домой. Я предложил ему чаю, и он охотно согласился, заявив, что он будет приходить ко мне вечером: не надо будет ставить два самовара, отдельно у него и у меня. А пользоваться можно будет моим самоваром, не нужно будет жечь двойного числа свечей у него в номере и у меня. Видимо, он был стеснен в средствах. Я на все согласился, и он почти ежедневно посещал меня по вечерам, мы пили вместе чай и беседовали. Однажды вышел большой курьез. У меня было четыре тома Истории Соловьева — 12, 13, 14 и 15, по которым по вечерам я следил за ходом событий времени, которым я занимался. Тома были переплетены. Огородников увидел книги и спросил меня, можно ли их посмотреть. Я, конечно, разрешил, сказав, что это за сочинение. Он взял том и стал перелистывать. Каково же было мое удивление, когда он заявил, что книга очень интересная, и просил у меня позволение взять ее для просмотра. Я, конечно, разрешил. На следующий вечер он ее мне вернул, заявив «очень интересная книга; как жаль, что я не знал до сегодня о ее существовании! Она значительно облегчила мне мою работу!». Я не подал вида моему удивлению. В столбцах, которыми он занимался, попадались документы на голландском языке; он языка не знал и обращался к соседям по работе с просьбой прочесть документы. Но все отвечали, что языка не знают. Обратился он и к проф[ессору] Новороссийского университета, известному слависту Кочубинскому³⁶; он был очень самовлюбленный и напыщенный человек.

³⁴ Огородников составил 12 книг «Общего морского списка» (под ред. Ф. Ф. Веселаго) и первую часть 13-й книги, изданную в 1907 г. — под своей редакцией

³⁵ Архангельск основан в 1584 г. по указу Ивана IV Грозного вблизи Михайло-Архангельского монастыря.

³⁶ Кочубинский Александр Александрович (1845–1907) — профессор Новороссийского университета по кафедре славяноведения.

Его товарищи по университету говорили про него, что он не говорит, а вещает, не ходит, а шествует. Огородников имел неосторожность обратиться к нему. Кочубинский с важностью ответил, что голландский язык очень похож на немецкий, только слово «von» заменяется словом «wan». Но когда Огородников, сказав предварительно, что убежден в знании Кочубинским немецкого языка, попросил его перевести ему документ на голландском языке, то профессор отказался, т[ак] к[ак] ему пришлось признаться в незнании голландского языка, и храбро, только что дав ему характеристику, сел, что называется, в калошук к общей радости занимавшихся, т[ак] к[ак] важность Кочубинского возбуждала во всех улыбку. Впрочем, нужно отдать ему справедливость, его труды по славяноведению пользовались заслуженной репутацией.

Искал Огородников древнего плана XVII в. и карты Архангельска. Заведовавший отделом карт И. Ф. Токманов³⁷ заявил ему, что планы и виды Архангельска имеются, но что найти их, будет стоить сто рублей. Огородников жаловался мне на это, говоря, что у него нет таких денег. Таково было открытое требование взятки! Сам Токмаков имел кожевенную лавку и служил ради чинов и орденов. Он был человек без всякого образования³⁸, хотя составлял и печатал небольшие библиографические обзоры литературы разных областей, надо сказать, очень плохие. Огородников посещал меня в Петербурге, но к себе не звал. Сочинение об Архангельске он ко времени представил, но премии не удостоился³⁹. Огородников занимался также в архиве Мин[истерства] юстиции на Старой Басманной. Он очень наивно рассказывал мне, что спросил в архиве, сколько имеется книг с документами. Ему отвечали, что книг имеется немало, если не ошибаюсь, штук двадцать. «Я говорю, жаль, что мало, а сам думаю про себя, что хорошо, скоро с ними справлюсь». В другом случае, ему о других книгах сказали, что их имеется до ста пятидесяти. «Я отвечал: очень рад! А сам про себя думаю: черт возьми!». Он уехал в Петербург после месяца работы.

Мне также пришлось работать в архиве Мин[истерства] юстиции на Старой Басманной. Здание было ветхое, полы были некрашенные и ходили под ногами. Вокруг архива был запущенный сад. Читальный зал был очень прост, не наряден. Это был длинный, не очень

³⁷ Токманов Иван Федорович (1856–1915) — писатель-археолог, краевед, автор множества публикаций по истории городов, сел и церквей России, библиографом.

³⁸ В 1872 г. окончил московское учебное заведение второго разряда Э. В. Беркова.

³⁹ В 1890 г. была напечатана составленная им «История города Архангельска в торгово-промышленном отношении», за которую он получил Сидоровскую премию в размере 1000 рублей.

широкий зал. Посредине его стоял длинный очень простой стол, ничем не покрытый, а кругом него стулья для занимающихся. Слева, во главе стола сидел заведующий залом чиновник, по специальности морской офицер. Он составлял почему-то алфавиты на листах бумаги, а потом разрезал их на узкие ленты с отдельными фамилиями и складывал эти ленты в пачки в алфавитном порядке по буквам. Одет он был в черный поношенный сюртук и белые полотняные брюки, крахмального белья не носил. Он не производил впечатления образованного человека. Складывал он листки медленно и нередко ронял пачки на пол, они рассылались; надо было их вновь подбирать. Это было похоже на Сизифову работу. Делал это он как-то безжизненно, что наводило на уныние занимающихся. Часа через два он подходил к некоторым занимающимся и проверял свои карманные часы. Все его движения были чрезвычайно медленны. Он всегда был плохо обрит. В целом же он был очень любезен. Не помню почему-то, если не ошибаюсь, для получения документов мне приходилось проходить в канцелярию архива через другие помещения архива. Везде была та же простота и ветхость помещений. В других хранилищах архива тоже стояли столы, и за ними занимались чиновники архива. Некоторые из них были одеты подобно нашему заведующему залом, только вместо сюртука были одеты в коричневые летние пальто, совершенно выцветшие от древности, и походили на архивных крыс. В канцелярии архива — большой светлой комнате — сидели старшие чиновники архива, заведовавшие отделениями архива. Начальником архива был Н. В. Калачов⁴⁰, но в архиве он, по-видимому, никогда не бывал, я, по крайней мере, никогда его там не встречал. Он, по-видимому, жил в Петербурге, где был директором Археологического института⁴¹. В архиве же сидел его помощник Николаев⁴², за ним был Зерцалов⁴³ и Холмогоров⁴⁴. Получая в архиве гроши, все они работали на сторону, выбирая документы и где возможно печатая их. Я занимался книгами Патриаршего казенного приказа по раздаче вновь построен-

⁴⁰ Калачов Николай Васильевич (1819–1885) — юрист, историк, археограф, архивист, писатель, профессор истории русского права. В 1865 г. стал управляющим МАМЮ.

⁴¹ В 1877 г. Н. В. Калачов создал и стал первым директором Петербургского археологического института.

⁴² Николаев Иннокентий Николаевич (1829–1888) — известный архивист. Служил в МАМЮ с 1853 г.

⁴³ Зерцалов Александр Николаевич (1839–1897) — историк. Служил в архиве МАМЮ.

⁴⁴ Холмогоров Гавриил Иванович (1842–1902) — известный архивариус МАМЮ.

ным церквям патриаршей области антиминсов⁴⁵. Это мне было нужно для определения времени постройки и освящения церквей на Дону, т[ак] к[ак] Донское войско было подведомственно по церковным делам непосредственно патриарху. Перебирая и перечитывая одну книгу, я случайно набрел на такую запись: «Выдан антиминс (не помню какой) такой-то церкви (не помню где она находилась). Поп (не помню его имени) такой-то антиминс получил и расписался своею ногою»⁴⁶ (вместо рукою)! Такова была формула записи антиминса и выдавшего. Как явилась такая запись в официальной книге, совершенно непонятно. Сначала я не поверил своим глазам и показал запись для проверки себя моим соседям по занятиям. Они подтвердили, что такова действительно запись. И все мы дались диву. Эта запись точно издана мною в моей книге «Раскол на Дону в XVII в.», и там обозначена книга Патриаршего приказа и лист, на котором она находилась⁴⁷. Столбцами в архиве мне не пришлось заниматься. Они хранились нерасклеенными в так называемых «колесах» и не были описаны, почему и пользоваться ими было невозможно. В архиве составлялись описания документов, но дело шло очень медленно. Составляли описания люди с высшим образованием, служившие в архиве Петровский⁴⁸, Оглоблин⁴⁹ и др[угие]. Дело шло медленно потому, что вместо описания столбцов, они составляли научные обзоры учреждения, к которому документы относились. Напр[имер], Петровский напечатал исследование о Сенате⁵⁰, Оглоблин о Сибирском приказе⁵¹ и т. д. Исследования были интересны, но не давали самого существенного — описания самих столбцов. Когда архив переехал в новое помещение,

⁴⁵ Антиминс (др.-греч. ἀντί — «вместо» и лат. mensa — «стол, трапеза»: «вместо-престолие») — четырехугольный плат в православной традиции со вшитой в него частицей мощей какого-либо православного мученика.

⁴⁶ Подчеркнуто в ркп. На стр. 220, примеч. 8, автор ссылается на книгу Патриаршего Казенного приказа № 138, где перечислены выданные антиминсы «Донском казакам для новопостроенных церквей», но этой фразы не встречается. Слово антиминс встречается в тексте всего пять раз («Досифей и взял тот антиминс, с которым, как ниже увидим, он явился на Дон» (С. 75), «...да еще принесшего антиминс» (С. 76), «...что у него есть антиминс и ставленная грамота...» (С. 76), «...патриарх давал антиминсы...» (С. 221).

⁴⁷ Этой записи в исследовании не выявлено.

⁴⁸ Сергей Александрович Петровский (1846–1917) — архивист, историк-археолог.

⁴⁹ Оглоблин Николай Николаевич (1852—1918/1933) — историк-археолог, публицист. Публиковал обзоры документов XVI–XVIII вв., главным образом по истории Сибири.

⁵⁰ О Сенате в царствование Петра Великого: Историко-юридическое исследование Сергея Петровского. М., 1875. 349 с.

специально для него выстроенное на Девичьем поле, директором был назначен пр[офессор] Д. Я. Самоквасов⁵², то дело описания приняло другой оборот.

Новый директор потребовал описания столбцов по приказам. Это вызвало сначала конфликт между ним и описывателями столбцов. Но все же он настоял на своем, и в результате почти ежегодно выходили из печати тома описания столбцов. Средств стали отпускать больше, и дело стало идти быстрее. В ответ на согласие описателей Д. Я. Самоквасов предоставил им один час ежедневно для своих личных занятий. Здание для архива было построено по последним данным наук. Высокое здание было оборудовано без дерева: были сделаны железные балконы, на которых на железных полках хранились документы, стоящие один над другим в рост человека. Между балконами двигались железные же тележки на рельсах. Отдельно был зал для занятий. Вообще здание было прекрасное и нестараемое. К сожалению, ему не дали хорошенько просохнуть и документы перевозили поздней осенью; шел дождь и снег, и многие документы подмокли. Я как-то был в архиве после его переезда, и данные мне для занятий столбцы были сыры; тогда мне объяснили причину их влажности.

В Москве я занимался также рукописями в Хлудовской библиотеке⁵³. Для нее бывшим ее владельцем купцом А. И. Хлудовым было построено специальное здание в ограде Никольского единоверческого монастыря в Лефортове, рядом с Преображенским кладбищем⁵⁴. Самый монастырь представлял из себя замечательную постройку конца XVIII века, сооруженную федосеевцем купцом И. А. Ковылиным⁵⁵

⁵¹ Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.): В 4-х ч. / Сост. Н. Н. Оглоблин.

Документы воеводского управления. М.: 1895. Ч. 1. 422 с.; Документы таможенного управления. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете. 1897. Ч. 2. 162 с.

Документы таможенного управления. М.: Унив. тип. 1900. Ч. 3. 394 с.; Документы воеводского управления. М.: Унив. тип. 1901. Ч. 4. 422 с.

⁵² Самоквасов Дмитрий Яковлевич (1843–1911) — археолог, историк права, архивовед, профессор, с 1892 г. — управляющий МАМЮ.

⁵³ «Хлудовская библиотека» — коллекция древнерусских рукописей и книг, которую собирал московский купец Алексей Иванович Хлудов (1818–1882). После смерти А. И. Хлудова, согласно его завещанию, вся коллекция была передана в Никольский единоверческий монастырь в Москве. В 1883 году библиотека была открыта.

⁵⁴ Преображенское кладбище — бывшее старообрядческое кладбище в Москве, до начала XX века — центр старообрядцев-федосеевцев.

⁵⁵ Ковылин (Кавылин) Илья Алексеевич (1731–1809) — купец, основатель одного из наиболее значительных старообрядческих центров.

в годы московской чумы. История Преображенского кладбища известна, и я не буду повторяться. Рядом были построены два монастыря, каждый обнесенный каменной оградой. В каждой ограде было по нескольку часовен, наполненных великолепными старинными иконами, которые федосеевцы умели получать, заменяя старинные иконы в церквях новыми за известную мзду. Этим занимался, по документам судя, купец Пакулин⁵⁶. Так из Сольвычегодска были перевезены почти все иконы Строгановского письма⁵⁷ XVI в. Впоследствии в XIX в. женскую обитель заняли при помощи администрации единоверцы, а женщин из нее переселили в мужскую обитель. В ограде был сад, а посреди его обращена в церковь часовня с великолепными древними иконами. В отдельном здании, специально построенном, и хранилась Хлудовская библиотека, состоявшая из 500 ценнейших старинных рукописей (были и пергаменные, и знаменитые лицевые рукописи, напр[имер], псалтыри, до 250 старообрядческих рукописей и столько же редких старопечатных книг). По смерти владельца все собрание поступило в собственность монастыря. Пользование рукописями и книгами было весьма доступно. Был библиотекарь из монахов монастыря. Монастырь был бедным, но собрание старообрядных рукописей пожертвованиями увеличивалось впоследствии еще тремястами рукописями. Настоятелем монастыря до моего посещения был архимандрит Павел Прусский⁵⁸, оставивший после себя четыре тома миссионерских проповедей⁵⁹. Это был перешедший из беспоповцев человек, весьма просвещенный и начитанный. Он состоял деятельным членом братства св. Петра митрополита⁶⁰ вместе с проф[ессором] Московской Духовной академии по кафедре истории старообрядчества Н. И. Субботиным⁶¹. При жизни А. И. Хлудова библиотекарем у него был

⁵⁶ Николай Андреевич Папулин (1779–1848) — купец, предприниматель и коллекционер, старообрядец.

⁵⁷ «Строгановская школа» — одно из направлений в русской иконописи конца XVI — 1-й четверти XVII в. Иконы так называемых «строгановских писем» отличаются тонкой миниатюрной техникой и высоким мастерством письма.

⁵⁸ Павел (Леднев) Прусский (1921–1895) — священнослужитель Русской православной церкви, архимандрит, настоятель Московского Никольского единоверческого монастыря.

⁵⁹ Полное собрание сочинений Никольского единоверческого монастыря настоятеля архимандрита Павла. Т. 1, 2. М., 1897; Т. 4. М., 1899.

⁶⁰ Братство святого Петра Митрополита — неформальное церковное общественное объединение священнослужителей и мирян Русской православной церкви, созданное в Москве в 1872 году.

⁶¹ Субботин Николай Иванович (1827–1905) — историк церкви, публицист, доктор богословия, заслуженный профессор Московской духовной академии. В 1872 г. стал учредителем Братства святого Петра Митрополита.

И. В. Борисов⁶², с которого Мельников-Печерский⁶³ срисовал В. В. Борисова, повторявший постоянно «ох, искушение». В братстве были миссионеры — начетники, напечатывавшие свои беседы со старообрядцами и вопросы и ответы по обрядовым словам. Я бывал в Никольском монастыре для работы в Хлудовской библиотеке по воскресеньям. Там, после обедни, около 12 часов дня, за оградой монастыря на окружавшей его площади собирались старообрядцы и беседовали между собой и с миссионерами Никольского монастыря о волновавших их церковно-обрядовых разницах и преимущественно об Антихристе. Диспуты эти происходили под открытым небом до вечера, пока было светло. Споривших обступали кучки слушателей, и таких диспутов бывало несколько сразу. Однажды мне пришлось присутствовать при другом любопытном диспуте. В ограду монастыря пришел с соседнего Преображенского кладбища «отец», т. е. заменявший там священника, Василий Пимонович. Он пришел навестить кого-то из знакомых монахов. Встретился он с М. Е. Шустовым⁶⁴, миссионером. Они встретились, как приятели, и завели спор об Антихристе. Вечер был очень теплый, и нас было человек шесть слушавших эту беседу. Сели на траву, и Василий Пимонович просил Михаила Ефимовича одну старопечатную книгу для толкования и стал задавать вопросы. Книга была принесена, и Василий Пимонович стал отыскивать потребные места. Но память ему изменяла. Тогда Михаил Ефимович взял у него книгу, спрашивал, какие предметы интересуют собеседника его, и тотчас же подсказывал страницы и замечал их закладками. Василий Пимонович одобрял Михаила Ефимовича. Видимо, споры по поводу найденных мест происходили нередко. По нахождении всех нужных мест диспут начался. Василий Пимонович оказался гораздо слабей Михаила Ефимовича, но, тем не менее, не сдавался и не соглашался со своим оппонентом. Поспорив часа полтора, спорившие мирно разошлись, не убедив друг друга.

Другой интересный тип мне удалось встретить. В монастыре жил и слушал убеждения миссионеров старик, пришедший с Рогожского кладбища⁶⁵, бывший николаевский солдат. Высокого роста, ему было лет за 70, с умным лицом и правильной речью. К нему пришли три

⁶² И. В. Борисов — библиотекарь, старообрядец.

⁶³ Мельников Павел Иванович (1818–1883; псевдоним — Андрей Печерский, также известен как Мельников-Печерский) — писатель-реалист, публицист, этнограф-беллетрист.

⁶⁴ Мина (?–1911; в миру Михаил Ефимович Шустов) — архимандрит, настоятель Никольского единоверческого монастыря в Москве, миссионер.

⁶⁵ Рогожское кладбище в Москве уже не первый век является духовным и культурным центром старообрядчества в России. Оно основано в 1771 г.

начетника с Рогожского кладбища и старались убедить вернуться к ним на кладбище. Я поинтересовался, и он сообщил мне, что привело его сюда. Он родился в старообрядческой семье. Но его сбил с толка неправильно понятый и истолкованный им⁶⁶ текст, что истинная вера должна быть гонима! Он стал искать «гонимую» веру, переходил от одного толка в другой и, как искреннего человека, ни один из толков его не удовлетворял и не давал правильного, с его точки зрения, толкования текста, и всю жизнь он продолжал искать этой «гонимой» веры. Будучи старообрядцем, он был взят на военную службу при императоре Николае I, и там ему пришлось терпеть притеснения со стороны начальства; но он не сдавался, все переносил до получения наказания шпицрутенами. Прожил он тяжелую военную службу и стал продолжать свой поиск. Наконец, он попал на Рогожское кладбище; но и там т[ак] называемая «австрийская» вера его не удовлетворила, а главное, его смущала продажная обстановка кладбища.

Теперь с Рогожского кладбища попал он в Никольский монастырь. Он был свеж и бодр духом. Беседы с Никольскими миссионерами пришлись ему по душе, и он остался доживать век в монастыре, несмотря на то, что монастырь был бедный. Рогожские миссионеры не убедили его вернуться к ним.

Т[аким] о[бразом], Хлудовская библиотека, кроме научных целей, служила и практическим миссионерским. Библиотека состояла из рукописей и книг старопечатных⁶⁷ и была научно описана А. Н. Поповым⁶⁸, но это описание было издано не для продажи, в ограниченном

⁶⁶ Далее зачеркнуто: такой.

⁶⁷ Собрание Алексея Ивановича Хлудова образовалось, главным образом, из трех коллекций: А. И. Озерского, А. И. Лобкова и А. Ф. Гильфердинга и в 1872 г. состояло из 361 рукописи, в числе которых было 69 — на пергамене и бомбичине, более 60 принадлежало к числу памятников древнего письма (конца XIV в.), почти столько же — к памятникам югославянским; кроме того, в собрании было много замечательных русских списков древних памятников и более 100 полемических сочинений за и против раскола в Русской церкви. К концу жизни А. И. Хлудова его собрание включало 624 рукописи и 717 первопечатных книг. В коллекции были списки «Стоглава», сочинения и переводы Максима Грека, труды раскольников, греческие псалмы IX века. Среди редчайших образцов коллекции особенно значимые «Творения Иоанна Дамаскина» в переводе князя Андрея Михайловича Курбского с собственноручными его заметками; Псалтирь 1212 г.; Евангелие 1323 г. и др. После кончины свою библиотеку Алексей Иванович Хлудов завещал передать в Московский Никольский единоверческий монастырь. И в 1883 г. смежно с Крестовоздвиженской надвратной церковью была открыта «Хлудовская библиотека».

⁶⁸ Попов Андрей Николаевич (1841–1881) — историк, профессор. Речь идет о книгах: Попов А. 1) Описание рукописей и Каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. 664 с.; 2) Первое прибавление к описанию рукописей к каталогу книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1875. 94 с.

числе экземпляров на толстой бумаге. В свое время я купил его при помощи пр[офессора] Н. И. Субботина⁶⁹. Я заплатил за этот том 15 руб., и Н. И. Субботин писал мне, что устраивает его за дешевую цену. Впоследствии я нашел еще более редкий экземпляр этого описания, отпечатанным на простой, тонкой бумаге. Это был экземпляр из немногих авторских экземпляров. Он был удобен для занятий, чем напечатанный на толстой бумаге. В Москве я работал также в Румянцевском музее, в рукописном его отделении. Заведовавшим этим отделением был и поныне здравствующий Г. П. Георгиевский⁷⁰, потому не буду описывать встречу с ним.

Вернувшись в Петербург, я стал работать над диссертацией. Тут я должен вернуться к более ранним работам в университете. По окончании курса университета я стал заниматься чтением старообрядческих рукописей. Узнав, что такие рукописи имеются в музее Общества любителей древней письменности, который именовался «складом» Общества, я постарался туда проникнуть. Мой друг И. А. Шляпкин предложил мне познакомить меня с председателем Общества князем П. П. Вяземским⁷¹, сыном поэта, и тот по представлении меня ему разрешил мне заниматься ими. Кн[язь] Вяземский был тогда начальником управления по делам печати⁷². Его фигура была весьма замечательна. Высокого роста, очень плотный, со всклокоченными волосами, он был одет в черный засаленный сюртук, был с моноклем в глазу. Жил он во флигеле дворца графа С. Д. Шереметева на Фонтанке. Он принял меня в своем рабочем кабинете. Это была длинная, довольно узкая зала весьма высокая, посередине стоял простой длинный стол, на котором в беспорядке были разбросаны старинные рукописи, рукописи самого князя — его ученые работы. Тут же и на стульях были рисунки в сверстках. Сам кн[язь] Вяземский хорошо рисовал. Хаос был полный, и, видимо, только сам хозяин мог в нем разобраться. Кн[язь] Вяземский вместе с зятем своим графом С. Д. Шереметевым основали в 1877 г. Общество любителей древней письменности, которое сыграло такую видную роль в деле издания и изучения лицевых памятников литературы и их издания fac-simile⁷³. Сам князь

⁶⁹ Субботин Николай Иванович (1827–1905) — историк церкви, публицист, доктор богословия, заслуженный профессор и преподаватель Московской духовной.

⁷⁰ Георгиевский Григорий Петрович (1866–1948) — русский и советский археолог, библиограф, историк, книговед и церковный историк. С 1903 г. — хранитель Отделения.

⁷¹ Вяземский Павел Петрович (1820–1888) — князь, почетный председатель Общества любителей древней письменности (ОЛДП).

⁷² Был начальником Главного управления по делам печати (1881–1883).

⁷³ Факсимильные снимки с памятников древней письменности общество начало издавать в Санкт-Петербурге в 1877 году — отдельными номерными книгами (вып. 1–136, 1877–1917).

Вяземский имел [собрание] до 500 рукописей, которое перед смертью продал Обществу, где оно было поставлено в отдельный шкаф, на котором висел его портрет. Кн[язь] Вяземский был не чужд ученых работ. Между другими его исследованиями известно его сочинение о Слове о полку Игореве⁷⁴. Кн[язь] Вяземский принял меня ласково и разрешил заниматься в Складе Общества. Он был знаком с моим отцом по Английскому клубу. Между прочим, он был страстный игрок в карты и всегда нуждался в деньгах. Вскоре я попал в Склад Общества и был допущен библиотекарем Общества Е. Н. Опочининым⁷⁵, недоучившимся любителем старины, начетчиком в истории русской литературы, пописывавшим недурные стихи, умершим где-то в 30-х г. XX столетия слепым. В Складе я впервые ознакомился с Поморскими ответами и прочел их. Заниматься в Складе можно было с 11 ч. до 4-х дня. Я приходил около часа и уходил около 4-х. Здесь я впервые был представлен графу С. Д. Шереметеву, женатому на дочери кн[язя] Вяземского. Однажды часа в два зашел в помещение, где я занимался, среднего роста человек в флигель-адъютантском сюртуке с красивым круглым породистым лицом с круглой бородой с проседью. Е. Н. Опочинин подобострастно подошел к нему⁷⁶, с ним раскланялся и тут же представил меня, заявив, что кн[язь] Вяземский разрешил мне заниматься рукописями.

Гр[аф] Шереметев задал мне несколько вопросов. Он не то шепелявил, не то картавил. Говорил очень порывисто нервно. После этого он ушел в другую комнату и там занялся со служителем размещением каких-то предметов. Когда при нем никого не было, он рассуждал вслух, как бы говоря сам с собой. Общество было его любимым детищем и существовало почти исключительно на его средства. Он каждый день посещал Склад. Иногда ему приносили туда завтрак. Склад, собственно музей Общества, в котором проходили вечером заседания один раз в неделю по пятницам в 8½ часов вечера. Этот склад представлял из себя очень красивое и производящее впечатление по убранству своему помещение. Он был в нижнем этаже и выходил окнами в сад, и имел два входа: один парадный, с подъездом, прихожей, где швейцар снимал с посетителей пальто, а другой с противоположной стороны, выходивший на черную лестницу дома и тоже в сад. За при-

⁷⁴ «Замечания на „Слово о полку Игореве“» (1875) — книга-исследование, которая представляет собой построчный филологический и сравнительно-исторический комментарий к тексту памятника. Вяземский предположил, что на создание «Слова» повлияло творчество Гомера.

⁷⁵ Евгений Николаевич Опочинин (1858–1928) — литератор, историк, фольклорист, который был хранителем библиотеки и музея Общества любителей древней письменности.

⁷⁶ Далее зачеркнуто подобострастно.

хожей с парадного входа была небольшая комната, уставлена шкапами с книгами — библиотекой Общества. Отсюда дверь вела в длинный сводчатый зал, неширокий. У наружной стены, под окнами, коих было, если не ошибаюсь, 12, стояли витрины с раскрытыми лицевыми рукописями. Через каждые три окна был выступ, на котором покоился свод. Эти выступы и стены были обвешаны шкапами и щитами с медными крестами и складнями, а потолок был покрыт листами из лицевых изданий Общества. Посредине стоял длинный стол, покрытый зеленой суконной скатертью.

С потолка спускались электрические лампы с жестяными абажурами. С потолка же среди стола спускалась деревянная тонкорезная красивая люстра, но не дававшая освещения. После 9-го окна поперек стола, за проходом к нему, была как бы отделена комната другим столом, на котором под стеклянным колпаком помещалась деревянная модель какой-то церкви. С боков этой витрины были проходы как бы в соседнюю комнату, которая была убрана так же, как и зал, иконами и щитами, и складнями. Были развешаны в рамках поморские акварели. За этой комнатой была еще одна, и в ней хранились вещественные памятники — плиты с надписями, каменные кресты. Тут же стоял стол для работы сторожа — переписчика. За перегородкой была уборная и второй черный вход.

В общем, как я уже сказал, впечатление от убранства зала было сильное. Общество было основано в 1877, но в то время я еще не посещал заседаний Общества. Общество тогда состояло⁷⁷ из почетных членов, действительных (эти платили по 200 р. в год членского взноса) и корреспондентов. Почетные члены и корреспонденты ничего не платили. Почетные члены получали бесплатно все издания Общества, а корреспонденты только «Памятники древней письменности», которых выходило в год от 10 до 12 номеров с исследованиями и изданиями текстов памятников древней литературы. Общество издавало лицевые рукописи fac-simile. Это были номерные издания. В то время в Обществе были только «любители», настоящих ученых не было, что существенно отразилось на изданиях Общества первых лет. Был председатель, избравшийся на три года, секретарь, были три члена Комитета, распоряжавшиеся изданиями, казначей, библиотекарь и служитель-писец. Около изданий группировались дилетанты, вроде Булгакова⁷⁸, а самые лицевые издания за немногими тоже велись ненаучно. Особенно слабы были так называемые «автографированные» издания, которые потом прекратились. Производились они таким

⁷⁷ Далее зачеркнуто: председателя.

⁷⁸ Булгаков Федор Ильич (1852–1908) — секретарь ОЛДП.

образом. Переписчик Елисеев, опытный в подделке рукописей, умевший подражать старинным почеркам, брал рукопись с миниатюрами по указанию Комитета, накладывал на первые листы рукописи бумажную кальку, и первые страницы ее [таким] образом копировал он типографскими чернилами. А затем, считая, что рука достаточно освоилась с почерком рукописи, копировал без кальки, прямо на глаз. Миниатюры издавались литографией в красках, а текст по копии Елисеева. Разумеется, такое издание научного значения никакого не имело. Другое издание было очень нарядно: это житие митрополита Алексея, лицевое, половина рукописи в красках, а половина в контурах. Так же точно, неудачно было издание Святославова изборника 1073 г.: полным fac-simile при помощи литографии. Этот способ требовал корректуры, а редакция была поручена члену и правителю дел Археологической комиссии А. И. Тимофееву, хорошо читавшему скоропись XVI и XVII вв., но совершенно не знакомому со славянской палеографией и написанием славянских букв, допустившим целый ряд ошибок в тексте. Это было обнаружено профессором Ягичем⁷⁹ в строгой критической статье, напечатанной им в его журнале «Archiv für Slawische Philologie»⁸⁰. На издание изборника пожертвовал один из московских Морозовых до 100 т[ысяч] рублей. Так же точно, неудачно было издание Крюкового обихода в пяти томах: был неправильно выбран оригинал, и издание очень нарядное не имело практического применения. Впоследствии Общество перешло в научное русло и перестало издавать картинки, не имевшие научного значения. Средства Общества состояли из членских взносов по 200 р. в год, очень неаккуратно вносившихся, и из пожертвований на %% с капиталов Общества, которых накопилось до 60 тыс. рублей.

Их жертвовали все члены семьи графа С. Д. Шереметева. Кроме того, он сам и его брат А. Д.⁸¹ жертвовали деньги на издания. Учреждения могли подписываться на издания Общества, уплачивая по 75 р. в год за все издания. На этом я пока прерву описание Общества и перейду к нему впоследствии, когда я уже посещал заседания Общества.

В С.-П[етер]б[урге] я жил на Сергиевской у родителей и, ходя по этой улице в конце ее от Литейного проспекта до Фонтанки, я часто встречал среднего роста полного человека, одетого в длинное однобортное пальто, застегнутое сверху донизу, зимой с меховым ворот-

⁷⁹ Ягич Игнатий Викентьевич (1838–1923) — преподавал в Петербургском университете в 1880–1886 гг.

⁸⁰ Старейший журнал по славянской филологии, считавшийся лучшим в данной области для своего времени.

⁸¹ Шереметев Александр Дмитриевич (1859–1931) — граф, меценат и музыкант-любитель.

ником и в котиковой круглой теплой шапке, с руками, заложенными за спину. С ним ходили две девочки лет 8 или 10, чистенько одетые, и при нем бежали две моськи или какие-то другой породы комнатные небольшие собачки. Я знал, что это был И. А. Гончаров⁸². Девочки были дочери его старшего лакея⁸³. Пользуясь тем, что он был знаком с моим дядей А. В. Дружининым⁸⁴, я решил пойти к нему и просить его автографа. Он жил в то время на Моховой улице, близ Сергиевской в доме Устинова⁸⁵, в первом от углового дома, во дворе. Он занимал небольшую квартиру в первом этаже. Из прихожей, собственно передней, вела дверь в его большой кабинет. На полу был разослан ковер. Мебели было немного: большой письменный стол, диван, шкафы с книгами в рост человека с двухстворчатыми стеклянными дверями и зелеными шелковыми занавесками, стулья. Малая обстановка давала кабинету вид очень просторной комнаты. Я пришел днем, позвонил. Лакей отпер дверь. Гончаров оказался дома. Я послал визитную карточку, и хозяин принял меня очень любезно.

Я напомнил ему о моем дяде и просил автографа, как его почитатель. Он мне ответил, что экземпляров сочинений у него нет, а вот, если я принесу ему экземпляр какого-нибудь его произведения, он охотно исполнит мою просьбу, и даст на нем свой автограф. Я купил экземпляр «Фрегата Паллады» и опять зашел к Гончарову. Он опять принял меня ласково и на заглавном листе написал, что дарит экземпляр мне с «пожеланием благополучно плавать по всем морям, в том числе по морю житейскому». Я поблагодарил его и ушел; экземпляр я сохранил до последнего времени. После этого Гончаров вскоре умер⁸⁶.

В конце 60-х гг. на Моховой улице жила у бабушки Марии Павловны компаньонка гдовская — помещица М. А. Жилина. Приходя к бабушке, мы постоянно ее встречали. Она была лет около тридцати и очень красива собой. У ней была отдельная комната. У бабушки стали мы встречать молодого профессора физики Михайловского артиллерийского училища и Академии гвардии штаб-капитана Александра

⁸² Писатель умер 27 сентября 1891 г., следовательно, встречи были в период прошедшей зимы.

⁸³ Речь идет о К. Л. Трейгуте.

⁸⁴ О нем воспоминания: *Митрофанов В. В.* «Воспоминания о литературных встречах и знакомствах» В. Г. Дружинина. Часть 1. С. 131–135.

⁸⁵ С 1857 г. в доме Устиновых жил известный писатель И. А. Гончаров. Здесь им был написан роман «Обрыв» и многие другие произведения. Квартира Гончарова находилась на первом этаже с окнами, выходящими во двор.

⁸⁶ Следовательно, встреча могла быть в конце 1890 — первой половине 1891 г. Этот фрагмент опубликован (*Алдолина Н. Б.* И. А. Гончаров в воспоминаниях В. Г. Дружинина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2016. Т. 18. № 2. С. 56).

Адамовича Фишера. Он приходил к бабушке и играл в карты с Марией Александровной в ее комнате, а чай пили у бабушки. Он познакомился с моими родителями и стал бывать у нас в приемные дни по четвергам вечером. Среднего роста, он был замечателен тем, что имел только под сорок лет — был совершенно седой. Его сестры и он поселились в двадцать. А. А. Фишер⁸⁷ обратил внимание на двух моих старших братьев и на меня, и когда мне было лет десять, он приглашал нас по воскресеньям к себе. Мы приходили после завтрака (он жил недалеко от нас) к часу дня и пребывали у него часа по два в беседе и рассматривали его коллекции, получая от него объяснения. Он был хороший профессор, изобрел какое-то приспособление к лафету и получил за это большую золотую медаль. Он был страстный коллекционер. У него была коллекция минералов, очень интересная. Были у него картонные коробочки, в которых лежали великолепные кристаллические минералы. Он покупал эти минералы от приезжавшего из Германии торговца.

Если штүф не подходил по размеру к коробке, он не покупал его. Впоследствии ему пришлось увеличить размер коробок и завести новую коллекцию параллельно⁸⁸ первой столь же замечательных штүфов, но вдвое больших размеров. Коллекции хранились в особых изящных шкафах. У отца моего и братьев были также коллекции уральских минералов, почему и я тоже интересовался минералогией и, когда стал постарше, стал ее изучать по учебнику.

У Фишера же была коллекция монет русских, начиная с Петровского времени; в числе монет были очень редкие. Эту коллекцию он тоже показывал с объяснением редких экземпляров. У него я впервые увидел золотые монеты 25 рублевого достоинства, отчеканенные в малом числе экземпляров, если не ошибаюсь, в 1881 г. Впоследствии он стал собирать почтовые марки и имел одну из лучших коллекций в Петербурге, и хвастал, что, бывая в Обществе филателистов, был единственным генерал-лейтенантом собирателем марок.

Еще до поступления в гимназию я тоже собирал марки, но, когда подрос — перестал их собирать и стал собирать книги. Среди моих марок были редкие экземпляры, которые можно было покупать⁸⁹ по доступной цене. А. А. Фишер выменял у меня мою коллекцию и дал мне в обмен: первое издание стихотворений Пушкина⁹⁰, главы

⁸⁷ Фишер Александр Адамович (1834/35–1908) — военный деятель, ученый-артиллерист, генерал-лейтенант (с 30 августа 1888 г.).

⁸⁸ Далее зачеркнуто: вторую коллекцию.

⁸⁹ Далее зачеркнуто: по доступной

⁹⁰ Первое издание было в 1826 г.

Евгения Онегина в отдельных первых изданиях по главам⁹¹ и другие современные им издания сочинений Козлова⁹², Батюшкова⁹³ и других поэтов.

Была у А. А. Фишер и коллекция перьев. В описываемое мною время А. А. Фишер не был еще женат и занимал небольшую квартиру со скромной обстановкой. У него был небольшой кабинет, где посредине стоял его письменный стол и по стенам шкапики в рост человека с его коллекциями. На ломберном столе стояла электрическая машина Гольца⁹⁴ — тогда большая новинка — была Лейденская банка⁹⁵; он показывал нам опыты с ними; была спираль Румкорфа⁹⁶, Гейслеровы трубки⁹⁷ и другие приборы. Все это было для нас чрезвычайно интересно и поучительно. Он предложил отцу моему прочесть у нас на дому лекцию по физике, показать новейшие приборы и произвести некоторые опыты. Для этого в зале был поставлен обеденный стол, раздвинутый на все пять досок, и мы внимательно прослушали с приглашенными гостями его лекцию, окончившуюся показом искусственного замораживания, производством льда и угощением — полученным мороженым. Все посещения А. А. Фишера по воскресеньям, его беседы были для меня чрезвычайно поучительны и интересны, и я храню о них благодарную память. В общем, он был недалекий человек, но для нас, юношей, был прекрасным наставником. Женившись на Марии Александровне, они близко сошлись с нашей семьей. Моя мать крестила единственного их сына⁹⁸. За женой получил он во Гдовском уезде С.-П[етер]б[ургской] губернии имение Должицы⁹⁹, в 20 верстах от ст[анции] Плюсса Варшавской жел[ез-

⁹¹ Первая и вторая главы произведения были изданы типографией департамента народного просвещения Санкт-Петербурга в 1825–1827 гг.

⁹² Козлов Иван Иванович (1779–1840) — поэт и переводчик эпохи романтизма

⁹³ Батюшков Константин Николаевич (1787–1855) — поэт пушкинской поры, один из основоположников русской романтической традиции.

⁹⁴ Гольц Вильгельм (1836–1913) — немецкий физик, изобретатель электрофорной машины. Время изобретения относится к 1865 г.

⁹⁵ Лейденская банка — первый электрический конденсатор, изобрели голландские ученые Питер ванн Мушенбрук и его ученик Кюнеус в 1745 г. в Лейдене.

⁹⁶ Спираль Румкорфа предназначена для преобразования постоянного электрического тока корабельной бортовой сети.

⁹⁷ Гейслеровы трубки — стеклянные трубки разнообразной формы, содержащие разреженные газы и служащие для изучения световых явлений, сопровождающих электрические разряды в разреженных средах.

⁹⁸ Фишер Борис Александрович — инженер путей сообщения Северо-Западной железной дороги.

⁹⁹ Усадьба Фишеров располагалась в самой деревне. На одном из холмов стоял барский дом, к которому вела тополиная аллея. Вокруг был огромный парк с беседками и аллеями. За домом находились фермы, кузница и другие хозяйственные постройки, сложенные из камня.

ной] дороги. Там он оклеил одну комнату вместо обоев марками! Кроме профессуры, он был артиллерийским приемщиком снарядов, отливавшихся на заводах Урала, и ежегодно летом туда ездил. Во время Японской войны он был инспектором артиллерийских арсеналов, генерал-лейтенантом. Я как-то встретился с ним на улице и выразил удивление, что японцы засыпают нас снарядами, а мы не имеем их достаточно, чтобы отвечать японцам. На это он мне возразил: «Помилуйте, Васенька (он так меня всегда называл), да они на фронте сошли с ума и хотят тратить слишком много снарядов, а мы не успеваем их изготовлять!». Ясно было, что мы полезли в войну не подготовившись. Куропаткин¹⁰⁰ требовал снарядов, а Сахаров¹⁰¹, тогда военный министр, их не посылал частью потому, что их было мало, частью же из вражды с Куропаткиным. По сообщению генерала Н. П. Петрова (см[отреть] выше)¹⁰², Куропаткин обратился к государю и вел[ико]му князю Сергею Михайловичу¹⁰³, тогда начальнику всей артиллерии, с просьбой о присылке снарядов. И только тогда отправили несколько скорых маршрутных поездов со снарядами.

Забыл сказать, что А. А. Фишер был сын профессора философии¹⁰⁴ С.-Петербургского университета; он был немцем и плохо говорил по-русски. Говорят, на лекциях он делил философию, как науку, на три половины.

Вскоре по окончании курса в университете, в одно из воскресений, был я у пр[офессора] Замысловского, по обычаю, на завтраке. У него застал я кандидата¹⁰⁵ филолога Киевского университета

¹⁰⁰ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) — военный и государственный деятель, военный министр, член Государственного совета.

¹⁰¹ Сахаров Виктор Викторович (1848–1905) — военный и государственный деятель, военный теоретик. Сменил на посту военного министра Куропаткина в начале 1904 г. и занимал ее до 21 июня 1905 г.

¹⁰² О нем В. Г. Дружинин подробно писал в очерке «Николай Дмитриевич Чечулин» (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 7–20). Публикуется здесь.

¹⁰³ Сергей Михайлович (1869–1918) — великий князь, пятый из шести сыновей великого князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровны, внук Николая I.

¹⁰⁴ Фишер Адам Андреевич (1799–1861) — профессор философии и педагогики, академик.

¹⁰⁵ Интересную характеристику выпускника университета с кандидатской степенью дал близкий С. Ф. Платонову студент Московского университета В. Н. Беркут в письме от 12 июня 1881 г. «Теперь же я ... что я? „Кандидат“! Сколько лжи в этом слове! Кандидат — во что? Эта первая несообразность, т[ак] к[ак] ни вертись, а поневоле пойдешь по проторенной дорожке учительства. А во-вторых, если принять этот термин в вульгарном значении, т. е. в смысле человека, обладающего известным запасом общих сведений (по избранной специальности) и умеющим владеть неизвестным, впервые попадающим под руку материалом, какого бы сорта он ни был, то и тут выйдет ложь, и ложь самая крупная, т[ак] к[ак] я даже ни одного исторического анекдота не сумею рассказать, весьма тихо именно в хронологии, на много

И. А. Линниченко¹⁰⁶, приехавшего в С.-П[етер]бург держать магистерский экзамен и защищать напечатанную диссертацию об отношениях Руси и Польши в XII в.; т. I¹⁰⁷. Мы с ним познакомились; он стал постоянно бывать на моих вечеринках, пока был в С.-П[етер]бурге, и всю жизнь мы оставались друзьями, переписывались с ним и обменивались печатными трудами. Линниченко был обеспечен средствами и имел доходный дом в Киеве. Он был среднего роста, носил очки. Он сблизился со всеми нами — петербургскими историками¹⁰⁸. Нрава он был веселого и сыпал остротами. Он был весьма начитанный человек. Магистерский экзамен он сдал благополучно и защитил диссертацию. Его оппоненты выразили пожелание, чтобы он издал второй том своей диссертации. Он обещал это с кафедры. Но когда диспут был окончен, и мы подходили к нему с поздравлениями по поводу благополучного окончания диспута, то он, сходя с кафедры, откровенно и цинично говорил: «Да, черт меня возьми, буду я продолжать эту работу!».

Он был известен тем, что изблещил в плагиате Д. И. Багалея¹⁰⁹ в его печатной работе о Северском княжестве¹¹⁰, напечатанной в Киеве. За другую диссертацию, не помню ее названия¹¹¹, он получил степень доктора русской истории и кафедру русской истории¹¹² в Новорос-

историч[еских] явлений не могу установить правильную точку зрения; что же касается второй половины определения, тут остается только с отчаяния руки ломать и бежать не оглядываясь на 5 лет университетской жизни» (*Митрофанов В. В.* Историко-филологический факультет после С. М. Соловьева: профессорско-преподавательский состав и искания передовой молодежи в письмах студента В. Н. Беркута С. Ф. Платонову // *Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв.: сборник статей и материалов.* Вып. 5. Брянск, 2019. С. 207).

¹⁰⁶ Линниченко Иван Андреевич (1857–1926) — историк, славист, археограф, педагог. Профессор (1895), чл.-кор. АН и Краковской АН.

¹⁰⁷ «Взаимные отношения Руси и Польши». Защита проходила в 1884 г.

¹⁰⁸ Речь идет о «кружке русских историков».

¹⁰⁹ Багалея Дмитрий Иванович (1857–1932) — историк, краевед, общественный и политический деятель, организатор науки. В письме от 7 июня 1887 г. В. Г. Дружинин писал С. Ф. Платонову о магистерском диспуте Д. И. Багалея со слов М. А. Дьяконова: «Он сообщил из письма Л[а]п[по]-Д[а]н[илевского] интересные сведения о диспуте Багалея в Москве. Его страшно бил Ключевский и заставлял его соизнаваться в своём невежестве вроде того, что он знаком с разрядными книгами, а читал одну или две во Временнике! А писал о станичной службе» (*Митрофанов В. В.* Научные и личные коммуникации В. Г. Дружинина и С. Ф. Платонова... С. 60).

¹¹⁰ *Багалея Д. И.* История Северной земли до половины XIV ст.: С картой и рис: Ист. моногр. Киев, 1882. 310 с. В ней автор рассматривает историю Северной земли до начала XV века.

¹¹¹ Степень доктора он получил в 1887 г. за диссертацию «Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства».

¹¹² По этому поводу имеется интересная запись в дневнике Н. Н. Платоновой от 13 февраля 1896 г.: «Линниченко назначен в Одессу на место Маркевича, к[ото]рому

сийском университете и занимал ее до конца дней своих. Получив в Одессе оседлость, он стал собирать разные материалы по истории Новороссийского края, гравюры и виды; имел хорошую библиотеку и мало-помалу собрал хороший музей. Он умер холостым в 20-х гг. XX столетия. Еще при жизни он завещал свой музей Одесскому обществу истории и древностей российских. Он не имел твердого плана в научных работах, разбрасывался и писал рецензии, обыкновенно, весьма едкие и критические статьи. В Одессе он погряз в университетских дрязгах и часто приезжал в С.-П[етер]бург, посещал меня и сплетничал о своих университетских коллегах. В факультете у него не было друзей, а он вел дружбу с археологом А. Л. Бертье дела Гардом¹¹³. У него был порок сердца, и он каждое лето ездил лечиться в Наугейм. Любил он и производить раскопки, причем делал их самостоятельно, без разрешения Археологической комиссии. Когда я предупреждал его, что он может получить неприятности, публикуя отчеты о раскопках, он отвечал, что производит раскопки на общественных землях, называя их другими именами частных земель, а предметы, найденные при раскопках и журналы раскопок, сдает в Одесское общество! Он был скорей публицист, чем серьезный ученый.

Во время прохождения курса университета я сошелся с некоторыми однокурсниками, студентами старших и младших курсов; были у меня и гимназические друзья, и раз в неделю вечером они посещали меня. У меня было две небольшие комнаты, каждая по одному окну; эти комнаты соединялись коридором. В одной стоял мой письменный стол, а в другой, более глубокой, мои книги. Здесь я провел мои университетские годы. В числе моих посетителей были И. А. Шляпкин, К. Иванов, С. Ф. Платонов, А. А. Спицын. Они приходили ко мне, и я исправлял обязанность хозяйки — сидя за самоваром, заваривал чай и угощал закуской. Самовар стоял на столе, я очень хорошо умел заваривать чай; чай был очень хороший, т[ак] к[ак] отец выписывал его цыбиками¹¹⁴ из Нижнего Новгорода.

Этот «чай» навсегда остался в памяти моих друзей, и они охотно его всегда вспоминали. Мы беседовали о наших работах, научных и университетских делах, собирались мы в 8 часов вечера, а расходились в 11 часов вечера. По окончании курса я получил более удоб-

велели подать в отставку из-за истории, случившейся с ним в августе по возвращении его с женой из-за границы. (У него на границе нашли какие-то запрещенные издания в большом числе экземпляров...)» (Платонова Н. Н. Дневник. С. 137).

¹¹³ Бертье-Делагард Александр Львович (1842–1920) — российский археолог, историк, нумизмат, инженер-генерал-майор, исследователь Крыма.

¹¹⁴ Цыбиками до середины XX в. называли любую пачку чая, чаще картонную. Цыбики весили от 25 до 36 килограмм.

ное помещение — отдельную квартиру в том же доме со входом из-под ворот, но сообщающуюся внутренним ходом с квартирой родителей, живших в верхнем этаже, в которой мы поместились вместе со старшим братом. Каждый из нас имел по комнате, и одна была общая, в которой выходили обе комнаты. Была и кухня, обращенная в «мастерскую». В ней стоял верстак и токарный станок. Я точил дерево и металлы. На верстаке можно было столярничать. Большое помещение дало возможность увеличить круг моих посетителей. Впоследствии брат мой уехал в провинцию, и в моем распоряжении остались три комнаты с кухней. Тогда получил я отдельного служителя Михайлу, старшего дворника нашего дома, жившего в дворецкой, в десяти шагах от моей квартиры, чудного, трезвого, честного человека, котор[ый] проводил день у меня и как любитель столярничал, а вечером уходил домой, к семье. Об этом Михайле, тридцать лет прослужившем у нас и у нас же умершем, всегда вспоминали все мои друзья. В средней комнате стоял осьмиконечный дубовый стол, перед ним у стены дубовый же диван; кругом него дубовое кресло и два стула в готическом стиле, венские стулья, два кресла черные, дубовые, резные в стиле XIV в., принадлежавшие дяде моему А. В. Дружинину, а против стола дубовый резной книжный шкаф, тоже в готическом стиле. У стен стояли пять черных книжных шкапов с книгами. В соседней комнате стоял мой большой письменный стол, а кругом стен шкапы с книгами; в третьей комнате была моя спальня и вдоль одной стены полки с журналами. Между спальней и средней комнатой был коридор, и из него шла дверь под ворота. Все три комнаты были в два окна каждая. Число моих друзей возросло.

В 1884 г. один из моих гимназических младших однокашников **И. И. Симонов**, преподаватель истории в одной из гимназий, впоследствии перешедший в Гельсинфорс, предложил нам регулярно собираться один раз в месяц, чтобы знакомить друг друга с нашими научными работами. Мы охотно приняли это предложение и стали собираться преимущественно у меня, хотя иногда и у других моих приятелей¹¹⁵. Эти беседы получили название «кружка русских историков». Собрания же моих друзей и приятелей продолжались раз в неделю, независимо от собраний «Кружка». В «Кружок» вошли все занимавшиеся русской историей, историей русской литературы, кроме одного Н. М. Бубнова, занимавшегося средневековой историей. Остальные члены «Кружка», кроме меня, были: С. Ф. Платонов, С. М. Се-

¹¹⁵ Н. Н. Платонова по этому поводу писала 9 января в своем дневнике: «2-го на собрании историков (годовичном), перенесенном к нам по просьбе Вас[илия] Гр[игорьевича]...» (*Платонова Н. Н. Дневник. С. 68*).

редонин, М. А. Дьяконов, Е. Ф. Шмурло, А. И. Барбашев, Н. Д. Чечулин, И. А. Шляпкин, И. А. Козеко, И. И. Симонов, А. С. Лаппо-Данилевский. Примкнул к нам и библиограф Н. М. Лисовский — редактор журнала «Библиограф». О С. Ф. Платонове я не берусь пока писать: слишком свежа его могила¹¹⁶. О Н. Д. Чечулине, С. М. Середонине, И. А. Шляпкине я уже писал выше (см[отреть])¹¹⁷.

Об остальных я могу свободно писать, т[ак] к[ак] все они уже умерли, кроме Е. Ф. Шмурло и меня. О Н. М. Бубнове известий не имею¹¹⁸.

М. А. Дьяконов родился в 1856 г., в Екатеринбурге, где отец его был нотариусом; там же окончил курс гимназии. Он поступил сначала в Медико-хирургическую академию, дошел до 4-го курса, но потом перешел на юридический факультет С.-П[етер]бургского университета, окончил курс его и был оставлен пр[офессором] В. И. Сергеевичем¹¹⁹ при университете. Одновременно с ним окончил курс Н. В. Латкин¹²⁰. Из-за этих двух кандидатов вышел конфликт между пр[офессором] Градовским и пр[офессором] Сергеевичем. Градовский не хотел оставлять при университете Дьяконова, а Сергеевич — Латкина. Наконец, они сторговались, и каждый из них получил своего кандидата. Дьяконов окончил курс на год раньше меня (в 1882 г.). Он поступил на службу в Министерство финансов чиновником особых поручений и стал готовиться к магистерскому экзамену, заниматься научными работами¹²¹. Мы с ним сошлись до «кружка» и очень сблизились, и до его кончины оставались друзьями¹²². Нас было шесть человек особенно близких между собой. Дьяконов, Платонов, Шляпкин, Иванов, Спицын и я, и проводили нередко вместе у одного из нас в дру-

¹¹⁶ С. Ф. Платонов умер в 10 января 1933 г., следовательно, можно примерно датировать время написания этого фрагмента воспоминаний.

¹¹⁷ Эти два очерка мы помещаем здесь.

¹¹⁸ Н. М. Бубнов в ноябре 1919 г. эмигрировал из России, в феврале 1920 г. обосновался в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. С 28 марта 1923 г. — профессор университета Любляны, преподавал «методологию и философию истории» и «римскую историю», в следующем году вышел на пенсию. Умер 2 октября 1943 г.

¹¹⁹ Сергеевич Василий Иванович (1832–1910) — историк права, профессор, ректор Петербургского университета (1897–1899).

¹²⁰ Латкин Николай Васильевич (1858–1927) — историк русского права, профессор.

¹²¹ Об этом много сведений, как и о дальнейших занятиях и защитах диссертаций находим в его письмах к С. Ф. Платонову (*Митрофанов В. В.* 1) Письма М. А. Дьяконова С. Ф. Платонову: 1884–1889 годов. С. 52–102; 2) Письма М. А. Дьяконова С. Ф. Платонову с 28 января 1890 по 24 июля 1891 г. С. 173–224; 3) Письма М. А. Дьяконова С. Ф. Платонову с 9 сентября 1891 по 21 декабря 1892 г. С. 76–114; 4) Письма М. А. Дьяконова С. Ф. Платонову (1893–1895). С. 65–123; 5) Письма М. А. Дьяконова С. Ф. Платонову (1895–1909) // ВАА. Вып. 45. М.; СПб., 2024. С. 132–190.

¹²² Сохранился большой массив их переписки (РГАЛИ. Ф. 167. Д. 213. Л. 1–118).

жеских беседах, ездили к Шляпкину в его усадьбу в с. Александровское. Под влиянием нас, историков, Дьяконов увлекся историей XVI в. и написал прекрасную диссертацию «Власть Московских государей»,¹²³ и получил за нее в 1889 г. степень магистра. Еще до напечатания диссертации мы вместе с ним приготовили к печати и напечатали апокрифический памятник публицистического характера, известный под названием «Беседы Сергия и Германа, валаамских чудотворцев», по всем десяти известным нам спискам, с предисловием, заключавшим в себе обследование этого литературного памятника. Это считается до сих пор лучшим изданием этого памятника¹²⁴. Его напечатала Археографическая комиссия в Летописи занятий¹²⁵, в томе, который редактировал Е. Е. Замысловский. Читал корректуры и помогал ему другой член Комиссии Л. П. Автократов¹²⁶. Последнюю авторскую корректуру было разрешено отослать нам с Дьяконовым, а сношения с Автократовым вел я. Но тут оказалось, что Автократов какой-то маньяк. Очень добросовестный и аккуратный человек, он боялся, как бы не проскочила какая-либо опечатка. Очень долго держал он корректуры и давал их мне за своей подписью, так что приходилось прибегать к воздействию Е. Е. Замысловского. Жил Л. П. Автократов на чердаке высокого дома, в мансарде. У него была одна комната — кухня в конце Васильевского острова. Он назначал мне и часы, и дни, когда приходить мне за корректурами, чтобы относить их в типографию. Но часами его не было дома, и я напрасно поднимался в пятый или шестой этаж и не застаивал его. Наконец, когда листы были им окончательно просмотрены, я застал его и имел полномочие получить листы и сдать в типографию. Я спросил листы. Автократов достал их и, держа в руках, умолял оставить их еще у него для просмотра. Но я, основываясь на распоряжении Е. Е. Замысловского, тоже держал листы и не выпускал их из рук. Наконец, Автократов буквально заплакал и продолжал держать листы. Но я все же дернул листы, и они остались в руках у меня, и я поспешил удалиться. Очевидно, я имел дело с психически больным человеком. Вскоре после

¹²³ Отдельные главы появились в «ЖМНП», главную роль в их быстром появлении сыграл С. Ф. Платонов, бывший в то время помощником редактора В. Г. Васильевского. Об этом подробно в упомянутых письмах М. А. Дьяконова С. Ф. Платонову.

¹²⁴ Беседа преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев. Апокрифический памятник XVI в. СПб., 1889 (на обложке: 1890). XXIII, 32 с.

¹²⁵ Беседа преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев. Апокрифический памятник XVI века (подг. к печати и авт. введение В. Г. Дружинина и М. А. Дьяконова) // ЛЗАК за 1885–1887 гг. Вып. 10. СПб., 1895. Отдел П. С. I–XXIII, 1–32. Как видим, «ЛЗАК» выходила в это время с большими задержками.

¹²⁶ Автократов Лавр Петрович.

наших сношений он психически заболел и был помещен в больницу, где скоро и умер. Единственным печатным его трудом был составленный им указатель¹²⁷ к Степенной книге, изданной в XVIII в. Миллером. Он был напечатан Археографической комиссией. Автократов был только очень точным и добросовестным корректором и составителем указателей.

Но возвращаясь к М. А. Дьяконову. Пр[офессор] Сергеевич был недоволен занятиями М. А. Дьяконовым и трунил над ним, что его совратили с пути научных работ русские историки и увлекли его в изучение памятников старинной литературы. Он говорил про него, что это «орленок, попавший в семью львов». Докторская работа М. А. Дьяконова была озаглавлена «Сельское население Руси в XVI в.» и была напечатана тоже в Летописи занятий Археографической комиссии и отдельно¹²⁸. Работа была выдающаяся. Отдельные оттиски, коих было триста, и том Летописи занятий, в котором она была напечатана, быстро разошлись. Он напечатал статьи в «Библиографе» и Историческом обозрении. По защите магистерской диссертации в 1889 г. он был назначен на кафедру истории русского права Юрьевского университета. После смерти пр[офессора] Сергеевича в 1900-х гг.¹²⁹ перешел на его место в С.-П[етер]бургский университет¹³⁰. И здесь он издал очень солидный том своих университетских лекций. Поздней, при Временном правительстве, он был сделан сенатором и избран членом Академии Наук¹³¹.

По отъезде его в Юрьев и по возвращении оттуда мы реже виделись. Потом он примкнул к партии к[онституционных] д[емократов] и как-то отшатнулся от нас, историков. Я же политикой совершенно не занимался. И не интересовался, и ни к какой партии не принадлежал, и потому у меня остались с М. А. Дьяконовым самые дружеские и сердечные отношения до его кончины. Лет за двадцать до смерти он потерял один глаз: в нем образовалась «темная вода», и он видел только одним глазом. Помочь этому медицина не могла, и ему угрожала слепота, до которой он, по счастью для него, не дожил. Ни в Сенате, ни в Академии он себя ничем не проявил. Умер он в 1918 г. (?).¹³² М. А. Дьяконов был редко приятный собеседник, мягкий и привет-

¹²⁷ Автократов Л. П. Указатель к Степенной книге. СПб., 1883. 61 с.

¹²⁸ Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI–XVII вв.). СПб., 1898. 344 с.

¹²⁹ В. И. Сергеевич умер 26 ноября (9 декабря) 1910 г.

¹³⁰ М. А. Дьяконов начал преподавать в Петербургском университете с 1907 г.

¹³¹ М. А. Дьяконов с 1905 г. адъюнкт, с 1909 — экстраординарный, с 1912 г. ординарный академик.

¹³² М. А. Дьяконов умер 10 августа 1919 г.

ливый человек. Все его работы очень серьезные и блещут привлечением нового материала.

А. С. Лаппо-Данилевский был двумя курсами моложе меня. Он окончил курс в Симферопольской гимназии¹³³ и был оставлен при университете пр[офессором] **Е. Е. Замысловским**. Отец его был Екатеринославским губернатором¹³⁴ и имел большие поместья на юге, так что обладал хорошими средствами, и студенту Лаппо-Данилевскому не приходилось добывать денег уроками. Он был прекрасно образован, начитан и говорил на четырех новых языках. Но он был человек, по-видимому, плохо воспитан и очень угловат в обращении с людьми. У меня всегда были с ним хорошие отношения. С равными себе и с учениками он обращался хорошо; но с высшими себе обращался надменно, когда это было для него безопасно. Но когда это было нужно, держал себя очень почтительно. Раз в субботу вечером сидели мы у **Е. Е. Замысловского** за чайным столом. Рядом с хозяйкой — супругой **Е. Е. Замысловского**, сидевшего во главе стола у самовара, сидела супруга **С. Ф. Платонова** — **Надежда Николаевна**¹³⁵. Лаппо-Данилевский сидел на другом конце стола, человек через пять от хозяйки. Сам **Е. Е. Замысловский** с кем-то ушел в кабинет беседовать. В это время Лаппо-Данилевский протянулся через весь стол и громко сказал **Надежде Николаевне**: «Зачем Вы сюда приехали? Здесь такая скука!». Слышала это и **Замысловская**. **Надежда Николаевна** покраснела и не ответила Лаппо-Данилевскому. Мы после чая напали на Лаппо-Данилевского за его нетактичную реплику. Но он удивился, возражая, что сказал только правду! В 1891 г. он напечатал большой том исследования «О прямом обложении Московского государства при **Петре Великом**»¹³⁶, за которое получил степень магистра и был избран приват-доцентом университета. В это же время он напечатал исследование о Скифских древностях¹³⁷ и о кургане «**Карагодеуашх**»¹³⁸. Его напечатанные разнообразные работы, а также начитанность, обра-

¹³³ А. С. Лаппо-Данилевский окончил гимназию в 1882 г.

¹³⁴ С. А. Лаппо-Данилевский был уездным предводителем дворянства (Верхнеднепровский уезд Екатеринославской губернии) и в 1873–1879 гг. Таврическим вице-губернатором.

¹³⁵ Платонова Надежда Николаевна (1861–1928) — выпускница ВЖ(Б)К, переводчица, писательница, автор известного дневника.

¹³⁶ *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. 557 с. (Записки Историко-филологического факультета Петербургского университета. Т. 23). Защита проходила 9 мая 1890 г., в этом же году, автор был избран приват-доцентом.

¹³⁷ Опубликовано в 1887 г.

¹³⁸ Опубликовано в 1893 г.

тили на него внимание, и он был избран адъюнктом Академии наук¹³⁹. В 1894 г. он был избран сотрудником Археологической комиссии¹⁴⁰, а потом членом Археографической комиссии¹⁴¹. Здесь он испортил одно назревшее предприятие, совершенно не понимая и не умея отличить теорию от практики. Были найдены средства для повторения издания Актов Археографической экспедиции¹⁴², которые были необходимы студентам как пособие, но которые на рынке стоили 25 р., т[ак] к[ак] все издания сгорели в 1863 г. при пожаре Апраксина двора, где сгорела¹⁴³ и кладовая с изданиями Археографической комиссии, а до того времени разошлось немного экземпляров этого издания. Новое издание стоило бы всего пять рублей и было бы прекрасным пособием для учащихся. В заседании комиссии, когда обсуждался вопрос о новом издании этих актов, Лаппо-Данилевский стал проводить прямолинейную мысль о том, что Комиссии не подобает перепечатывать несовершенных изданий, т[ак] к[ак] действительно в 1836 г., когда печатались эти акты, были допущены ошибки в тексте актов. Он не хотел понять, что нужно дать учащимся в руки дешевое пособие. Что же касается ошибок при издании актов, то их можно было бы оговорить. Самое же издание в свое время сыграло видную роль при изучении русской истории, истории Русской церкви и истории русского права. Археографическая комиссия постановила поручить своему сотруднику Н. П. Павлову-Сильванскому¹⁴⁴ расследование ошибок, допущенных в издании Актов Археографической экспедиции. Исследование Павлова-Сильванского действительно обнаружило ряд ошибок в том издании. Самое исследование ошибок было напечатано, и от нового издания Археографическая комиссия отказалась. В Археографической комиссии сказались странное непонимание Лаппо-Данилевским исторических событий¹⁴⁵. Под его редакцией издана была

¹³⁹ Главную роль в этом избрании в 1899 г. сыграл академик В. Г. Васильевский, который писал об этом С. Ф. Платонову.

¹⁴⁰ Членом Археологической комиссии А. С. Лаппо-Данилевский был избран в 1892 г.

¹⁴¹ Членом Археографической комиссии А. С. Лаппо-Данилевский был избран в 1894 г.

¹⁴² ААЭ. Т. 1. СПб., 1836; Т. 2. СПб., 1836.

¹⁴³ Пожар в Апраксином дворе произошел 28 мая 1862 г. в Петербурге, вспыхнул крупный пожар, который уничтожил большую часть строений рынка.

¹⁴⁴ Павлов-Сильванский Николай Павлович (1869–1908) — историк и архивист, государственный и политический деятель. Автор концепции развития «русского феодализма».

¹⁴⁵ Павлов-Сильванский П. Н. Погрешности Актов Археографической экспедиции. СПб., 1906. 46 с. Кстати, с подготовкой этого исследования у В. Г. Дружинина с П. Н. Павловым-Сильванским вышло, мягко сказать, непонимание, которое разрешилось только при вмешательстве С. Ф. Платонова. В. Г. Дружинин к этому времени

переписная книга Нижнего Новгорода XVII¹⁴⁶. Все население, упоминаемое в книге, в предисловии, Лаппо-Данилевский разбил на статистические книжки¹⁴⁷, причем в клетку людей без определенных занятий попали и иконописцы, и скоморохи. Кроме того, при чтении в заседании Комиссии, как это было принято, предисловия для его утверждения Комиссией¹⁴⁸, он заявил, что его удивляет, как Нижегородская ярмарка не отразилась в этой книге.

Мы ему заметили, что в XVII в. ярмарка была не в Нижнем, а в Макарьеве, у монастыря на 60 верст ниже по течению Волги!

В Археографической комиссии он присутствовал аккуратно на заседаниях, но редакции больших изданий ему не поручали. Поручили ему однажды наблюдение за окончанием (листов шести) актов о закладниках, которые печатал Павлов-Сильванский, и это издание тя-

был правителем дел Комиссии и внедрял изменения в оформление рукописей, готовившихся к печати. В письме от 17 февраля 1906 г. П. Н. Павлова-Сильванского, адресованном С. Ф. Платонову, читаем: «Обсудив дело после разговора с Вами, не могу не признать мудрости Вашего решения и его полной благожелательности по отношению ко мне. Вы полагали, что В. Г. имеет формальные основания настаивать на том, чтобы статья моя об А. А. Э. была подписана мною двойною фамилией, в виду того, что она представляет собою доклад. Но мне Вы предлагаете: 1) подписать отгиски статьи, как я хочу, одной фамилией — Сильванский и 2) так же подписано введение к «Актам о закладниках». Подчиняюсь этому решению. Что касается стилистических правок, то я лично ничего не имею против предложенной Вами редакцией поправок. Но очень прошу Вас взвесить, не следует ли по изложенным мною общим соображениям, касающимся не одного меня, но и всех сотрудников Комиссии, настоять на том, чтобы эти стилистические поправки были признаны излишними и взяты были назад ценою моей уступки в вопросе с фамилией? Имейте в виду, что В. Г. требовал от меня стилистической поправки в два приема. В предыдущей корректуре я уже исправлял то, что он хотел. Представляю новую, последнюю корректуру — опять новые исправления, в форме настойчивых требований. Это уже «измывательство»! Впрочем, полагаюсь на Вашу благожелательность не только в отношении меня, но и всех сотрудников, предоставляю и этот вопрос. Так же Вашему решению. Затем, очень извиняюсь, что заставил Вас думать об этом мелком деле, и утешаюсь только тем, что он имеет некоторое общее значение» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3751. Л. 33–34 об.).

¹⁴⁶ Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду, изданные Археографической комиссией. СПб., 1896.

¹⁴⁷ В опубликованном предисловии этих таблиц нет. По всей видимости, автор от них отказался после критических замечаний во время обсуждения.

¹⁴⁸ В протоколе заседания Комиссии от 29 апреля 1896 г. по этому поводу записано: «А. С. Лаппо-Данилевский прочел предисловие к напечатанной им писцовой книге по Нижнему Новгороду. Определено: за сделанными со стороны некоторых членов замечаниями, одобрить предисловие к напечатанию» (ЛЗАК. Вып. 12. СПб., 1901. С. 55).

нулось года три, так что Павлов-Сильванский изныл от ожидания, а Лаппо-Данилевский не считал нужным ускорить редакцию¹⁴⁹.

В Академии Наук на него возложили распутать тяжелое наследие академика Куника. Этих начатых изданий было до двадцати, и все они были брошены неоконченными. Лаппо-Данилевскому удалось лишь окончить одно издание о Неве и Ниеншанце¹⁵⁰. Остальные же лежали и после неоконченными.

Его интересовали вопросы философии и истории. Он изучил дифференциалы и интегралы и в конце жизни написал большой труд по методике истории; т. 1 вышел еще при его жизни, а том второй — после его смерти¹⁵¹. Он напечатал целый ряд статей в разных журналах; они хорошо известны¹⁵². В 1917 г. был основан Союз архивных деятелей, и Лаппо-Данилевский избран его председателем. В это же время возникло Главное Управление архивным делом, и Лаппо-Данилевскому пришлось ликвидировать союз. При всех своих знаниях и эрудиции Лаппо-Данилевский не обладал талантом историка, что видно из его сочинений. Я думаю, он сам это чувствовал и раз даже проговорился об этом. Кроме истории, он занимался музыкой, прекрасно играл на рояле и импровизировал. Мы работали с ним одновременно в московских архивах в 1886 г. Он жил в меблированных комнатах «Кремль». Однажды я зашел к нему днем, навестить его. Слышу в коридоре великолепную импровизацию; надо заметить, что сам я хорошо играл на скрипке. Половой хотел подойти и постучать в дверь занимаемой им комнаты, откуда доносились звуки рояля, но я остановил его и дослушал импровизацию до конца. Тогда я постучался, и Лаппо-Данилевский позволил мне войти. Я приветствовал его игру; а он неожиданно сказал мне: «Знаете, мне кажется, лучше было бы мне быть музыкантом, чем историком!». Я думаю, что он был прав и, по-видимому, чувствовал свою бесталанность. Этим чувством и чувством зависти я объясняю его враждебное отношение к другому русскому историку — С. Ф. Платонову, который уступал

¹⁴⁹ Издание труда Н. П. Павлова-Сильванского «Акты о посадских людях-закладниках» с предварительной заметкой и под редакцией А. С. Лаппо-Данилевского // ЛЗАК за 1909. Вып. 22. СПб., 1910. С. 1–276.

¹⁵⁰ *Гиппинг А. И.* Нева и Ниеншанц. С вступ. ст. А. С. Лаппо-Данилевского [«Андрей Иоганн Гиппинг и судьба его исторического труда о Неве и Ниеншанце» Ч. 1. С. I–XVI]. Ч. 1–2 / Сост. А. И. Гиппинг. Ч. 1 / 2 т. СПб., 1909–1916.

¹⁵¹ *Методология истории.* Ч. 1. СПб., 1910; Вып. 1–2. СПб.; Пг., 1913–1923.

¹⁵² *Шилов А. А.* Список трудов А. С. Лаппо-Данилевского // Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С. VII–XVI; Библиография основных работ о А. С. Лаппо-Данилевском. Список трудов А. С. Лаппо-Данилевского // *Малинов А. В., Погодин С. Н.* Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С. 252–283.

Лаппо-Данилевскому в эрудиции и общем образовании, но был несравненно его талантливей, что видно в его работах, которые хорошо известны и переведены на французский, немецкий и английский языки, в¹⁵³ его лекциях и читанных им рефератах. К сожалению, Лаппо-Данилевский рано умер. Потеряв все состояние, он не сумел приспособиться к новым условиям жизни и, по-видимому, голодал. У него на ноге сделался какой-то злокачественный нарыв, а доктор для излечения нарыва прописал массаж. Гной разошелся по всему телу, заразил кровь, от чего больной и умер.

По убеждениям своим Лаппо-Данилевский принадлежал к партии к[онституционных] д[емократов]. У него было до 15 учеников-специалистов историков, которые очень ценили устраиваемые им для них вечерние беседы. И после смерти учителя они собирались периодически один раз в месяц по очереди у каждого. Выдающихся из них никого не вышло, а многие, еще при жизни за схематичность его руководства отходили от него и переходили в семинарий пр[офессора] Платонова, где получали большее удовлетворение.

Е. Ф. Шмурло родился в 1853 г., в Челябинском уезде, где отец его обладал большим имением, в котором был винокуренный завод. Это был единственный ученик пр[офессора] Бестужева-Рюмина, достигший карьеры. За сочинение на тему «гр[аф] Н. П. Румянцев и его заслуги в русской истории» он получил, будучи студентом С.-П[етер]б[ургского] университета, золотую медаль. Он гораздо раньше меня окончил курс университета¹⁵⁴ и стал преподавателем истории в средних учебных заведениях. Высокого роста, худощавый, со светлыми прямо лежащими волосами и большой бородой лопатой, он долго писал свою магистерскую работу, так как любил хорошо пожить, получая средства из имения, в котором хозяйничал его младший брат.

Он любил путешествия по России, ежегодно ездил за границу. В результате этих поездок был ряд статей, географических и этнографических очерков, напечатанных в разных периодических изданиях. Его магистерская диссертация была посвящена литературной деятельности митрополита Евгения Болховитинова, первую часть которой он напечатал и защитил в 1888 году; он напечатал несколько статей в журнале «Библиограф», писал о записках Сильвестра Медведева, перевел и напечатал известия о России Теодальди XVI в.¹⁵⁵ и печатал в Журнале Мин[истерства] народного просвещения большую работу

¹⁵³ Далее зачеркнуто: В 1916 г. был основан Союз архивных деятелей, а в 1917 г. возникло Главное Управление архивным делом.

¹⁵⁴ Е. Ф. Шмурло окончил университет в 1879 г.

¹⁵⁵ Известия Джиованни Теодальди о России времен Ивана Грозного / [Записанные с его слов А. Поссевиным]; Е. Шмурло. СПб., 1891. 35 с.

под заглавием «Петр Великий в русской литературе». Вообще он много печатал: писал легко и витиевато. Как человек, он был неискренний, часто вилял в своих мнениях, отчего образовался вроде литературный архитип — «Шмурлить»¹⁵⁶, т. е. говорить ни да, ни нет, и при том очень уклончиво, витиевато. Но он был добрый товарищ. Впоследствии он был избран доктором Падуанского университета¹⁵⁷. По получении степени магистра он был избран пр[иват]-доцентом С.-П[етер]-б[ургского] университета¹⁵⁸, а в 1891 г. был назначен профессором Юрьевского университета и оставался там до 1903 г., когда был назначен ученым корреспондентом Академии наук в Рим, куда и переселился. В то время был раскрыт доступ в Ватиканский архив, и Шмурло было разрешено извлекать и печатать документы по сношениям России с Ватиканом на латинском и итальянском языках, которые и издала Академия наук под заглавием «Россия и Италия»¹⁵⁹. Вышло три небольших выпуска этого издания. Эта должность корреспондента была им предложена Академии наук, по примеру Французской школы в Риме. Во время Германской войны¹⁶⁰ Шмурло вернулся в Россию и был назначен агентом по охране библиотек и памятников старины в тылу русской армии, продвигавшейся к Карпатам. Когда окончилась война, Шмурло уехал за границу, где он продолжал пребывать до последнего времени. (Он напечатал также очерк жизни и деятельности пр[офессора] К. Н. Бестужева-Рюмина). Думаю, что он уже умер¹⁶¹. Шмурло был постоянным посетителем моих вечерних собраний «кружка русских историков», который иногда собирался у него. Он всегда любил угостить.

Другой ученик пр[офессора] Бестужева-Рюмина **И. А. Козеко**¹⁶² был чудный человек, но совершенно бесцветный. Он был преподавателем средних учебных заведений. Он напечатал только библиографический перечень трудов пр[офессора] Бестужева-Рюмина¹⁶³. Его,

¹⁵⁶ Этот термин употребляется и в письме В. Г. Дружинина на имя С. Ф. Платонова от 11 июня 1888 г. (Митрофанов В. В. Научные и личные коммуникации В. Г. Дружинина и С. Ф. Платонова... С. 83).

¹⁵⁷ Звание было присвоено в 1903 г.

¹⁵⁸ Е. Ф. Шмурло был приват-доцент Петербургского университета с 1889 по 1891 г.

¹⁵⁹ Россия и Италия: Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией: [Описи итал. архивов, документы, отчеты учен. кор. Акад. наук]. Т. 1–4. СПб.; Л., 1915–1927. Первые 3 т. в 2-х частях, 4-й в одном.

¹⁶⁰ Речь идет о Первой мировой войне.

¹⁶¹ Е. Ф. Шмурло умер 7 апреля 1934 г. в Праге.

¹⁶² Козеко Иван Алексеевич (1854 — не ранее 1903) — педагог-историк и библиограф.

¹⁶³ Козеко И. А. Библиографический список литературных трудов Константина Николаевича Бестужева-Рюмина: С начала его деятельности, т. е. с 1847 г. СПб., 1889. 39 с.

по-видимому, затянула преподавательская деятельность и семья¹⁶⁴. Закончил он свою педагогическую деятельность директором гимназии в г. Елатье¹⁶⁵.

Н. М. Бубнов¹⁶⁶ окончил курс третьей С.-П[етер]б[ургской] гимназии с золотой медалью в 1877 г. и поступил на Историко-филологический факультет С.-П[етер]б[ургского] университета, который окончил в 1881 году; за сочинение на заданную факультетом тему получил золотую медаль и был оставлен при университете пр[о]фессором В. Г. Васильевским. Бубнов был хорошо образованный человек, но по роду своих занятий мало подходил к нам, русским историкам. Тем не менее, он постоянно посещал собрания «кружка русских историков». Темой для диссертации он избрал биографию папы Герберта¹⁶⁷. Изучал литературу предмета своей диссертации он года три, прожил в С.-П[етер]бурге, будучи гувернером у Чертковых¹⁶⁸. Когда он изучил литературу предмета своей работы, он поехал в Париж, где в Национальной библиотеке хранились рукописи папы Герберта. Там проработал он три года и, вернувшись в С.-П[етер]бург, напечатал три тома своего исследования о папе Герберте и представил их как диссертацию на степень магистра¹⁶⁹. По защите ее факультет присудил ему сразу степень доктора всеобщей истории. Получив степень, он был избран профессором всеобщей истории в Киевский университет. Где он теперь, не знаю¹⁷⁰.

Н. М. Лисовский¹⁷¹ — редактор журнала «Библиограф», известный своими библиографическими работами. Высшего образования он не получил, а некоторое время учился в Лесном институте¹⁷², откуда был исключен за какую-то студенческую историю. Служил он в кан-

¹⁶⁴ Жена Мария Станиславовна Каминская, имел трех сыновей (Петр и Николай, Вячеслав) и двух дочерей (Ольга и Вера).

¹⁶⁵ С 1796 по 1923 год город был центром Елатомского уезда Тамбовской губернии.

¹⁶⁶ Бубнов Николай Михайлович (1858–1943, Люблина) — историк-медиевист и филолог.

¹⁶⁷ Герберт Орильякский (Аврилакский), также Герберт Реймский (946–1003) — средневековый ученый и церковный деятель, папа римский (Сильвестр II) со 2 апреля 999 года по 12 мая 1003 г.

¹⁶⁸ Н. М. Бубнов вспоминал: «В доме Черткова я пробыл с весны 1885 г. до получения степени доктора, т. е. до мая 1891 года, всего шесть лет» (*Бубнов Н. М.* Сквозь череду потерь: воспоминания. М., 2017. 504 с.).

¹⁶⁹ *Бубнов Н. М.* Сборник писем Герберта как исторический источник (983–997): Крит. моногр. по рукописям. Ч. 1–2. СПб., 1888.

¹⁷⁰ В ноябре 1919 г. эмигрировал из России.

¹⁷¹ Лисовский Николай Михайлович (1854–1920) — библиограф, книговед, профессор Московского университета.

¹⁷² Н. М. Лисовский в 1874–1875 гг. учился в Санкт-Петербургском земледельческом институте.

целярии военного министра по кодификационному отделу¹⁷³. Он был страстным библиофилом и библиографом, но страшно медлительным человеком. Сначала он редактировал журнал «Российскую библиографию»¹⁷⁴, которую издавал книгопродавец Гартье¹⁷⁵, а по прекращении этого журнала, журнал «Библиограф», который издавала его жена Э. Ф. Лисовская¹⁷⁶, так как ему, как чиновнику, неудобно было выступать издателем журнала. Журнал, конечно, имел мало подписчиков и давал убыток; но Лисовский пользовался им для получения книг и других журналов в обмен на свой журнал. И вот ближе познакомившись с нашим «кружком историков», Лисовский предложил печатать в нем наши небольшие статьи и критические отзывы о новых книгах. Чтобы поддерживать журнал, решили, что каждый из нас будет вносить Лисовскому по 5 р. в месяц. Но взносы эти поступали неаккуратно. Года три просуществовал «Библиограф». Средства Лисовского истощились, и журнал прекратил свое существование¹⁷⁷. Нам же было отрадно видеть наши статьи напечатанными. Добрые отношения с Лисовским остались с того времени на всю жизнь. Он был совершенно некоммерческий человек, а фанатик своего дела, очень милый и любезный, и скромный человек. В свое время, после смерти Межова¹⁷⁸, известного библиографа, Лисовскому удалось купить его библиографические карточки — целый комод ими наполненный, но, как говорил сам Лисовский, они были в таком виде, что из них ничего нельзя было выкроить. Сам же Лисовский затеял большой труд — Обзор русской периодической печати с ее начала до 1900 г.¹⁷⁹ Над этим трудом он проработал много лет и по счастью напечатал его. Это прекрасная и очень полезная работа. В ней помещены названия журналов по годам с начала их основания, с именами редакторов и издателей, с указателем отдельных томов и графиками всех журналов, каждого в отдельности. В течение жизни он собрал большую библиотеку, которую перед смертью продал в какое-то ка-

¹⁷³ Н. М. Лисовский в марте 1879 г. поступил на службу гражданским чиновником в канцелярию Военного министерства — делопроизводителем по артиллерийским и инженерным делам. Служил в военном ведомстве до 1914 г.

¹⁷⁴ В 1881–1882 гг. редактировал этот журнал.

¹⁷⁵ Гартье Эмиль Карлович (1849–1911) — русский знаток книги, книгопродавец, издатель. издавал каталоги старинных книг.

¹⁷⁶ Лисовская Эмилия Федоровна — издатель «Библиографа». Подробнее, см.: *Ланшина Г. С.* Журнал «Библиограф» Н. М. Лисовского и литература для детей // *Меди@льманах*. 2019. № 2. С. 89–102.

¹⁷⁷ Журнал издавался до 1914 г.

¹⁷⁸ Межов Владимир Измайлович (1830–1894) — библиограф.

¹⁷⁹ *Лисовский Н. М.* Библиография русской периодической печати. 1703–1900. (Материалы для истории русской журналистики). Т. 1–2. М., 1996.

зенное учреждение. Странно было видеть, как во время германской войны Лисовский, этот совершенно штатский человек, пришел ко мне однажды, облаченный в военный мундир и шапку! В это время он переселялся в Москву, получив назначение по службе. Перед смертью он сильно заболел: у него отнялись ноги: он умер в больнице в 1917 или 1918 году¹⁸⁰, оставив по себе самые светлые воспоминания.

Членом «кружка» был также **А. И. Барбашев**¹⁸¹. Он окончил курс третьей гимназии в 1877 г. с золотой медалью и поступил на Историко-филологический факультет С.-П[етер]бургского университета. Это был замкнутый в себя, малоразговорчивый человек. Отец его имел мелочную лавку. По окончании курса университета он поступил гувернером к сыновьям¹⁸² министра народ[ого] просвещения гр[афа] Д. А. Толстого¹⁸³, заведовал библиотекой графа и пользовался его расположением. Пр[офессор] Бестужев-Рюмин оставил его при университете. Барбашев напечатал работу под заглавием «Витовт и его время»¹⁸⁴ часть первая, и получил за нее степень магистра. Хотя диссертация была слаба, но степень он получил, и написал и напечатал вторую часть этой работы¹⁸⁵, которую представил на докторскую степень. Но второй том оказался еще слабее первого, и факультет¹⁸⁶ не принял этой работы, что очень подействовало на Барбашева, и он заболел психически, и исчез с моего горизонта, и мне не удалось узнать, что с ним случилось. Молчаливый и малообщительный Барбашев постоянно посещал мои дружеские собрания и собрания «кружка». По характеру Барбашев был весьма добрый человек. Его болезнь всех нас очень огорчила.

Все наши работы проходили через собрания «кружка». Все писали в то время магистерские диссертации и читали выдержки из них в собраниях «кружка». Кроме того, читали отзывы о книгах и статьях, помещаемые в «Библиографе». На мои дружеские собрания, а иногда

¹⁸⁰ Н. М. Лисовский умер в 1920 г.

¹⁸¹ Барбашев Александр Ипполитович (1858–?) — историк.

¹⁸² У графа были сын Глеб (1862–1904) и дочь София (1854–1917).

¹⁸³ Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) — граф, государственный деятель, министр народного просвещения Российской империи (14 (26) апреля 1866 г. — 4 (16) апреля 1880 г.).

¹⁸⁴ *Барбашев А. И.* Витовт и его политика до Грюндвальденской битвы (1410 г.). СПб., 1885. (Записки Историко-филологического факультета С. Петербургского университета. Т. 15).

¹⁸⁵ *Барбашев А. И.* Витовт. Последние двадцать лет княжения: 1410–1430. СПб., 1891.

¹⁸⁶ По поручению факультета отзыв написал С. Ф. Платонов и решил судьбу товарища. Недавно этот отзыв опубликован (*Митрофанов В. В.* Отзыв С. Ф. Платонова на книгу по истории средневековой Литвы // СВ. Т. 80. Вып 3. М., 2019. С. 134–154).

и в «кружок», приходил **А. И. Савельев** — инженер-генерал-лейтенант¹⁸⁷. Очень добрый, сердечный и ласковый старик. Он был знакомый моего отца, но, познакомившись со мной, стал посещать мои дружеские вечеринки. Когда он познакомился со мной, ему было около восьмидесяти лет, а умер он в начале 90-х гг. на 92 году от рождения. По службе он числился в Инженерном училище, где в зрелые свои годы был классным офицером. При нем кадетами были Достоевский, Чернышевский и Григорович. Сам он занимался историей инженерного искусства в России и напечатал несколько томов ее. Кроме того, он был дилетант восточник и археолог. Все воспитанники инженерного училища обожали его за его доброту и отзывчивость. Не было ни одного воспитанника, которому бы Савельев не оказал бы какой-либо помощи или услуги.

К нашему «кружку» он подошел как нельзя лучше, и мы все его полюбили, а он сумел подойти к нам, молодым людям, как равный по возрасту. Он был холост и жил с сестрой, бывшей классной дамой какого-то института. Жили они ниже по Сергиевской, за пятнадцать домов от нас. Он часто бывал у моих родителей по четвергам вечером, когда они принимали гостей, и у меня на моих вечеринках. Он обладал замечательным здоровьем. Так, за месяца за два до смерти он провел у меня вечер 1-го января — день моих именин, ужинал во втором часу ночи, кушал с аппетитом и вернулся домой один, отказавшись от провожатого. И это на девяносто втором году от рождения. Вскоре он стал прихварывать. У него развился рак в желудке, отчего он и умер. Он торжественно справлял свой 60-летний юбилей в офицерских чинах и получил осыпанную бриллиантами табакерку, т[ак] к[ак] ордена на должности получить не мог. Во время юбилея он получил от бывших своих воспитанников целый шкаф подарков, каждый красовался в его кабинете. Вскоре после юбилея на него надвинулась большая неприятность по службе. Он числился при Инженерном училище и приглашался ассистентом на экзамены юнкеров. В это время военный министр П. С. Ванновский¹⁸⁸ ради экономии стал увольнять генералов, не занимавших штатные места, он увольнял их сначала в званье — они носили нашивки на погонах и эполетах и назывались состоящими «под бандеролью». Этому же подвергся и А. И. Савельев. Но это угрожало сначала уменьшением

¹⁸⁷ Савельев Александр Иванович (1826–1907) — генерал-лейтенант, военный инженер, нумизмат, ротный офицер и воспитатель при Главном инженерном училище в Петербурге.

¹⁸⁸ Ванновский Петр Семенович (1822–1892) — российский военный и государственный деятель, военный министр (1881–1898) и министр народного просвещения (1901–1902).

содержания, а потом выходом в отставку с малой пенсией. Это очень огорчило А. И. Савельева, и он стал собираться переселяться в какой-нибудь уездный город, т[ак] к[ак] в столице жить было не на что. Он продал свои книги и собирался продавать полученные во время юбилея подарки. По счастью, за него вступились его бывшие ученики, сильные мира сего; он был возвращен в прежнюю должность и вышел из запаса, снял «бандероль» и умер на службе. У него были своеобразные обычаи. Он принимал меня по воскресеньям после 12 часов дня. Мы сидели у него в скромном его кабинете; рядом была большая гостиная, за которой были комнаты его сестры. Рядом с кабинетом была его спальня, узкая комната в одно окно, в которой стояла его железная складная походная кровать. У сестры его была горничная, а у него повар-лакей, которого он именовал «Габриэль». Обстановка была у них скромная. Насколько он был мил и приветлив, настолько сестра его была напыщена и сварлива. Они гуляли иногда по Сергиевской вместе, а иногда порознь. Она имела обычай заглядывать в окна первого этажа. Когда я засиживался у А. И. Савельева, она из другой комнаты взывала к нему: «Ты скоро освободишься?». На это А. И. Савельев, видимо, боявшийся ее, отвечал, что скоро освободится, а гость сейчас же начинал собираться уходить, несмотря на просьбу хозяина не торопиться. Я жил в первом этаже и завел зеленые шелковые занавески, закрывавшие нижнюю часть окна, так что с улицы нельзя было видеть, что делается в комнате. Е. И. Савельева сделала мне выговор за эти занавески. А я ей возразил, что «боюсь скверного глаза».

Савельевы имели обычай жить летом на даче в Новом Петергофе и держали лошадей до поздней осени, катаясь в коляске. Лошади, кучер и коляска были весьма древни, а когда в коляске сидели еще оба Савельевы, то всему этому ковчегу было не менее 400 лет.

Е. И. Савельева была очень заносчива и жаловалась, что на улице мальчишки иногда плевали на ее пальто. Похоронен А. И. Савельев в Петергофе. Его сестра немного его пережила и умерла в полном разуме на руках племянницы-врача.

Наш «кружок» просуществовал почти семь лет. В пятилетие «кружка», в 1889 г., мы снялись группой. Участники постепенно выросли, и «кружок» перестал правильно собираться. Остались мои дружеские собрания один раз в неделю. На них, кроме моих друзей и знакомых, бывали приезжавшие из провинции и из-за границы профессора, знавшие, что молодых историков можно в эти вечера встретить у меня.

Сергей Михайлович Середонин (1860–1914)

Сын протоиерея М. И. Середонина¹⁸⁹, проф[ессора] богословия Константиновского¹⁹⁰, а впоследствии Инженерного военного училища. С. М. Середонин рано в детстве лишился матери¹⁹¹ и остался с двумя братьями¹⁹² — старшим Николаем¹⁹³ — впоследствии инженером путей сообщения — и младшим Ильей¹⁹⁴ — впоследствии горным инженером — на воспитании отца. Отсутствие матери и вообще женщины в доме сказалось на его характере и воспитании. Все трое братьев учились хорошо, окончили Шестую классическую гимназию с золотыми медалями. С. М. С[ередонин] поступил на Историко-филологический факультет С.-Петербургского университета в 1879 г., одновременно со мной, и тут на первом курсе мы познакомились. Мы оба аккуратно посещали лекции. Он не нуждался в заработке, т[ак] к[ак] он жил, как и братья, на средства отца. Мы сблизились с ним, и он стал постоянным посетителем моих дружеских вечеринок. Он выбрал себе специальностью русскую историю, а за экзаменационную работу на тему торговля англичан в России в XVI в. получил за нее степень кандидата и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию проф[ессором] Е. Е. Замысловским¹⁹⁵. По окончании курса университета он поступил преподавателем в одну из женских гимназий¹⁹⁶. Изучив основательно английский язык, он избрал темой для магистерской диссертации обследование известий Флетчера о торговле в России в XVI в. под заглавием: «Флетчер и его известия о России в XVI в.»¹⁹⁷ Для этой работы он ездил заниматься в Москву,

¹⁸⁹ Середонин Михаил Ильич (1828–1900) — протоиерей, законоучитель, настоятель церкви Святых апостолов Петра и Павла при Николаевских инженерной академии и инженерном училище.

¹⁹⁰ 2-го военного константиновского училища.

¹⁹¹ Середонина (Раевская) Екатерина Николаевна (ок. 1832–1866) — дочь протоиерея Петропавловского кафедрального собора Николая Федоровича Раевского.

¹⁹² Были у Середониных дочери. Мария Михайловна (1858–?), вероятно, умерла во младенчестве. Анна Михайловна (1865–?).

¹⁹³ Середонин Николай Михайлович (1859–1903) — инженер.

¹⁹⁴ Середонин Илья Михайлович (1862–1914) — горный инженер, работал в Отделении изящных искусств и технологий Петербурга в Публичной библиотеке.

¹⁹⁵ Замысловский Егор Егорович (1841–1896) — историк, профессор истории Санкт-Петербургского университета, действительный статский советник, член-корреспондент Петербургской академии наук

¹⁹⁶ С 1885 г. С. М. Середонин преподавал в приюте принца Ольденбургского, затем в Царскосельской женской, Литейной женских гимназиях, Морском кадетском корпусе.

¹⁹⁷ «Сочинение Джильса Флетчера „Of the Russe Common Wealth“ как исторический источник», изданной в 1891 г.

в архивы Мин[истерства] иностранных дел и Мин[истерства] юстиции. В Москве мы жили вместе в одной квартире и вместе ходили обедать. В Мин[истерстве] юстиции мы познакомились с чиновником архива Зерцаловым¹⁹⁸, напечатавшим в Чтениях Моск[овского] общества истории и древностей российских несколько ценных документов. Мы жили в Москве летом 1885 г. Зерцалов любил приглашать к себе недели через две, по воскресеньям, к обеду, молодых ученых. Он жил летом в Поварском переулке, в чьей-то богатой квартире, которую за отъездом хозяев оберегал от воров. У него была жена, бывшая гувернантка хозяина квартиры. Детей у них не было. Зерцаловы были очень добрые и гостеприимные люди. Кормили они хорошим обедом и развлекались беседой с нами, т[ак] к[ак], несомненно, вдвоем скучали. Это были люди, не имевшие никаких интересов.

Беседа с нами шла об архиве, о кушаньях и т. д. Приглашения их были искренни и весьма настойчивы, и отказаться не было никакой возможности. После обеда была обязательна игра в бикс¹⁹⁹ втроем бесплатно, конечно, дело скучнейшее, но опять отказываться было нельзя. Мы были приняты ласково, т[ак] ч[то] нельзя не помянуть добрым словом этих добрых людей. Так проводили мы день от обеда до 8 часов вечера, когда возвращались домой. Таковы были архивные нравы старого архива Мин[истерства] юстиции при старом составе на Басманной при директоре Калачове²⁰⁰. Впоследствии архив был переведен в новое здание на Девичьем Поле, специально для него построенное. В то время издать перевод Флетчера было нельзя, на нем лежал цензурный запрет с 1848 г., когда пр[офессор] Бодянский²⁰¹ напечатал его в Чтениях Моск[овского] общества истории и древностей российских и за это был переведен в Казань и лишился должности секретаря Общества. Это была почетная ссылка. Перевод был уже напечатан, но вырезан и запечатан в пачки и хранился в складе Общества без права распространения, но оттуда все же небольшое число экземпляров разошлось по рукам. Бодянского заменил пр[офессор] Беляев²⁰² и стал издавать вместо «Чтений» «Временник», который в 1858 г. опять обратился в «Чтения». «Временника» было издано

¹⁹⁸ Зерцалов Александр Николаевич (1839–1897) — историк, архивист.

¹⁹⁹ Бикс — вид игры на наклонном столе или доске, по которому шар после удара сбегает обратно.

²⁰⁰ Калачов Николай Васильевич (1819–1885) — юрист, историк, археограф, архивист; профессор истории русского права, академик. Управляющий МАМЮ с 1865 г.

²⁰¹ Бодянский Осип Максимович (1808–1877) — профессор Московского университета, филолог, историк, археограф, один из первых славистов в царской России, писатель, переводчик.

²⁰² Беляев Иван Дмитриевич (1810–1873) — профессор Московского университета по кафедре русского законодательства, историк.

25 книг. Одновременно с писанием диссертации С. М. Середонин перевел известия других англичан, современников Флетчера, и тогдашний секретарь Общества Е. В. Барсов²⁰³ напечатал этот перевод в «Чтениях». Середонин должен был по обычаю, в качестве гонорара, получить 300 оттисков, но по небрежности Барсова оттисков не сделали, и переводчик их не получил. Во время студенчества С. М. Середонин жил с отцом в Константиновском военном училище. Отца его все почитали и любили, как начальство, так и юнкера. Но неожиданно вышел следующий инцидент. Когда о. Середонин служил всеобщую, певчие юнкера неожиданно отказались петь, стоя на клиросе. О. Середонин растерялся, прекратил богослужение, закрыл алтарь и ушел из церкви. Какова была причина такого поведения юнкеров, я не знаю, но дело дошло до митрополита,²⁰⁴ тогда был Исидор²⁰⁵, который принял сторону протоиерея и обещал перевести его на первую же вакансию в другое военное училище. Т[аким] о[бразом], М. И. Середонин был переведен в Инженерное училище, и они поселились в Инженерном замке, где я у них и бывал. Там о. протоиерей приобрел тоже общее уважение и любовь.

Получив степень магистра²⁰⁶, С. М. Середонин был приглашен на кафедру русской истории на Бестужевские курсы²⁰⁷. Получив некоторое обеспечение, отец С[ергея] М[ихайлови]ча предложил ему жить отдельно, чтобы приучить к самостоятельному хозяйству. Нашел ему квартиру, купил обстановку и нанял старуху кухарку. Сам Сер[гей] Мих[айлович] рассказывал (он был большой юморист), как он внезапно очутился перед необходимостью самому хозяйничать. Приходит к нему однажды утром кухарка и просит дать ей денег на покупку швабры. «А я не знаю, что такое швабра, а спросить у нее совестно. Но я вышел из „тяжелого“ положения: я дал ей три рубля, говоря, что у меня нет мелких, т[ак] к[ак] думал, что швабра стоит не дороже трех рублей. Она взяла три рубля и ничего не сказала, а купив швабру, принесла мне сдачу 2 р. 95 коп.! Так я узнал впервые стоимость швабры и сохранил авторитет хозяина!». И много пришлось ему испытать

²⁰³ Барсов Елпидифор Васильевич (1836–1917) — историк литературы, этнограф, фольклорист, собиратель и исследователь древнерусской письменности, археограф.

²⁰⁴ Далее зачеркнуто: который.

²⁰⁵ Исидор (1799–1892) — епископ Русской православной церкви; митрополит Киевский; затем, с 1 июля 1860 г., — Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский, первенствующий член Святейшего синода.

²⁰⁶ Степень магистра получил в 1892 г.

²⁰⁷ Бестужевские курсы (Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге) — одно из первых женских высших учебных заведений в России, существовавшее с 1878 по 1918 г.

таких уроков! С[ергей] М[ихайлович] был приглашен, как я выше сказал, читать русскую историю на Бестужевские курсы и читал с успехом, хотя слегка заикался. Через года два он женился на своей слушательнице Е. М. Котляревской²⁰⁸. Временно он пропал с горизонта своих друзей, но вскоре, когда они обжились, он опять стал регулярно посещать мои вечеринки; потом мы познакомились с его женой, и семьи наши очень подружились. Через несколько лет он получил еще место профессора СПб. Историко-филологического института и был назначен его инспектором. Он получил огромную квартиру в здании института. Его квартира и квартира директора института выходили на набережную Невы окнами как и весь нижний этаж здания. По одну сторону парадного входа была квартира директора, а по другую — равная первой по площади — квартира С. М. Середонина. Комнаты были очень высокие и очень большие, т[ак] что дети²⁰⁹ С[ергея] М[ихайловича] катались в них на велосипедах. Правда, должность инспектора была связана обязанностью посещать вечером занятия студентов и их дортуары²¹⁰, но при его добродушии это не составляло для него неприятностей. Были у него некоторые трения вначале с директором института В. В. Латышевым — известным классиком и академиком, но С. М. С[ередонин] умел твердо обходить эти трения, не сдавая своих позиций. Он получил также лекции в СПб. Археологическом институте, где читал историческую географию. Курс надо было выработать, т[ак] к[ак] предмет был новый и пособий было мало. По смерти его лекции вышли отдельной книгой и ценились. Ст[атс]-секретарь Куломзин²¹¹ обратился к нему с поручением написать к 100-летию юбилею Комитета министров его историю.

С. М. С[ередонин] напечатал три больших тома²¹² и, таким образом, успешно выполнил поручение; но он очень жаловался на Куломзина, который корректировал текст С. М. С[ередонина], и, как выражался последний, его «копыто тяжело проходило по тексту». Но отказаться было поздно, и он окончил свой труд с горьким чувством. Писал и печатал С. М. С[ередонин] мало. Были его статьи и в «Библиографе»,

²⁰⁸ Середонина (Котляревская) Елена Митрофановна (1874–?).

²⁰⁹ Дети Михаил Сергеевич (1897–?), Александр Сергеевич (1899–?), Сергей Сергеевич (1901–?), Елена Сергеевна (август 1914–?).

²¹⁰ Дортуар — общая спальня для воспитанников в закрытых учебных заведениях. Переводится как «комната для сна», «опочивальня».

²¹¹ Куломзин Анатолий Николаевич (1838–1932) — государственный деятель. В 1883–1902 гг. занимал пост управляющего делами Комитета министров.

²¹² Исторический обзор деятельности Комитета министров. Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802 г. сентября 8 — 1825 г. ноября 19). Т. 1–3. СПб., 1902.

рецензии в Жур[нале] Мин[истерства] народ[ного] просв[ещения] и др. Он много читал и был очень знающим профессором. Лето 1914 г. он проводил на Волге, в с. Красном, имении сына поэта Некрасова, где и умер от рака. По счастью для него, он не пережил несчастий своей семьи. Его старший сын получил туберкулез на германском фронте и умер дома, а младший пропал без вести во время междоусобной войны²¹³. Но это уже совершилось, когда его не было в живых. С. М. С[ередонин] был веселый и приятный собеседник, был в партии кадетов. Как большой либерал, любил поиграть в винт в дружеской партии и играл хорошо. Все его ученые труды пользуются признанием специалистов.

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–6 об.

Николай Дмитриевич Чечулин (1863–1928)

Н. Д. Чечулин родился в 1863 г. в имении отца своего на Шексне, в Череповецком уезде, в с. Борисоглебском, на месте, называемом Ирмой.

Окончил курс Ярославской классической гимназии и в 1880 г.²¹⁴ поступил на Историко-филологический факультет С.-П[етер]б[ургского] университета, который окончил в 1885 г. В течение курса написал большую работу²¹⁵ на заданную факультетом тему и получил серебряную медаль, и был оставлен проф[ессором] Е. Е. Замысловским при университете для приготовления к профессорскому званию при кафедре русской истории. Отец его рано умер²¹⁶, а мать²¹⁷ оставалась жить в имении с дочерью. Три же ее сына — Павел — впоследствии инженер-технолог, он, Николай, жили во время учения в высших учебных заведениях у брата их матери, инженер-генерала Н. П. Петрова²¹⁸ — известного профессора Технологического института и Инженерной академии, очень крупного ученого, бывшего впоследствии председателем департамента экономики Государственного Совета. Сергей же поступил на медицинский факультет в Московский универси-

²¹³ Речь про Гражданскую войну.

²¹⁴ Правильно 1881 г.

²¹⁵ «Записки Болотова как исторический источник».

²¹⁶ Чечулин Дмитрий Николаевич.

²¹⁷ Петрова Мария Павловна.

²¹⁸ Петров Николай Павлович (1836–1920) — ученый-механик и инженер, инженер-генерал, профессор, основоположник гидродинамической теории смазки. С 1900 г. — член Государственного совета, в 1907–1915 годах — председатель 2-го Департамента Государственного совета.

тет, где и окончил курс. С матерью у сыновей были натянутые отношения, и они почти не виделись. Она, по-видимому, страдала некоторым психическим расстройством, особенно после смерти взрослой дочери, умершей в двое суток от дифтерита. Мать уехала в Ялту и там жила в своем доме. С сыновьями даже не переписывалась.

У Н. П. Петрова собирались вечером раз в неделю выдающиеся профессора техники и железнодорожные деятели. Н. Д. Ч[ечулин] присутствовал на этих вечерах. Во время университетского курса Н. Д. Ч[ечулин] не занимался посторонним заработком, по окончании же курса давал частные уроки. Очень полный и красивый, с румянцем во все щеки, с темными волосами, но страшно близорукий, он постоянно носил очки и без них ничего не видел. Он был рослый и очень сильный, обладал замечательной памятью. Он имел лишь небольшой недостаток в языке, мешавший ему ясно говорить, и при торопливости его характера было трудно понимать даже нам, привыкшим к его речи. Чтобы говорить понятно, ему приходилось делать большие усилия над собой, как бы тормозить себя. Нужна была небольшая операция, но он на нее не решался. Он обладал веселым характером, многим увлекался; он был прекрасным товарищем и пользовался общей любовью всех, его знавших, от мала до велика. В 1889 г. он напечатал исследование «Города Московского государства в XVI в.» и по защите диссертации этой в 1890 г. получил степень магистра русской истории²¹⁹. По защите диссертации он в 1891 г. был избран приват-доцентом университета и читал лекции до 1897 г. Лекции его очень утомляли, т[ак] к[ак] ему приходилось делать над собой большие усилия, чтобы ясно говорить. В это время кн[язь] К. А. Горчаков²²⁰ пригласил его заведовать воспитанием и давать уроки двум его сыновьям — Александру²²¹ и Михаилу²²². Он поселился у князя и скоро стал любимым членом его семьи. Это давало ему материальное обеспечение, но и оставляло ему время для собственных ученых работ. Летом Н. Д. Ч[ечулин] ездил с Горчаковыми в его имение в Киевскую губернию.

Когда ученики его выросли, он довел их до окончания курса гимназии, он покинул дом князя и поселился в квартире против гене-

²¹⁹ Исторические диспуты в 1890 г. // Историческое обозрение. 1890. Т. 1. С. 276–310; С. 298–300.

²²⁰ Горчаков Константин Александрович (1841–1926) — князь, киевский вице-губернатор (1877–1878).

²²¹ Горчаков Александр Константинович (1875–1916) — князь, ротмистр, переяславский уездный предводитель дворянства в Полтавской губернии, шталмейстер.

²²² Было еще два сына Борис (1879–1900) и Михаил (1880–1961), монархический деятель эмиграции, коллекционер.

р[ала] Н. П. Петрова, по той же парадной лестнице. Он поступил помощником библиотекаря в Публичную библиотеку, в иностранное Отделение, которым заведовал П. А. Соколовский²²³, почти ничего не делавший и запустивший Отделение. Чечулину пришлось приводить Отделение в порядок, проверить наличие книг с карточным каталогом, причем нашел он несколько редких и др[евних] книг, считавшихся утраченными, т[ак] к[ак] по небрежности они были поставлены на полки не на свои места. Этой работой²²⁴ Н. Д. Ч[ечулин] зарекомендовал себя, и по смерти В. В. Стасова²²⁵ ему было передано в заведование Отделение истории искусств²²⁶ на правах старшего библиотекаря. Это Отделение было еще в большем беспорядке. Стасов совершенно не занимался им, а его помощник, профессор истории музыки Л. А. Саккетти²²⁷, совершенно не был способен помогать Стасову по ограниченности умственных способностей. Карточки на поступающие и покупаемые книги систематически не писались, каталога Отделения не было, а С[тасов], обладая счастливою памятью, находил книги и без каталога. Сакетти говорил Стасову куда уходил. Имея надобность в Сакетти, Стасов бегал из зала в зал и спрашивал у библиотекарей: «Где мой дурак?». Но вместе с тем Н. Д. Ч[ечулин] находил по несколько экземпляров книг по истории искусства, выписанных в разное время. Книги были дорогие и умножали дублеты. Это было очень обычное последствие отсутствия каталога, т[ак] к[ак] Стасову нужно было какое-либо сочинение, он его не находил и выписывал, и покупал вновь. Проработав два-три года, Н. Д. Ч[ечулин] привел и это Отделение в порядок. Окончив эту работу, Н. Д. Ч[ечулин] занялся разборкой и приведением в порядок и описанием географических карт, которые хранились сваленные в верхнем этаже библиотеки, под крышей. Среди них нашел он несколько очень редких гравированных карт XVI в. И об одной из них в единственном известном экземпляре он напечатал в Ж[урнале] Мин[истерства] нар[одного] просв[ещения] статью²²⁸. В бытность библиотекарем он по-

²²³ Соколовский Павел Александрович (1842–1906) — историк-экономист, состоял библиотекарем исторического отделения Публичной библиотеки.

²²⁴ Чечулин Н. Д. О Стасовском собрании портретов Петра I // Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову: сб. воспоминаний. СПб., 1910. С. 62–64.

²²⁵ Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) — искусствовед, музыкальный критик, археолог, почетный академик. Стасов проработал библиотекарем более 50 лет в Публичной библиотеке Петербурга.

²²⁶ Отделение изящных искусств и технологий.

²²⁷ Саккетти Ливерий Антонович (1852–1916) — специалист по истории и теории музыки и эстетики, музыкальный критик, педагог, профессор истории музыки, эстетики. В ркп. фамилия написана с одной «к».

²²⁸ Чечулин Н. Д. О так называемой карте царевича Федора Борисовича Годунова // ЖМНП. 1903. Ч. 346. № 4. С. 335–346.

лучил должность помощника редактора Журн[ала] Мин[истерства] нар[одного] просвещения; на эту должность пригласил его редактор Журнала, проф[ессор] В. Г. Васильевский. В то же время он работал над докторской диссертацией, напечатал ее в 1896 г. под заглавием «Внешняя политика России в царствование Екатерины Второй (1762–1774)» и получил за нее степень доктора русской истории²²⁹. При А. А. Половцеве он был главным редактором издаваемого Русским историческим обществом²³⁰ Русского биографического словаря и под своей редакцией напечатал там на буквы И. Л. К²³¹ и был избран в члены и секретари Общества. В это же время он редактировал несколько томов издаваемого Обществом Сборника, в которых продолжил издание протоколов Екатерининской Комиссии²³² по составлению Уложения. По смерти Половцева, его место занял великий князь Николай Михайлович²³³, и Н. Д. Ч[ечулин] ушел из секретарей Общества. Он был избран членом Археографической комиссии, и под его редакцией была издана Псковская судная грамота fac-simile полностью²³⁴ и в другом издании в транскрипции для учебных целей²³⁵.

Директор Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко²³⁶ назначил Н. Д. Ч[ечулина] своим помощником²³⁷ на место ушедшего Н. П. Лихачева²³⁸. В 1914 г. Н. Д. Ч[ечулин] был назначен попечителем Виленского учебного округа и пробыл в ней до ее упразднения в 1916 году.

Вместе с братом Сергеем Дмитриевичем, доктором медицины, постоянно жившим в Череповце, он владел имением, в котором родился, на Шексне. Серг[ей] Дмитриевич привел имение в порядок и орга-

²²⁹ Диспут Чечулина // Исторический вестник. 1897. Т. LXVII. № 1. С. 373–374; *Мякотин В. А.* Диспут и ученая степень // Русское богатство. 1897. № 7. Отд. 2. С. 1–34.

²³⁰ Под наблюдением В. В. Майкова и Н. Д. Чечулина вышел т. 129, под наблюдением Н. Д. Чечулина вышли т. 134, 136; т. 144, ч. XIII; т. 147, ч. XIV.

²³¹ Под его редакцией вышли т. 8–10, кстати, переизданы в 1994, 1995 и 1996 гг. Н. Д. Чечулин поместил в Словаре 22 статьи на букву Д, 12 на букву Л.

²³² Речь идет о 134, 144 и 147 гг.

²³³ Николай Михайлович (1859–1919) — великий князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, историк и лепидоптеролог, председатель Русского исторического общества.

²³⁴ Псковская судная грамота: с 17 табл. СПб., 1914. VIII, 28 с.

²³⁵ Псковская судная грамота: с 1 табл. СПб., 1914. VIII, 28 с.

²³⁶ Кобеко Дмитрий Фомич (1837–1918) — историк и библиограф, государственный деятель, последний дореволюционный директор Публичной библиотеки в Петербурге (в 1902–1918).

²³⁷ Занимал должность до 15 июня 1915 г.

²³⁸ Лихачев Николай Петрович (1862–1936) — историк, академик, специалист в области источниковедения, дипломатики и сфрагистики. Помощник директора Публичной библиотеки (1902–1914).

низовал правильную продажу леса, что давало братьям хороший доход. Там был старый большой дом, несуразный дом²³⁹. Ник[олай] Д[митриевич] построил для себя отдельный дом. Оба дома были на высококом берегу р. Шексны. С балкона дома Н. Д. Ч[ечулина] открывался великолепный вид на верхнее течение реки, и по прямой линии открывался горизонт на 20 слишком верст. По выходе в отставку в 1916 г. он там поселился в построенном для себя доме. Там он продолжал ученую работу и написал большое исследование о научных сведениях, обращавшихся у русских людей конца XVIII в. Для этой работы ему высылали книги из Публичной библиотеки, и сам он ездил изредка в Ленинград для отыскания материалов и пополнения источников. Сочинение было расположено по тогдашним наукам: истории, естествознания и пр[очих]. Ему пришлось перечитать до двух тысяч книг. Правда, книги в то время были небольшие. Т[аким] о[бразом] ему удалось установить научный кругозор русских людей XVIII в. Он окончил это сочинение и переплетенную рукопись сдал на хранение в Публичную библиотеку. Н. Д. Ч[ечулин] обладал весьма разнообразными интересами, как видно из его печатных трудов. Он писал и по русской истории XVI [в.] и XVIII [в.], писал о русском обществе во второй половине XVIII в.²⁴⁰, напечатал исследование о русском социальном романе XVIII в.²⁴¹, писал о русских жилых постройках XVI в.²⁴², писал по истории западноевропейской картографии XVI в., перевел с латинского и напечатал сочинения Лукиана²⁴³, составил краткое изложение многотомной истории римской Моммзена²⁴⁴ и издал это извлечение на средства ученика своего А. К. Горчакова. Когда он стал получать большие средства, он пристрастился к собиранию гравюр и успел собрать их до 41 т[ысяч] листов, причем многие из них выписывал из-за границы при помощи антикваров. Ему посчастливилось воспользоваться распродажей хороших собраний, в том числе пр[офессора] Буслаева²⁴⁵ и других в С.-П[етербурге]. У него были под-

²³⁹ Здесь не раз проводили лето семьи Дружинина и С. Ф. Платонова.

²⁴⁰ Чечулин Н. Д. 1) Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. М., 2008; 2) Русская провинция во второй половине XVIII века. СПб., 2010.

²⁴¹ Чечулин Н. Д. Русский социальный роман XVIII века: «Путешествие в землю Офирскую г. С. швецкого дворянина»: Сочинение кн. М. М. Щербатова. СПб., 1900.

²⁴² Чечулин Н. Д. Русские деревянные жилые постройки в XVI веке. СПб., 1893.

²⁴³ «Избранные сочинения» древнегреческого поэта Лукиана».

²⁴⁴ Моммзен Теодор. Римская история по Моммзену / Кратком изложении Н. Д. Чечулина; предисл. А. К. Горчакова. СПб., 1909. В ркп. фамилия историка написана с одной «м».

²⁴⁵ Буслаев Федор Иванович (1818–1897) — лингвист, фольклорист, историк литературы и искусства, глава русской мифологической школы.

линные гравюры Дюрера²⁴⁶, Рембранта²⁴⁷ и др[угих]. Для успешного собрания ему пришлось изучить историю гравирования. Свое собрание он описал и напечатал в Записках Классического отделения Русского археологического общества под заглавием «Сорок лет собрания гравюр»²⁴⁸. Он отдал, уезжая в деревню, это собрание на хранение в Публичную библиотеку. Н. Д. Ч[ечулин] обладал замечательным умением рисовать. Он не учился рисованию, но его глаз как-то замечательно связан с рукой. Ему ничего не стоило нарисовать линейный орнамент и тут же скопировать его в обратную сторону, совершенно симметрично²⁴⁹. Особенно интересно было видеть, как он рисовал мелом на карточном столе свою подпись с росчерком, и тут же воспроизводить ее точно, только в обратную сторону, начиная с росчерка и печатал буквами Ч и Н. Н. Д. Ч[ечулин] очень удачно рисовал карикатуры: их сохранилось несколько. Особенно была удачна карикатура на чей-то диспут, на котором выступал оппонентом пр[офессор] Н. И. Кареев²⁵⁰. Н. Д. Ч[ечулин] нарисовал университетский зал, кафедру с диспутантом, против которой был стол с сукном, за которым сидел факультет. На одном стуле стояла кадка с водой, из-под крышки кадки текла вода. Это изображало пр[офессора] Кареева, носившего название «Калоша водолей» — как характеристика его лекций. Он научился гравировать на меди крепкой водкой (офорт²⁵¹) у художника МКТЭ и награвировал около двух десятков копий с картин. Между прочим, он скопировал портрет Петра Великого в детском возрасте с единственного экземпляра, хранящегося в Публичной библиотеке. Туда он и пожертвовал полное собрание своих собственных офортов, которых печатал в малом числе экземпляров. Но это искусство не обошлось ему даром. На правой руке у него образовался твердый желвак — от сильного напряжения, который пришлось убирать при помощи операции.

Когда Н. Д. Ч[ечулин] был приват-доцентом, 8-го февраля, в годовщину основания университета, мы, близкие между собой друзья,

²⁴⁶ Дюрер Альбрехт (1471–1528) — немецкий живописец, рисовальщик и гравер, один из выдающихся художников эпохи Северного Возрождения.

²⁴⁷ Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669) — голландский художник «Золотого века Нидерландов».

²⁴⁸ Вероятно, неточность. Известна книга: *Чечулин Н. Д. Десять лет собрания. Каталог коллекции гравюр Н. Д. Чечулина с очерком истории гравирования и с 35 снимками.* СПб., 1908.

²⁴⁹ Далее зачеркнуто: В собрании.

²⁵⁰ Кареев Николай Иванович (1850–1931) — историк и социолог, педагог, академик. Один из виднейших представителей «субъективной школы» в российской социологии.

²⁵¹ Офорт — вид печатной графики.

все воспитанники СПб. университета, имели обычай обедать в этот день вместе в одном из хороших ресторанов. На большие обеды бывших воспитанников университета мы не ходили. Там был по преимуществу состав прежних поверенных. Обеды были очень многолюдные, и были среди людей малознакомые, было очень скучно, тем более, что приходилось выслушивать словоизвержение разных профессиональных брехунов. Студенты тоже собирались группами в разных более дешевых трактирах. После обеда они выходили на улицы группами, иногда пели, будучи подпившими, традиционное «Gaudeamus». Полиция на это смотрела сквозь пальцы. И в этот вечер новый градоначальник, пьяный генерал фон Валь²⁵², затеял при помощи дворников облаву на студентов. Это был один из бестолковейших и грубых градоначальников. Он хотел этим выслужиться — избить «революционеров». В этот вечер студенты тоже пошли группами по Невскому проспекту, подошли в Аничкову дворец и что-то патриотическое пели. По Невскому возвращался и Н. Д. Ч[ечулин] после нашего обеда один. Когда он подходил к Троицкому переулку, его нагнал студент и, думая, что Н. Д. Ч[ечулин] профессор, обратился к нему, говоря, что дворники набрасываются на студентов и их избивают. Н. Д. Ч[ечулин] успокоил студента и пошел своей дорогой по Невскому, по направлению к Николаевскому вокзалу. В это время, у Троицкого переулка, на него накинулось несколько дворников и стали наносить ему удары. Будучи очень силен, Н. Д. Ч[ечулин] ловко отбивался и сильными ударами бил дворников. Но один дворник ударил его по лицу, сбил очки и подбил глаз. Н. Д. Ч[ечулин] без очков ничего не видел, к тому и боль глаза давала себя чувствовать. Он добрался до первого извозчика и поехал домой. На следующий день он вызвал меня к себе. Я застал его в постели в печальном состоянии, с заплывшим от опухоли глазом и с болью во всем теле. Вызвал он также доктора. Он просил меня съездить к Министру народного просвещения Делянову²⁵³, рассказать ему о случившемся (об избииении приват-доцента) и просить защиты. Я служил тогда в Археографической комиссии, неподведомственной Делянову, надел вицмундир и отправился к нему на прием. Он жил тогда в доме армянской церкви. Зал его был набит разными просителями. Он всех вежливо принимал, всем обещал все и всех обманывал. Дав нужную мзду лакею, я скоро

²⁵² Валь Виктор Вильгельмович (1840–1915) — государственный деятель, генерал от кавалерии, член Государственного совета Российской империи. Губернатор Гродненской, Харьковской, Витебской, Подольской, Волынской, С.-Петербургский градоначальник (1892–1895).

²⁵³ Делянов Иван Давыдович (1818–1897) — министр народного просвещения (1882–1897).

был принят и рассказал о случившемся. Он выслушал и даже не счел нужным обещать вступить в это дело — «неприятный случай». Таков был этот «замечательный министр!». Так он и не принял никаких мер в защиту приват-доцента университета²⁵⁴. Такое избиение происходило в разных местах города; дело получило огласку, за студентов вступились, и Валя сместили. Я уже выше сказал, что Н. Д. Ч[ечулин], по уходу от Горчакова, поселился в д[оме] № 70 по Загородному, по одной лестнице со своим дядей генералом Н. П. Петровым. Н. Д. Ч[ечулин] очень скромно, но очень уютно отделал свою квартиру и обставил ее мебелью красного дерева Николаевской эпохи. На стенах, в темно-красных багетовых рамках, развесил он лучшие листы своих гравюр. Но были тоже замечательные листы с изображением обнаженных женщин. Сюжетов их я не помню. Кроме того, у него было несколько статуэток чугунных и терракотовых, изображавших каких-то мифических богинь. Это дало повод к забавному инциденту. У него была старуха прислуга, ей было лет за 50, девица Евгения. В один прекрасный день он возвращается домой со службы и видит, что все статуэтки одеты в тряпочные мешки, а обнаженные изображения в рамках обернуты лицом к стене. Он с изумлением спрашивает Евгению, кто это сделал и что это значит. Она совершенно серьезно отвечает, что она девица и не может видеть обнаженной наготы в его присутствии и потому придумала соответствующую меру! Н. Д. Ч[ечулин] привел все в прежний порядок, выругал старуху и предложил ей искать другое место; но она, конечно, осталась. У Н. Д. Ч[ечулина] в это время по четвергам вечером собирались гости в небольшом числе. Мне тоже приходилось у него бывать, особенно после того, как он мне устроил квартиру в том же доме, этажом ниже его. Иногда его посещали генер[ал] Н. П. Петров, пр[офессор] Э. Л. Радлов²⁵⁵, пр[офессор] В. Г. Васильевский²⁵⁶, С. М. Середонин, братья Барсуковы²⁵⁷ и другие. Здесь я познакомился с генер[алом] Н. П. Петровым. Это был старичок небольшого роста, сухощавый,

²⁵⁴ Это относится к 1895 г. Н. Н. Платонова в своем дневнике за 14 февраля делает большую запись и описывает этот факт иначе: дело было доложено даже государю. (*Платонова Н. Н. Дневник. С. 133*). О происшествии появилась публикация (*Правительственный вестник. 1895. 16 февраля. № 36. С. 1*).

²⁵⁵ Радлов Эрнест Леопольдович (1854–1928) — философ немецкого происхождения, историк философии, филолог и переводчик. Сооснователь Санкт-Петербургского философского общества, директор Публичной библиотеки.

²⁵⁶ Васильевский Василий Григорьевич (1838–1899) — византист, академик.

²⁵⁷ Барсуковы, братья-историки: 1) Александр Платонович (1839–1914) — историк, геральдист, генеалог. 2) Иван Платонович (1841–1906) — служил бухгалтером и казначеем Ксенинского института. 3) Николай Платонович (1838–1906) — историк и библиограф.

седой, с седой бородой. Был он очень приветлив с нами — людьми младшего поколения и не инженерами. Он всегда вел интересную беседу и нередко делился с нами сведениями о текущих собраниях, так, помню, после забастовок в высших учебных заведениях, он рассказывал интересную вещь. Тогда он уже был членом в одном из департаментов Государственного Совета. Их в Госуд[арственном] Совете занимал вопрос о том, на какие деньги производятся эти забастовки, т[ак] к[ак] многие студенты лишались стипендий и, т[аким] о[бразом], средств к жизни. Они обратились конфиденциально в банки, но те им сказали, что несомненно тут действуют иностранные деньги, но установить это точно нельзя, т[ак] к[ак] переводы из-за границы получают богатыми иностранными коммерсантами, хотя и в обычное для их дел время, но нет повода для подозрения и преследования отдельных лиц²⁵⁸. В подтверждение рассказа Н. П. Петрова, вспоминаю, как в 1902 г., в начале июня, мне пришлось ехать из Москвы в Челябинск в сибирском экспрессе. У меня было отделение. Когда я вошел в вагон, то отделение рядом с моим было приоткрыто; на столе стояли бутылки. Ну, думаю себе, не дадут мне соседи при такой обстановке покоя! Но оказалось, что отделение это было занято двумя французами — секретарем Парижского географического общества П. Лаббе²⁵⁹, ехавшим во Владивосток и на Камчатку для обследования инородцев, и другим, бывшим директором Оттоманского банка в Константинополе, ехавшим через Сибирь и Америку в Париж. Но опасения о беспокойстве²⁶⁰ оказались напрасны. Это были очень милые и просвещенные люди. Лаббе хорошо говорил по-русски, хотя, конечно, с акцентом. На следующий день мы в вагоне-столовой и проводили время в беседах на французском языке, которым я свободно владею. Как-то зашел у нас разговор о посещении французской эскадры Кронштадта и прибытии президента Французской республики²⁶¹ с визитом в государю. И ответного визита государя с эскадрой в Париж. Б[ывший] директор банка очень скептически относился к значению этих визитов, последствия коих были тогда еще неизвестны. Он говорил, что эти торжества не имеют реального значения. «Вот, продолжал он, если бы вы перевели ваши государственные долги во Францию, что упрочило бы добрые отношения между обоими государствами. А теперь, в результате этих визитов только обмен любезностей и вы-

²⁵⁸ Далее зачеркнуто: Другое интересное его сообщение могло стать.

²⁵⁹ Поль Огюст Лаббе (1867–1943) — французский путешественник, генеральный секретарь Парижского общества коммерческой географии (1905–1919).

²⁶⁰ Далее зачеркнуто: были на.

²⁶¹ Речь идет о визите президента Франции Эмиля Лубе в Россию в мае 1902 г. Годом ранее император России в сентябре 1901 г. был с визитом во Францию.

питое шампанское. Тогда бы при переводе ваших долгов из Германии к нам, вы стали бы нашими прочными союзниками. А сейчас вы наши опасные конкуренты. Смотрите, недавно в Лионе была международная выставка, не были выставлены ваши бархаты и шелковые материалы; они не только не уступают нашим по качеству — вы понимаете, чего стоит мне, французу, в этом признаться — но, иногда они были выше наших, а главное, они значительно дешевле наших. Это происходит от дешевизны у вас труда. Наш же рабочий труд дорог. Нашему рабочему дайте и оплатите комфорт, клуб, ресторан, театр и прочее. Вашему же нужен лишь угол, койка, баба и бутылка водки! Но мы не дадим вам конкурировать с нами, а постараемся вести с вами войну не штыками, а иными средствами и задержим рост вашей промышленности». И вот, этими средствами явились забастовки в высших учебных заведениях как раз во время развития промышленности в России. Слова француза оправдались, хотя после Парижа — Тулона и переведены были во Францию государственные долги, забастовки и обструкции имели последствием задержку в развитии промышленности в России.

Второе интересное сообщение Н. П. Петрова носило статистический характер. Оказывается, что по статистике все лучшие инженеры получали классическое образование и были выше инженеров, получивших курс реальных училищ. С генер[алом] Н. П. Петровым был интересный случай. После крушения императорского поезда в Борках было наряжено техническое следствие для выяснения причины крушения. Чуть ли не сам Н. П. Петров был председателем этой комиссии. Были найдены технические причины крушения, и Н. П. Петров должен был прочесть об этом лекцию. Но пока лекция готовилась, оказалось, что причиной крушения была т[ак] н[азываемая] адская машина с часовым механизмом, которую поставил в вагон-кухне ехавший в поезде поваренок, бежавший после крушения за границу, где некоторое время скрывался, но впоследствии был найден и передан русской полиции. Дело замяли, но лекция Н. П. Петрова не состоялась.

Другой интересный гость был профессор философии Высших женских курсов Э. Л. Радлов. Он с большим успехом читал на Курсах лекции. Он был очень веселый и остроумный собеседник. Он бывал у Н. Д. Чечулина как редактор Журнала Мин[истерства] народного просвещения. Его помощником после смерти проф[ессора] В. Г. Васильевского и был Н. Д. Ч[ечулин]. Не имея своей семьи, Н. Д. Ч[ечулин], обладая добрым сердцем, легко привязывался к близким ему людям. Сначала он полюбил сына своего ученика А. К. Горчакова и всю жизнь также относился к нему.

Во время войны А. К. Горчаков заведовал на фронте санитарным отрядом и самоотверженно работал, на передовых позициях был убит. Это было большим горем для Н. Д. Ч[ечулина]. Другим ударом для Н. Д. Ч[ечулина] был следующий случай. На службе в Публичной библиотеке ему помогал, как подручный сторож, некий Максим — толковый и грамотный человек. Н. Д. Ч[ечулин] взял его к себе в лакеи. Живя у Н. Д. Ч[ечулина], Максим женился. Он сам, его жена и теща поселились у Н. Д. Ч[ечулина]. Старуха была кухаркой. Максим запивал, но прекрасно обслуживал Н. Д. Ч[ечулина], который в нем души не чаял и полюбил, как сына. Случилось, что Максим заболел туберкулезом, два или три года проболел и несмотря на прекрасный уход и условия жизни, которые дал ему Н. Д. Ч[ечулин], и медицинскую помощь, он умер.

Как я уже сказал выше, Н. Д. Ч[ечулин], выйдя в отставку, поселился в своем имении на Шексне и там продолжал усердно работать. Местные власти отнеслись к нему очень внимательно. Предоставили ему пожизненно дом, подарили корову и снабжали его керосином. Они знали его ученые работы и так их оценили. Живя зимой в доме, он как-то мало его топил, как сам рассказывал. У него было в комнатах не более 8° по Р. По-видимому, от этого он получил первый апоплексический удар, от которого, однако, оправился; но заметно было, что его могучий организм пошатнулся. Он стал плохо говорить, сильнее шепелявить. Даже нам, людям к нему привыкшим, было трудно его понимать, а когда его переспрашивали, он обижался. Года через два удар повторился, и через сутки Н. Д. Ч[ечулин] скончался на руках жены его брата, случайно приехавшей навестить его из Череповца. Похоронен он в имении, на кладбище близ его дома. Замечательно, как Н. Д. Ч[ечулин] успевал много читать, работать, печатать, а по вечерам посещать знакомых и друзей. Его везде любили за его веселый характер, и везде он был желанным гостем. Любил он поиграть по небольшой ставке в винт и играл, по отзывам игроков, прекрасно. Любил он раскладывать пасьянсы и даже сочинил два-три новых.

В. Г. Дружинин.

Ростов. 17/VII 1933 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕ — Археографический ежегодник
ВАА — Вестник «Альянс-Архео»
ВЖБК — Высшие женские Бестужевские курсы
ГИМ — Государственный исторический музей
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИЗ — Исторические записки
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии
МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции
МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел
МНО — Московское нумизматическое общество
МОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОР — Отдел рукописей
ОФР — Очерки феодальной России
ПДС — Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РД — Русский дипломатарий
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией
РНБ — Российская национальная библиотека
СВ — Средние века
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров
ТКМГ — Таможенные книги Московского государства XVII в.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мошкова Л. В.</i> Грамотность землевладельцев Переславского уезда в третьей четверти XVI в.	3
<i>Кистерев С. Н.</i> Московские гости конца XVI — первой четверти XVII века: Котовы, Порывкины, Сверчковы.	21
<i>Черкасова М. С.</i> Торговля устюжских монастырей в XVII в.	78
<i>Митрофанов В. В.</i> Работа над диссертацией и «кружок русских историков» по воспоминаниям В. Г. Дружинина	91
Список сокращений	164

Научное издание

ВЕСТНИК
«Альянс-Архео»

Вып. 50

Редактор
С. Н. Кистерев

Научное издательство «Альянс-Архео»
Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 06.05.2026

ИП Новикова О. Л.
ОГРНИП 319784700175460
194352, Санкт-Петербург, пр. Художников, д. 30, к. 1, пом. 437
тел./факс:
— в Москве +7 (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге +7 (911) 254-74-40
E-mail: arheo@mail.ru

